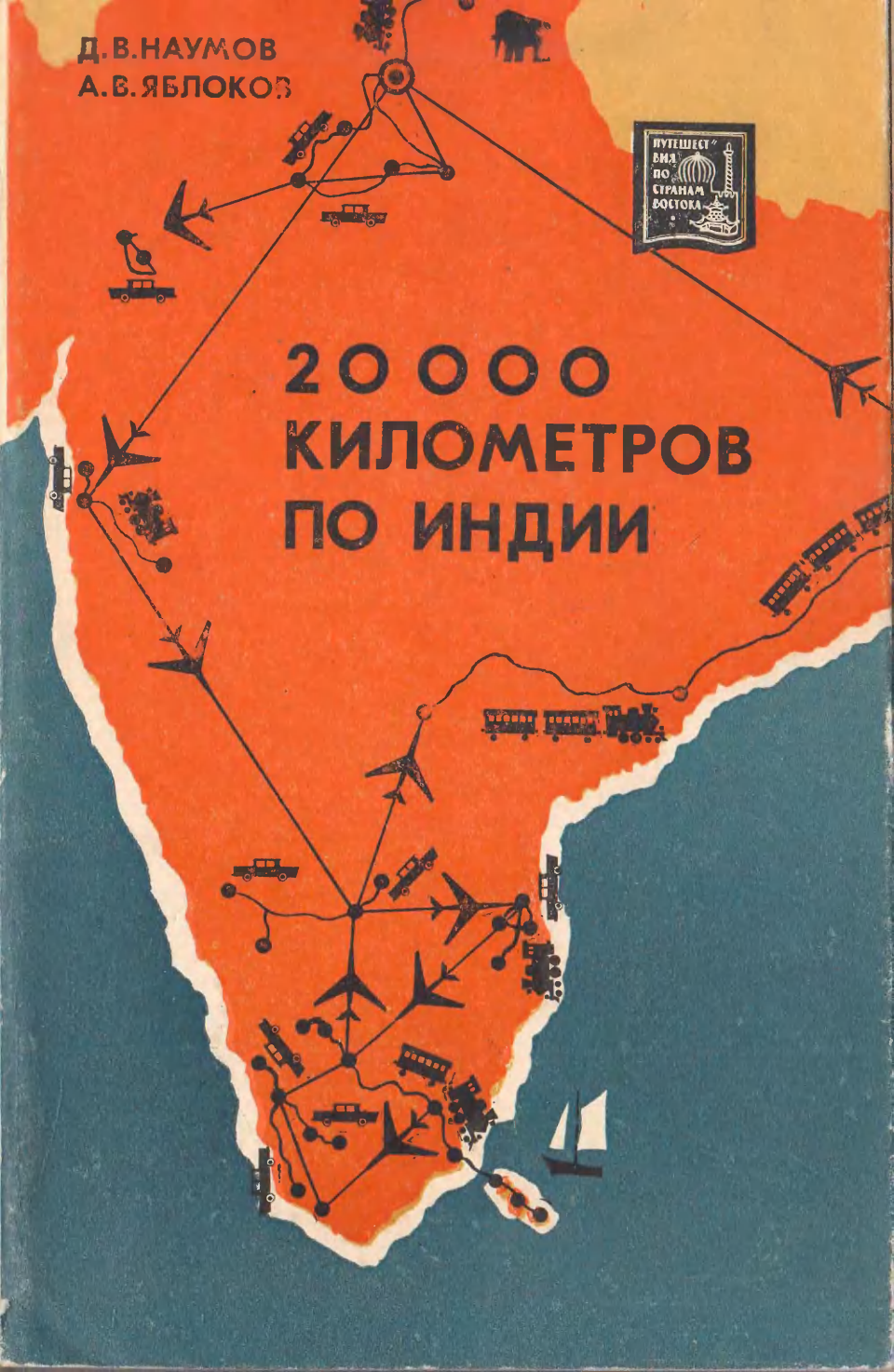

Д. В. НАУМОВ
А. В. ЯБЛОКОВ

20000 КИЛОМЕТРОВ ПО ИНДИИ

АКАДЕМИЯ

НАУК

СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО

·НАУКА·

**Д. В. НАУМОВ
А. В. ЯБЛОКОВ**

**2 0 0 0 0
КИЛОМЕТРОВ
ПО ИНДИИ**

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

МОСКВА 1968

Ответственный редактор
А. Л. БАТАЛОВ

Фото авторов

Наумов Д. В., Яблоков А. В.
Н 34 20 000 километров по Индии. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1968.

280 с. с илл. («Путешествия по странам Востока»)

Книга Д. В. Наумова и А. В. Яблокова — живой и увлекательный рассказ о поездке делегации советских зоологов по Индии. Авторы побывали в Гималаях и на океанском побережье, видели знаменитые индийские храмы и пробирались сквозь джунгли на слонах. Из своего путешествия они привезли замечательные коллекции и эту книгу.

Нашим индийским друзьям посвящаем

Предостерегающий жест опоздал: стая гиббонов, затаившаяся где-то в вершинах, серыми и черными молниями мелькнула над нами и с протяжными криками исчезла. Но экскурсия только начиналась. Впереди нас ждали встречи и с джунглевыми курочками, и с черными фазанами, и с красно-желтыми личинкоедами... Джунгли у подножия гор Кхаси в Ассаме — одно из немногих не тронутых человеком мест в Индии...

Так вот они какие, таинственные «теплые края» детства! Утки с уральских озер, гуси с Западно-Сибирской низменности, чирки с берегов Байкала и множество мелкого птичьего народа из Европы зимуют именно здесь, в птичьем заповеднике Кеоладео Гхана, в окрестностях Бхаратпура. Плоскодонная лодка медленно скользит по мелкой воде, лавируя между деревьями с гнездами смешных аистов-разинь, с настороженными бакланами и анхингами — птицами-змеешейками...

Звонкие коридоры, то огромные, торжественно-чопорные, то уютные по-домашнему холлы. Затейливая кладка красного кирпича подчеркивает изящество арок, переходов, внутренних двориков. Дехра-Дун — крупнейшая в мире лесная академия. Несколько десятков научных учреждений, занимающихся изучением всех сторон жизни одного из удивительных биологических сообществ нашей планеты — леса...

Жарко... Звонит многоголосый восточный базар. Огромные медные чаши весов на цепях, как будто взятые напрокат из аптеки великанов, покачиваются возле целых гор риса, бобов и еще каких-то, неизвестных нам зерен. Наши рубашки прилипли к телу, и кажется, нет конца этой жаре, охватившей весь мир. В десяти минутах езды отсюда — пустыня Тар. В лабораториях Международного института аридных зон мелкие грызуны-песчанки не пьют... годами и превосходно выглядят. На экспериментальных участках пустыни мирно уживаются и плодоносят представители флоры Средней Азии и Атакамы, пустынь Африки и Австралии. А рядом, в городском тупичке, в окружении почтительно склонившихся

зрителен — трясущийся в трансе свами, бродячий святой. И неожиданно, среди монотонного раскачивания и подергивания — зоркий, любопытный, осмысленный взгляд в нашу сторону...

...Закутанные во все имеющиеся теплые вещи, медленно бредем по горной дороге. Рюкзаки, полевые сумки, фотоаппараты, сачки. Спешить нельзя — вряд ли кто-нибудь из нас рассчитывает второй раз попасть сюда, в Гималаи, на границу Непала, Сиккима и Бутана. Интересно все: и необычные дубы, и насекомые, и птицы... Из-за поворота показывается женщина с вязанкой хвороста за плечами. Поравнявшись, дружелюбно разглядывает нас и... высовывает кончик языка! Это — местная форма приветствия. А с ближайшего холма доносится позвякивание медных молитвенных барабанов...

Мы, пять советских зоолгов из Ленинграда и Москвы — ныне покойный профессор Николай Сергеевич Борхсениус, Константин Александрович Бреев, Евгений Витальевич Жуков, Донат Владимирович Наумов и Алексей Владимирович Яблоков, — были в Индии в соответствии с программой культурного и научного сотрудничества между нашими странами. Давно закрыты полевые дневники, написаны все отчеты, проявлены все пленки, а виденное вновь и вновь встает перед нами.

Индия — страна одной из древнейших цивилизаций мира, страна мужественного и трудолюбивого народа, земля, животный мир которой помогает понять развитие всего животного мира нашей планеты. Каждый приезжающий в эту страну смотрит на нее своими глазами. Мы должны были познакомиться с работой наших коллег — индийских зоологов — и удивительным животным миром Индии. Но, проехав, пролетев, проплыв, пройдя по Индии 20 тысяч километров, мы в какой-то степени смогли познакомиться со всей страной, со страной, которая, по словам И. Эренбурга, очарованного ею, «живет одновременно и в прошлом, и в настоящем, и в будущем».

Пусть читатель простит нас за то, что не удалось выдержать всюду строгого тона путевых записок: говорить об Индии, о ее настоящем и прошлом, об ее животном мире равнодушно нельзя. И если эта небольшая книжка послужит дальнейшему росту интереса к этой стране и симпатий к народу Индии, авторы будут считать свою задачу выполненной.

МОСКВА — ДЕЛИ

*На самолете через Памир — Нью-Дели —
Обсуждение программы путешествия —
Тибетский базар — Столичный универси-
тет — «Ликер пермит» — Зоопарк*

Поздно вечером 8 декабря 1963 года все члены советской зоологической экспедиции в Индию собрались в тесном номере старой академической гостиницы «Якорь» на улице Горького. Последняя проверка самого необходимого снаряжения, паспортов, билетов, санитарных сертификатов (удостоверяющих, что каждый из нас сделал обязательные профилактические прививки против холеры, оспы); справки для таможни, рекомендательные письма и адреса, чистенькие полевые дневники, фото- и киноаппараты. Ружья, сачки, ловушки для мелких зверьков, пленка, боеприпасы, высокие сапоги (от змей!) и десятки, сотни других совершенно необходимых, с нашей точки зрения, вещей уже отправлены в аэропорт. Кажется, предусмотрено все, да и едем мы в гости к индийским зоологам, если чего и не хватит в нашем снаряжении — не оставят коллеги в беде... Последние московские впечатления — шорох шин «Волги», летящей по пустынным ночным улицам, редкие пешеходы на Ленинградском проспекте, снежинки, бесконечной чередой бьющие в ветровое стекло...

ТУ-114 вырывает на старт точно по расписанию — в 0.20. Наши попутчики — несколько индийцев, группа английских туристов, работники нашего посольства. Индийцы показывают пример: быстро убирают подлокотники кресел в свободных рядах и растягиваются во весь рост, высунув голые пятки в проход между креслами. Им почему-то не холодно, а мы мерзнем, хотя поверх костюмов закутались в шерстяные пледы, предусмотрительно положенные на полочках.

До сих пор большинство европейцев попадают в Ин

дию морским путем — с юга или самолетом — с запада. Но с каждым годом все оживленнее становится воздушная дорога Москва — Дели, ведущая в Индию с севера. Непроходимые пустыни, бездонные пропасти и высочайшие в мире горы тысячи лет отделяли Индийский подконтинент от чужеземцев. А теперь северная дорога в Индию превращена в сказочное путешествие над одним из все еще недоступных районов мира.

Через три часа полета начинает светать, но это чувствуется только у нас, наверху, на высоте 9 тысяч метров. Земля окутана ночной мглой. Под нами Ферганская долина, и по переливающимся огонькам видны сразу несколько городов: немного в стороне Ленинабад, а затем угадываются вместе Андижан, Фергана, Наманган, Джалалабад.

Наш самолет уже купается в лучах солнца, а на земле в предрассветной мгле еще только начинают вырисовываться горы, стремительно надвигающиеся навстречу. Значит, повернули на восток, чтобы обогнуть Памир — «Крышу мира», и скоро полетим над Китаем. Так и есть: недолгий полет над отрогами Тянь-Шаня — и началась огромная, плоская как стол равнина. На этом плато видно много дорог, небольших поселков. Отдельные постройки стоят по окраинам разбросанных тут и там полей. Но вот между полями появляются пустынные участки, затем поля пропадают совсем, и насколько хватает глаз простирается бесконечная пустыня. Летим над Кашгарией — западным форпостом Китая, над пустыней Такла-Макан, самым большим на земном шаре массивом барханных песков. А справа по борту все время видится громада Памира. Его высота ощущается даже нами, с самолета — такой он неестественно высокий и смотрится не сверху вниз, как мы привыкли уже смотреть за три часа полета, а как-то сбоку. На первом плане, закрывая собой всю западную часть горизонта, тянутся отроги Кунь-луня с их знаменитыми семитысячниками — Конгуром (7719 м) и Музтаг-Атой (7546 м), а дальше, за Сарыкольским хребтом, просматривается лавина вздыбленных одна за другой снежных вершин Памира. Летим над Памиром, наверное, около часа — так велика эта горная страна.

Впереди показываются и быстро приближаются новые горные цепи — большие и маленькие, крутые и по-

логие, вроде бы и похожие на недавно виденные отроги Тянь-Шаня и в то же время уже чем-то неуловимо отличающиеся. Голубые озера как будто врезаны между горными хребтами. Издалека озеро блестит, как льдинка, но подлетаешь ближе, и оно начинает голубеть, синеть. Вот даже рябь волн видна на поверхности какого-то крупного озера. Огромные долины прорезают горные хребты, на дне этих долин скорее угадываются какие-то реки, судя по карте, должно быть, верховья Инда. Сверху видно, как растительность ползет вверх по склонам гор и темноватой накипью застывает, не добежав до вершин. Большинство горных вершин в снегу, но склоны гор, особенно южные, темные, без снега. И горы стали какими-то иными — подобралась совсем близко к самолету, не чувствуется, что летим на высоте более 8 тысяч метров. Это Каракорум — «Черные осыпи» — с его пятикилометровыми перевалами. Но вот последняя, самая мощная, самая крутая и рваная гряда исполинских гор — и мы над Кашмиром. Под нами Индия. И как бы в подтверждение этого нам всем вручают маленькие анкеты, из которых индийские таможенники могут узнать, кто мы, где каждый из нас постоянно живет, откуда и зачем летим в Дели.

Когда после заполнения анкет мы прильнули к окнам, перед нами расстилалась густо заселенная зеленая равнина с множеством лоскутков-полей. Не успели как следует рассмотреть эту новую картину, как под крылом появился огромный зеленый город с прямыми улицами, расходящимися радиусами от центральных площадей, с утопающими в зелени особняками — Нью-Дели. А дальше все пошло, как при посадке на нашем аэродроме где-нибудь в Новосибирске или Красноярске: те же бетонные полосы взлетных дорожек, те же сигнальные огни и станции наведения с локаторами. Только на площадке для стоянки самолетов тускло поблескивает реактивный «Боинг» с опознавательными знаками военно-воздушных сил США. На его крыле толпятся военные и с любопытством разглядывают наш ТУ-114. Пробежавший бензовоз бросился в глаза кроваво-красными буквами «Esso» на пузатом боку*.

---

* Американская компания «Эссо» заправляет самолеты на многих аэродромах Индии.

Выходим из самолета последними, в своих тяжелых драповых пальто, засовывая в карманы шерстяные шарфы. С завистью наблюдаем, как знакомый дипломат, который в одном пиджачке бегал по московскому морозу, здесь чувствует себя прекрасно и налегке шагает к зданию аэропорта. Нас встречают несколько человек во главе с профессором Мани — заместителем директора Зоологической службы Индии, известным специалистом по биологии саранчи, руководителем делегации индийских зоологов, побывавшей в нашей стране полгода назад. Знакомимся с доктором А. Меноном, ихтиологом, специалистом по рыбам горных рек Гималаев. На долю доктора Менона выпала нелегкая задача сопровождать нас все время, пока мы будем в Индии. Очень смуглый, с крупными чертами лица, спокойный и энергичный, он сразу располагает к себе.

Говорят, первое впечатление бывает самое яркое. Может быть, это и правда. По дороге от аэропорта Палам до Нью-Дели* масса броских реклам, ослики и коровы по обочинам дороги, горбатые зебу тащат тележки и телеги, очень много велосипедов и мотороллеров, которые спокойно ведут бородатые сикхи**, часто встречаются босые, худые, в ярких одеждах люди.

Улицы Нью-Дели широкие и очень зеленые, многие дома стоят в глубине небольших двориков, в тени огромных развесистых фикусов и акаций. Строения в новом городе в основном небольшие — не больше трех этажей, типа коттеджей. Впоследствии, взлетая с небольшого городского аэродрома «Сафдаржанг», мы имели возможность взглянуть на город сверху, увидеть его как бы в плане и подивиться гармоничности и красоте городской планировки. Прямые улицы соединяют кольца, полукольца и многоугольники площадей. По ширине асфальтированных магистралей, по напряженности движения, по четкости работы полицейских на людных перекрестках чувствуешь, что попал в большой город, хотя его практически и не видно за зелеными ширмами улиц.

---

* Многие индийцы говорят не «Дели», а «Делхи», буквально произнося английское «Delhi». Вообще в Индии часто сталкиваешься с неправильным произношением английских слов.

** Сикхи — одна из религиозных общин Индии. Религией им предписывается не стричься и не бриться.

На многих крупных перекрестках, образующих не большие площади, стоят памятники: генералы, леди, солдаты с винтовками. Все они чем-то очень похожи*.

Уличное движение напряженное, особенно на центральных магистралях. Быстро несется сплошной поток машин самых разных марок, и в этом потоке резко выделяются своей решительностью и маневренностью вероятно юркие моторикши — небольшие полуоткрытые сооружения для двух пассажиров и водителя, сделанные на базе мотороллера. Такси видны уже издали — по всей Индии они раскрашены одинаково: крыша — в ярко-желтый цвет, низ — в черный. В веренице машин нет-нет да и увидишь знакомые очертания нашей «Волги», хотя общий тон задают, конечно, «амбассадоры» — первая массовая легковая машина индийского производства.

И еще неотъемлемая часть облика столицы, как, впрочем, и других крупных городов Индии, — кинорекламы. Выполненные броско, красочно, тянутся они на огромных щитах вдоль дорог. Рекламируются почти исключительно индийские фильмы, и не удивительно — по производству фильмов кинопромышленность Индии занимает одно из первых мест в мире.

Итак, мы в Дели. Говорят, что это слово в переводе с хинди означает «порог». И это не случайно. Дели стоит, как образно выражается известный географ О. Х. К. Спейт, на великом перекрестке Индийского подконтинента: с севера — поднебесные Гималаи, с юга — пустыня Тар, с запада — плодородная долина Инда, с востока — необъятные просторы долины Ганга.

Считается, что современный Нью-Дели — это по крайней мере восьмая столица, построенная за последние три тысячи лет на территории радиусом около 10 километров.

В средние века здесь была блестящая столица империи Великих Моголов. Один из районов Старого Дели до сих пор сохранил официальное название — Шахджаханабад по имени пятого Великого Могола — падишаха Шах Джахана. О бывших столицах говорят не только названия отдельных частей города: Фирозабад, Туглак-абад, Мехраули, сохранились и остатки этих горо-

---

* Недавно мы узнали, что по решению правительства Индии с улиц, площадей и дорог страны решено удалить все памятники, поставленные английской колониальной администрацией.

дов — часто с великолепными дворцами, храмами, гробницами. На окраине Дели вздымаются руины Старого Форта (Пурана Кила), построенного в XVI веке султанами Хумаюном и Шер-Шахом на месте Индрапрастхи. Она была где-то здесь — эта самая древняя столица Северной Индии, один из пяти полулегендарных городов, упоминаемых в индийском эпосе «Махабхарате». В окрестностях Дели не раз решалась судьба Индии: в конце XII в. воины ислама разгромили индусского правителя — Притви Раджа; в 1398 г. неистовое воинство Тимура захватило и до основания разграбило этот цветущий город, оставив после себя дымящиеся развалины и груды черепов; в 1857 г. Дели был одним из основных центров индийского национального восстания против английских колонизаторов.

Останавливаемся в отеле «Джанпатх» — «Путь народа», на улице того же названия. Принадлежащий государству большой шестиэтажный современный отель радует очень удобными номерами, в которых нам прежде всего бросается в глаза почти полное отсутствие окон: небольшие оконные проемы забраны такой густой деревянной решеткой из находящихся друг на друга плоских планочек, что ни один солнечный луч не попадает в комнату. Под потолком огромные лопасти вентилятора. Сразу чувствуется, что здесь люди стараются укрыться от солнца, спастись от его жгучих лучей. Эта мысль определяет архитектурный облик любого современного здания в тропиках — окна либо погружены в глубь толстой стены, либо прикрыты широким козырьком, либо превращены в узкие щелки.

Сразу после обеда наносим официальный визит в посольство и нашему консулу. Все посольства и миссии располагаются в отдельном, специально выделенном районе, недалеко от здания парламента, резиденции президента и премьер-министра. Английское посольство — целый городок, американское — громадный прямоугольник. Государственный флаг Соединенных Штатов приспущен в знак траура: еще не прошел месяц со дня убийства президента Кеннеди. Рядом, на той же стороне широкой улицы, советское посольство: ажурная решетка, цветник, фонтаны, огромный двухсветный холл, внутренний сад. Напротив нашего посольства — здание посольства Пакистана с ярко-синим куполом и четырьмя стройными минаретами.

Затем визит нашим индийским хозяевам — в отдел науки Министерства просвещения. Нас принимают заместитель министра М. М. Дас и ответственный секретарь министерства А. К. Гхош. Просторные тенистые кабинеты без каких-либо украшений, простые белые одежды. Взаимные приветствия и пожелания развития широких и плодотворных контактов сопровождаются крепчайшим чаем. Чувствуется общее очень благожелательное отношение и деловитость.

Наконец, возвращаемся в отель, приступаем к обсуждению детального плана поездки. Прямо на зеленом войлоке английского газона, по которому можно ходить, не боясь помять траву, в плетеных соломенных креслах расположились все участники делегации. С нами А. Менон и С. К. Саниал — секретарь Министерства просвещения. На столах развернута большая карта Индии, в руках у всех отпечатанная на машинке подробная программа работы, предложенная нашими хозяевами. Здесь все предусмотрено, и наше пребывание в Индии распланировано на три месяца буквально по часам. Намечен маршрут, перечислены все учреждения, которые нужно посетить, указаны адреса отелей, в которых мы сможем останавливаться. Программа насыщенная и интересная, но она не вполне совпадает с желаниями каждого из нас. Выше уже говорилось, что все мы хотя и зоологи, но зоологи разных специальностей: одному хочется подольше побыть на море, другого тянет в горные леса, третьему важнее подробно ознакомиться с паразитами сельскохозяйственных животных или рыб. Перед поездкой в Индию все мы составили индивидуальные программы, они тоже у нас в руках. Теперь наша задача связать все это в нечто единое. Тем не менее взаимопонимание достигается легко, карта служит хорошим подспорьем, в случае необходимости мы подсказываем друг другу забытое слово.

Быстро сгущаются сумерки, вспыхивают яркие фонари. Наконец все вопросы «утрясены», все мнения обсуждены и по возможности включены в программу, один экземпляр которой, весь испещренный вставками, дополнениями и вопросительными знаками, С. К. Саниал аккуратно укладывает в папку. Завтра она будет утверждена министром просвещения и вступит в силу.

Теперь, оглядываясь назад, мы с благодарностью вспо-

минаем и секретаря Министерства просвещения доктора Саниала, и руководителей Зоологической службы Индии профессоров Рунвалла и Мани, которые организовали нашу поездку. Составленная ими программа дала нам возможность за небольшой срок всесторонне ознакомиться с зоологическими и смежными исследованиями, которые ведутся в Индии, побывать в лабораториях и в природе, собрать интересные коллекции. Кроме того, мы видели много городов и поселков, побывали у интереснейших памятников архитектуры и истории, видели жизнь народа Индии.

Наступила теплая южная ночь — наша первая ночь в Индии.

— Я не могу ждать до утра, — признается глава нашей группы Николай Сергеевич Борхсениус.

— Идемте!..

И вот мы на улицах ночного Дели. Вскоре нашим глазам предстало удивительное зрелище: под тентами, на коврах и циновках, было расставлено множество изделий из дерева, бронзы, меди, камня. Пестрыми гроздьями висели яркие каменные бусы, рядами стояли причудливые латунные сосуды, различные металлические и деревянные фигурки животных, людей и богов. Это был знаменитый Тибетский базар, который открыт круглый год с раннего утра до поздней ночи. Вероятно, в нас сразу узнали новичков и начали наперебой зазывать в палатки. Появились самые «ценные» предметы, извлекавшиеся из «запасников». Стоило на минуту остановиться, как за спиной вырастала толпа любопытных мальчишек, которых продавцы безуспешно пытались отогнать. Для нас посещение базара было не менее интересно, чем посещение любого музея, — в этот вечер мы не были покупателями.

Вернулись в отель и разошлись по своим комнатам уставшие от бессонной ночи и полные впечатлений. Но заснуть сразу никому не удалось. Все волновались по поводу утверждения программы, ведь в нее по нашей просьбе были внесены довольно существенные изменения и самый большой знак вопроса стоял против пунктов «Ассам» и «Дарджилинг». Посещение этих мест вообще не было предусмотрено индийской программой, а для нас оно значило очень много: Ассам — крайний северо-восток Индии, с совершенно особой фауной, а посещение Дард-

жилинга — единственная возможность увидеть настоящие Гималаи.

Ранним утром мы, не сговариваясь, встречаемся в нижнем этаже у газетного киоска. Куплены свежие газеты и маленькие, очень удобные карманные англо-русские и русско-английские словарики. Теперь у каждого из нас слегка оттопыривается пиджачный карман. Появился доктор Менон и повел нас в тихий по-утреннему ресторан. Кухня здесь английская: овсянка, яичница с беконом, кофе, поджаренные кусочки белого хлеба — тосты. Напротив нашего столика пустующее сейчас место музыкантов. Вчера, когда мы первый раз вошли в этот зал и сели за столики, было шумно и трое музыкантов исполняли какой-то модный мотивчик. Старший из них — скрипач — весело подмигнул нам, и вдруг раздалась звуки «Подмосковных вечеров».

Во время завтрака доктор Менон сообщил, что сегодня, пока программа еще не утверждена, нам предстоит посетить Делийский университет, куда мы и отправились на двух машинах сразу после завтрака. Столичный университет расположен на окраине Старого Дели в специальном городке, а вернее, в прекрасном парке, который одновременно служит и ботаническим садом — на многих деревьях видны желтые таблички с латинскими и индийскими названиями. Это сделано со смыслом. В Индии растут не двадцать-тридцать видов деревьев, как в нашей средней полосе, а свыше пятисот. Разобраться в этом многообразии сразу трудно, вот студенты и запоминают названия деревьев, ежедневно проходя по парку.

Повсюду между группами деревьев, окруженные цветниками, стоят небольшие двух- и трехэтажные здания: каждая кафедра имеет свой особый коттедж. Мы, конечно, направились прямо к дому, занятому кафедрой зоологии. Здесь под руководством профессора Б. Р. Сишахара работают 20 специалистов-зоологов, большая часть которых одновременно занята и преподаванием. Сам Б. Сишахар и его ближайшие сотрудники изучают строение простейших организмов. Нам было очень приятно узнать, что он высоко оценивает работы школы профессора Ю. И. Полянского, возглавляющего кафедру зоологии беспозвоночных животных Ленинградского

университета и лабораторию в Институте цитологии Академии наук СССР.

Три сотрудника кафедры изучают биологию рыб, один специализируется по герпетологии — науке о пресмыкающихся. Для Индии, где обитает масса змей, многие из которых очень опасны, эта специальность имеет огромное практическое значение. Большая группа сотрудников кафедры — энтомологи, они заняты изучением физиологии насекомых.

— Знаете ли вы, что на усиках вот этого симпатичного клопа, — рассказывает доктор К. Н. Саксена, приглашая посмотреть в микроскоп, — каждый из волосков воспринимает либо механические, либо химические раздражения, либо очень чутко реагирует на изменение влажности?

— Дело в том, что клоп-дисдеркус повреждает семена хлопка, однако он не может питаться сухими семенами, степень влажности которых он легко и точно устанавливает.

— Определив влажность семян, — продолжает К. Н. Саксена, — можно предвидеть, нападут ли на них клопы, и предотвратить в случае надобности потери. При низкой влажности можно не беспокоиться — клопы сухих семян не тронут.

В другой комнате на стене висит таблица с рисунком свиньи, грустного полуголого мужчины и водяного ореха. Все они стрелками соединены с изображением паразитического сосальщика фасциолопсиса (*Fasciolopsis buski*). Исследования сотрудника кафедры Л. Н. Йори показали, что заражение этим паразитом происходит при раскалывании зубами плодов водяного ореха, к скорлупе которых прикрепляются микроскопические личинки сосальщика.

В беседах незаметно подошло время обеда, но нам не захотелось возвращаться в отель, так как осмотр университета еще не закончился. Наши любезные хозяева предложили нам закусить вместе с ними. Быстро вынесли столики на лужайку внутреннего дворика, появились сэндвичи, фруктовые соки, соленые орешки кешью и бананы.

Простившись с нашими коллегами-зоологами, мы направились в университетскую библиотеку, которая занимает отдельное большое здание.

По библиотеке всегда виден уровень работы в научном учреждении или преподавания в университете. В наш век одна из важнейших задач — быстрая и точная информация. Все это немыслимо без организации сложного библиографического хозяйства*.

В первом этаже общеуниверситетской библиотеки находится абонемент, хранилище и небольшие залы для просмотра новой литературы. Второй этаж занят специальными аудиториями для лекций, диспутов и встреч. Третий этаж разделен на небольшие комнатки, в которых имеется около 500 рабочих мест.

В читальнях почти пусто. Зато много студентов удобно расположились в парке, в тени деревьев. Здесь прямо на траве юноши в белых рубашках и девушки в ярких сари группами сидели с книгами и тетрадями в руках. Узнав, что мы из Советского Союза, студенты одной из таких групп, занимавшиеся ботаникой, забросали нас вопросами о системе обучения в советских университетах.

С нетерпением ждем вечера: обещал прийти С. К. Саниал с утвержденной программой путешествия по стране. Он появляется с объемистым портфелем, из которого достает и вручает каждому довольно толстую тетрадь — текст программы. Ура, все утверждено! В дальнейшем наша жизнь в Индии была строго регламентирована, билеты на все поезда и самолеты всегда были заказаны, места в гостиницах забронированы.

Как-то днем доктор Менон заявил нам, что всем необходимо съездить в турист-офис, чтобы выполнить мелкие формальности, облегчающие путешествие. Любезный чиновник в офисе рассказал нам, между прочим, что, поскольку во многих штатах Индии существует сухой закон, правительственные органы дают специальное разрешение иностранцам на употребление крепких напитков в любом штате — «ликер пермит».

Смущенно переглядываемся — кажется, среди нас нежелających пить «крепкие напитки» в такую жару, может быть, нам и не стоит получать этот «ликер пермит»? Но

---

* Индийские исследователи отлично знают всю литературу выходящую на английском языке. Нам впоследствии не раз приходилось бывать в библиотеках даже небольших специализированных институтов, которые выписывают по 300—400 названий журналов и другой периодики.

доктор Менон мягко советует все же подать заявление для получения разрешения. Что же, ему виднее. Но стойте, зачем ставить такие огромные печати в наши новенькие иностранные паспорта? Но дело сделано, и паспорта, к нашему общему огорчению, украшаются внушительных размеров штампом, удостоверяющим, что отныне и на все время пребывания в Индии нам разрешено потреблять спиртное на всей территории страны без какого-либо ограничения.

Мы так и не смогли до конца уяснить довольно сложное законодательство по этому вопросу на территории разных штатов. В некоторых штатах (их меньшинство) продажа спиртных напитков запрещена совершенно, в других — они продаются свободно во все времена года. Есть тонкие и многочисленные переходы между этими крайностями. Так, например, в Дели, запрещение употреблять спиртные напитки не распространяется на частные дома, специальные залы в ресторанах и на членов клубов.

Винные магазины должны быть закрыты по вторникам и пятницам, а также во все праздничные дни. В местах общественного питания этот закон тщательно выполняется, и время от времени у входа в рестораны появляются таблички: «Dry day» («сухой день»). Из-за такого ли совершенного законодательства или по другим причинам, но мы ни разу не видали ни одного пьяного ни на улицах, ни в ресторанах.

По программе нашей поездки мы должны были провести в Дели несколько дней, чтобы познакомиться не только с крупнейшим в стране Делийским университетом, но и побывать в Индийском сельскохозяйственном институте, встретиться с зоологами в местном отделении Энтомологического общества и, наконец, подготовиться к длительной поездке по южным штатам — Махараштре, Майсуру, Мадрасу и Керале.

Мы, конечно, выбрали время, чтобы попасть в зоопарк. Посещение зоопарка интересно прежде всего профессионально. Известно, что в зоопарках всегда лучше всего представлены местные животные, которых сравнительно легко получать и которые хорошо живут в условиях привычного климата. Известно нам также было и то, что почти все крупные тропические животные ведут ночной образ жизни и увидеть их в природе, даже там,

Белобровый гиббон-хулок

где их много, можно лишь при организации специальных облав или ночных засад. Поэтому наше посещение зоопарков мы рассматривали как своеобразные экскурсии, позволяющие узнать тех представителей животного мира Индии, которых иначе нам просто не удалось бы увидеть.

Делийский зоопарк поразил нас своими размерами — это действительно настоящий парк с просторными вольерами, где животные часто живут в условиях, имитирующих полную свободу. В этом, как и в других зоопарках страны, большое внимание уделяется содержанию тигров. Здесь живут пять или шесть обычных тигров и два тигра почти совершенно белых с темными полосами. Вольеры с тиграми, как и большинство вольеров с другими животными, отделены от зрителя не сетками или изгородями, а глубокими наполненными водой рвами с крутыми стенками.

А вот и обезьяны. Их тут содержится не менее 15 видов, причем есть не только азиатские, но и южноамериканские.

Запомнился совершенно черный ручной гиббон-хулок (*Hylobates hoolock*) — удивительно симпатичное существо, ростом не более 60—70 см, с шелковистой длинной шерстью, смышенной мордочкой и руками с длинными-длинными пальцами. Единственное светлое место на теле — небольшие четкие белые полосы шерсти на надбровных дугах. Он охотно идет на руки служителя, обхватывает его шею тонкими и гибкими руками и кричит «ху-хуу!». Длинные передние конечности гиббонов позволяют им с большой ловкостью передвигаться среди вершин деревьев. Если размах рук человека примерно равен его росту, то размах рук гиббона вдвое превосходит длину тела. Но эти огромные, непропорционально развитые руки неуклюжи, только пока гиббон на земле. Впоследствии нам пришлось встретить стаю гиббонов в джунглях Ассамы и подивиться их грациозности и стремительности. Как серые тени (самки на пятом году жизни становятся светлыми), мчатся гиббоны по верхушкам деревьев. Во время движения они почти все время «летят» в воздухе, лишь отталкиваясь руками от ветвей.

Сидящий в просторном вольере маленький хульман (*Semnopithecus entellus*) давно заученным движением ловких черных пальчиков залезает за щеку прижавшегося лицом к сетке молодого служителя, вытаскивает оттуда кусочек банана и отправляет его себе в рот. Здесь можно рассмотреть эту обезьяну вблизи, а не на крыше дома или за доской вывески магазина в городе, где хульманы тоже нередко встречаются. Смешная черная мордочка и голые черные кисти рук выделяются на желтовато-серой шерсти. По преданию, хульман выкрал плод манго из волшебного сада какого-то ракшаса*, чтобы отдать его людям. В наказание за это злой ракшас приговорил хульмана к сожжению на костре. Проворный и хитрый хульман сумел потушить костер, но обжег себе при этом лицо и лапы, которые с тех пор так и остаются черными.

Двое маленьких шимпанзят одеты в штанишки и курточки и с важным видом прогуливаются по небольшой

---

* Мифическое полубожественное существо.

площадке. А недалеко среди лужаек можно бесплатно прокатиться на слоне: еще молодой слон послушно подходит под лестницу с посадочной площадкой, на махан, укрепленный на его спине, забирается дюжина ребятишек, и под их восторженный визг слон медленно шествует по аллеям парка. Здесь же можно поиграть и с совсем маленьким слоненком, веселым, волосатым и очень смешным. Чтобы он не особенно хулиганил, служитель крепко держит его за мягкое волосатое ухо. Научные сотрудники зоопарка показывают нам двух недавно родившихся котят пантеры, они еще не могут держаться на ногах, глаза еле-еле открыты, как узенькие щелочки. Котята очень флегматичные: безропотно позволяют брать себя на руки.

Зоопарк существует всего шесть лет. В нем работает небольшая научная группа, занимающаяся проблемами содержания и выращивания редких животных. Хорошо поставлена информационная служба: много плакатов с подробными планами парка, указателями дорожек к наиболее интересным животным — тиграм, носорогам, обезьянам.

На клетках с большим степным орлом, лисой и песцом крупные надписи: «Подарок Московского зоопарка», а на клетках носухи-енота — «Подарок Вашингтонского зоопарка». При выходе из парка большой ящик с надписью: «Вы можете опустить сюда любой свой вопрос о животных, и зоопарк пришлет по почте ответ».

За несколько дней пребывания в Индии наш пассивный английский язык начал чудодейственным образом активизироваться. И к тому были веские основания. В один из вечеров индийское Энтомологическое общество организовало нам встречу с делийскими зоологами. Снова мы в университетском парке, большая аудитория полна, пришли научные работники разных зоологических специальностей, студенты, корреспонденты газет.

Собрание открывает профессор Мани. В кратком вступительном слове он говорит о крепнущей дружбе между народами СССР и Индии, о растущем культурном и научном обмене между нашими странами, представляет нас присутствующим и просит пройти в президиум. Сказав затем о программе нашего пребывания в Индии, профессор предлагает каждому из нас сказать несколько слов о себе. Конечно, говорить по-английски нам трудно,

но мы поочередно встали и говорим о своей работе, о том, что хотели бы получить в результате поездки по Индии. Как ни странно, нас все поняли, и зоологи и корреспонденты задают много вопросов. На другой день краткий отчет о собрании появился в большинстве столичных газет.

Необходимость постоянного общения — лучший учитель языка. Это золотое правило полностью подтверждается и нашим опытом. К концу работы в Индии мы говорили по-английски уже достаточно свободно.

ГЛАВА II

АГРА — ДЖАЙПУР

Древняя дорога в Агру — Опасайтесь велосипедов — Школа под баньяном и колледж во дворце — Великие Моголы — Мертвый город — Тадж Махал — Жизнь Агры — Знакомство с обезьянами — Картошка и бананы — Где зимуют наши птицы? — Розовый город — «Из машин не выходить — на дороге тигры!» — Алвар — Снова в Дели

Утром 13 декабря на двух машинах мы отправились на юг от Дели в первую небольшую поездку. Как только машины выбрались из города, началось прекрасное шоссе, на десятки километров обсаженное баньянами и акациями. Мощные кроны деревьев создают над дорогой сплошной зеленый свод. Глубокая тень шоссе резко контрастирует с залитыми солнцем полями. Вспоминается утверждение нашего крупнейшего индолога академика Ф. И. Щербатского: «Одной из первейших обязанностей хорошего управления в Индии всегда считалось устройство казенных гостиниц и хороших дорог, обсаженных деревьями для защиты путешественников от палящего солнца» *.

---

* Ф. И. Щербатской, *Научные достижения древней Индии*, — в кн. «Отчет о деятельности РАН за 1923 г.», Л., 1924, стр. 186.

Наши шоферы, уже немолодые, спокойные люди, гонят машины на большой скорости. Особенно торопится бородатый сикх, его машина идет буквально вплотную за первой, в которой дремлет доктор Менон. Стрелки спидометров колеблются между цифрами 60 и 70, но это не километры, а мили, и значит, мы несемся со скоростью 97—113 км/час. Вождение автомобиля в Индии — дело очень трудное, на дорогах и улицах городков и деревень масса пешеходов, велосипедистов, гужевого транспорта, собак и бродячих коров. Конкретным, сформулированным правилам движения подчиняется практически только механизированный транспорт. Особенно «опасны» велосипедисты. Вот пожилой крестьянин медленно едет на стареньком велосипеде, виляя из стороны в сторону. Совершенно неожиданно, не оглянувшись, он вдруг перед самым радиатором нашего «плимута» переезжает на другую сторону дороги. Шофер делает движение баранкой, чтобы уклониться в сторону. На лице его не заметно ни испуга, ни недовольства: это в порядке вещей. Корова с теленком попадает непременно на углу улицы, за поворотом: здесь, повернувшись хвостом к проезжей части и загородив половину узкого проулка, она спокойно жует банановую кожуру. Собаки мирно спят посреди улицы, предоставляя водителю объезжать их справа или слева.

На загородных дорогах в центральной части страны много раз встречаются щиты с поучительными надписями вроде «Better late than never» («Лучше поздно, чем никогда»), призванные, очевидно, успокаивать увлекшихся водителей. Но зато дорожные знаки неизменно любезны — там, где кончается зона действия ограничивающих скорость знаков, — большие щиты с надписями: «Thank You!» («Спасибо!»).

Маленькие поселки чередуются с полями, а прямая тенистая аллея баньянов все продолжается. Под одним из них замечаем группу обезьян. Несколько старых и молодых макак (*Macaca mulatta*) спокойно сидят под деревом и что-то сосредоточенно жуют. Время от времени через дорогу перелетает красивый зеленый попугай с длинным, как у сороки, хвостом.

По дороге, обычно на окраинах деревень, встречаем много школ, расположенных в тени больших деревьев. Учительница или учитель объясняют, рисуют на большой

черной доске, а дети сидят прямо на земле ровными рядами.

Несмотря на трудности с развитием экономики, правительство Индии ввело бесплатное обучение в начальной школе — первых пяти классах. Ребята посещают школу начиная с пяти-шести лет.

Вторая (платная) ступень школы — еще пять лет обучения, после чего обеспеченная молодежь может поступать в колледж.

Вначале наш путь проходит по южной части штата Пенджаб, а километрах в 100 от Дели мы пересекаем границу штата Уттар Прадеш. Впрочем, граница эта чисто административная, никаких существенных изменений ни в ландшафте, ни в характере строений обнаружить нельзя. Пожалуй, только все больше попадаетея женщин в оранжевых сари.

Быстро проехали 200 км, отделяющих Дели от Агры. Невдалеке от города нас встретил профессор Мани. Он лично хотел ознакомить нас с работой колледжа, которым он руководил много лет.

Расположен колледж в нескольких зданиях, одно из которых — бывшее дворцовое помещение. Он субсидируется из частных средств, однако ему оказывает материальную поддержку также и правительство штата. Обучение производится на трех отделениях: искусства, науки и коммерции. Преподают английский язык, хинди, математика, химия, биология, география, право и экономика. Обучение платное (20 рупий в месяц без еды и жилища и 150 рупий — с полным пансионом*), но женщины от платы освобождены. Эта мера правительства штата способствует большему привлечению женщин к общественной жизни.

Всего в колледже одновременно обучается 1000 студентов, из них 500 человек на первом курсе, после которого в результате очень серьезных экзаменов происходит отсев и на старших курсах остаются только наиболее способные студенты.

Мы побывали в аудиториях, учебных помещениях и лабораториях колледжа; задержались, конечно, в зоологической.

---

* Средний квалифицированный рабочий получает около 130 рупий в месяц.

— Мы готовим высококвалифицированные кадры энтомологов, — рассказывает доктор Т. Сингх, который сейчас руководит зоологической лабораторией. — Основные направления наших исследований — изучение систематики и биологии насекомых. Проводим экспериментальные работы, хотя для этого не хватает современного оборудования.

По организации учебного процесса, обеспеченности преподавательскими кадрами колледж в Агре — типичное высшее учебное заведение Индии, в этом мы могли убедиться, посетив за три месяца многие университеты и колледжи страны.

Один из дней нашего пребывания в Агре был полностью посвящен знакомству с ее выдающимися историческими и архитектурными памятниками эпохи Великих Моголов. Основатель династии Великих Моголов Бабур — правнук Тамерлана (Тимура), бывший правитель Ферганы — захватил в 1526 г. делийский престол.

Постепенно власть Великих Моголов распространяется на всю Северную Индию. Особого блеска Могольская империя достигает при внуке Бабура — падишахе Акбаре, выдающемся политическом и государственном деятеле средневековья. «Акбар возродил древнюю мечту об единой Индии, не только политически объединенной в одно государство, но и органически слившейся в один народ» *. Он женился на раджпутской княжне, и его сын и наследник Джахангир был, таким образом, наполовину моголом, а наполовину — индусом-раджпутом.

Последним падишахом из этой династии был Аурангзеб, внук Джахангира, который пришел к власти, заточив в крепость своего отца, Шах Джахана, и убив троих братьев. Нетерпимый ревнитель ислама, он воспротивился местному населению и, несмотря на внешне успешные завоевательные походы, привел государство в упадок. После его смерти в 1707 году оно распалось на ряд мелких владений.

Период Великих Моголов ознаменовался в Индии созданием творений, неповторимо сочетающих в себе персидские мотивы с древней индийской культурой. Хотя столицей империи формально оставался Дели, резиденцией

---

* Дж. Неру, *Открытие Индии*, М., 1955, стр. 272.

Великих Моголов, начиная с Бабура, стала Агра, расположенная в живописном месте на берегу реки Джамны в 200 км от Дели, куда мы и приехали зимой 1963 года. В XVI веке Агра становится крупнейшим городом не только Северной Индии, но и всего мира. В это время, по свидетельствам путешественников, в Агре насчитывалось до 700 тысяч жителей, и по размерам она превосходила Париж и Лондон.

В период расширения империи Акбар строит новую столицу — Фатехпур («Город победы») в 43 км от Агры. В одну из очередных экскурсий мы оказались в его окрестностях. Трудно говорить об этом городе. Нет никаких следов разрушений: стены, дворцы, многочисленные переходы, ажурные башни, внутренние дворики — все сохраняется таким, каким оно осталось после ухода отсюда людей 350 лет назад, через 14 лет после создания всего чудесного архитектурного ансамбля. Виной тому, говорят, было отсутствие воды. Основная — дворцовая — часть города построена на холме и окружена высокой каменной стеной. По ней бодро бегают козы, забирающиеся каким-то чудом на высоту в несколько десятков метров. В город ведут два парадных входа — Буланд-дарваза и Бадшахи-дарваза. Особенно эффектен первый — «Высокие ворота», — скорее походящий на мечеть с характерным высоким главным портиком. В архитектуре «ворот» иранский стиль сливается с чисто индийскими мотивами и техникой выполнения. Как и весь город (кроме беломраморного мавзоля Шейха Селима), Буланд-дарваза сооружен из виндхийского красного песчаника, инкрустированного более светлым розовым и желтым орнаментом.

Сейчас во дворце несколько маленьких лавочек с сувенирами. Повсюду удивительная чистота, аккуратно подстриженные газоны и цветники. Заходишь в гулкие пустые залы, проходишь по полированным плитам внутренних двориков — и на память приходят слова Джавахарлала Неру об Акбаре, который восседал в Фатехпур-Сикри, «беседовал и спорил с учеными богословами — представителями самых различных религий, горя желанием узнать что-нибудь новое и найти разрешение вечной загадки человека».

Из рассказов современников и документов, оставшихся от того времени, можно смело заключить, что Акбар

был одним из наиболее великих правителей средневековья не только в Азии, но и во всем мире. (Находясь в Индии, часто чувствуешь, как односторонне и ущербны наши знания в области истории человеческой культуры. Без древней и средневековой истории Америки, Африки, Азии нельзя правильно понять пути развития общечеловеческой культуры). Интересно, что, мечтая о создании синтетической религии, которая объединила бы все народы мира, он был исключительно веротерпим. Одна из его любимых жен — Мария — была уроженкой Португалии. Помещения ее дворца в «Городе победы» были расписаны индийскими мастерами на сюжеты Библии. Соседний дворец, принадлежавший другой жене Акбара — раджпутской княжне из Джоджпура и матери Великого Могола — Джахангира, украшен фигурами в традиционном индийском стиле. Наконец, еще одной любимой женой императора была Руми-Султани, дочь константинопольского султана.

Посередине центрального внутреннего двора огромной мечети — квадратный водоем и рядом небольшой изящный беломраморный мавзолей, резко выделяющийся среди красных дворцовых зданий. Это гробница шейха (святого) Селима.

Вокруг дворцовой части города располагались раньше многочисленные здания подсобных служб, монетный двор, казармы для солдат, жилые постройки. Теперь на их месте одни развалины, много зелени и, что в Индии бывает очень редко, совсем безлюдно...

Может быть, поэтому уезжали мы из «молчаливого свидетельства победных снов Акбара» (так возвышенно характеризуется Фатехпур-Сикри в путеводителях) с чудесными экземплярами бабочек, пауков, кузнечиков и клопов.

Побывали мы и у мавзолея Акбара, находящегося в местечке Сикандра в 10 км от Агры. Архитектура гробницы Акбара подчинена идее, которая была определяющей во всей его деятельности: объединение в одном государстве индусов и мусульман. Строгие линии, изящные орнаменты зеленого, желтого, красного цветов по розовому фону, высокие минареты с затейливыми вершинами — вход на территорию гробницы — выдержаны в совершенно мусульманском стиле, разве только обилие орнамента из цветов на фасаде напоминает об Индии и

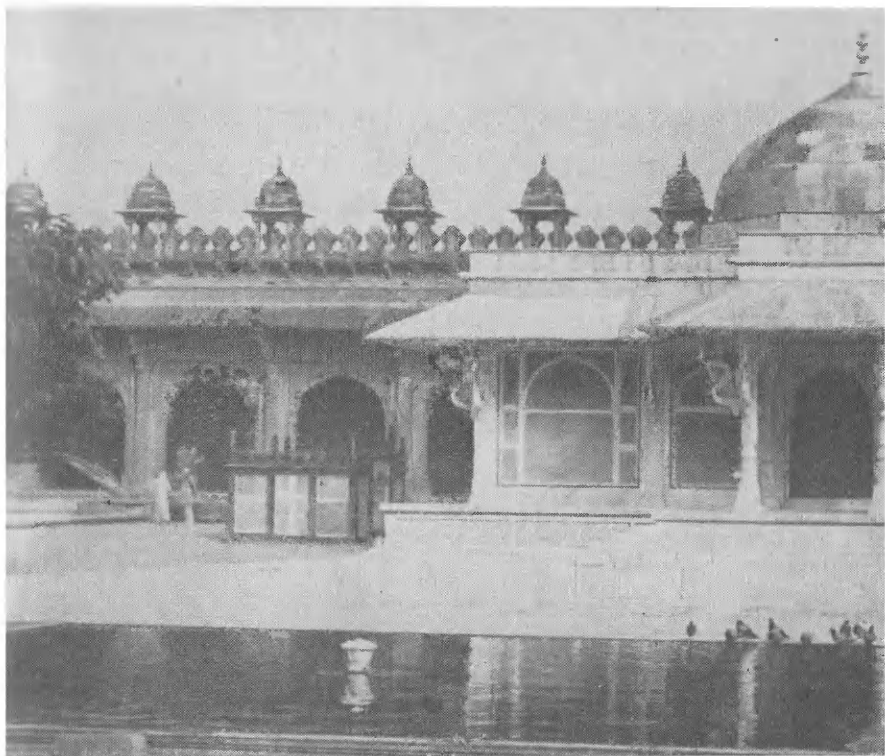
отсутствуют каллиграфические строки из Корана. Но вот вы проходите через узкие ворота, и вдали, посреди парка, возникает сооружение, больше всего похожее на дворец индийского махараджи, но уж никак не на гробницу мусульманского падишаха. Аркады галерей, легкие ажурные павильоны, рассыпанные по верхнему этажу здания...

Акбар добился расцвета империи Великих Моголов, но обессмертил Агру, конечно же, его внук Шах Джахан созданием Тадж Махала. О Тадже написано столько, что, кажется, добавить к этому уже совершенно нечего. Это верно в отношении лишь «анкетных данных» — когда и кем построен, какой архитектурный стиль и какова планировка. Но чем точнее делается такое описание, тем оно становится суше и... дальше от действительности, от того, что видишь собственными глазами и чувствуешь.

Наследник падишаха Джахангира (четвертого Великого Могола) — Шах Джахан женился на девушке по имени Арджуманд Бану. Шах Джахан и Арджуманд очень любили друг друга. Арджуманд была спутницей мужа во всех его походах, верной и мудрой советчицей в государственных делах. Умная, красивая и обаятельная Арджуманд заслужила прозвище «Мумтаз Махал» — «избранница двора».

Но через два года после того, как Шах Джахан в 1627 году стал пятым Великим Моголом, в одном из военных походов Арджуманд умерла от родов (она уже была матерью восьми сыновей и шести дочерей). Велико было горе Шах Джахана, он поклялся никогда больше не жениться и построить Мумтаз гробницу, равной которой нет на свете.

После широкого конкурса всех архитекторов Востока лучшие мастера Персии, Турции и Индии под руководством придворного зодчего Устад-Иса более двадцати лет сооружали мавзолей. На стройке было занято 20 тысяч рабочих. Белый мрамор — основной материал строительства — доставлялся из Джайпура, яшма — из Пенджаба, алмазы — из Пуны, сапфиры и лазурный камень — с Цейлона, кораллы — из Аравии, гранаты — из Бунделькханда, ониксы — из Персии, халцедоны — из Малой Азии, агаты — с Цейлона, бирюза — из Тибета... Нам приятно было узнать, что в когорту зодчих, создавших Тадж, входили двое декораторов — резчиков по камню

Гробница шейха Селима в Фатехпур-Сикри. XVI в.

из Бухары, а один из двух главных мастеров, строивших купол, был узбеком из Самарканда.

Тадж — «Поэма в камне», «Мраморный сон» — возник на высоком берегу Джамны, в двух километрах от Агры. Торжественно сюда были перенесены останки Мумтаз и помещены в нижнем этаже гробницы; там мог бывать только сам Шах Джахан. Наверху же, в просторном высоком зале была поставлена точная копия надгробия, сделанного из белого мрамора и инкрустированного самоцветами. По замыслу Шах Джахана, после его смерти на другом берегу Джамны должен был быть построен мавзолей, в мельчайших деталях повторяющий мавзолей Мумтаз, но сделанный из черного мрамора. Этим планам

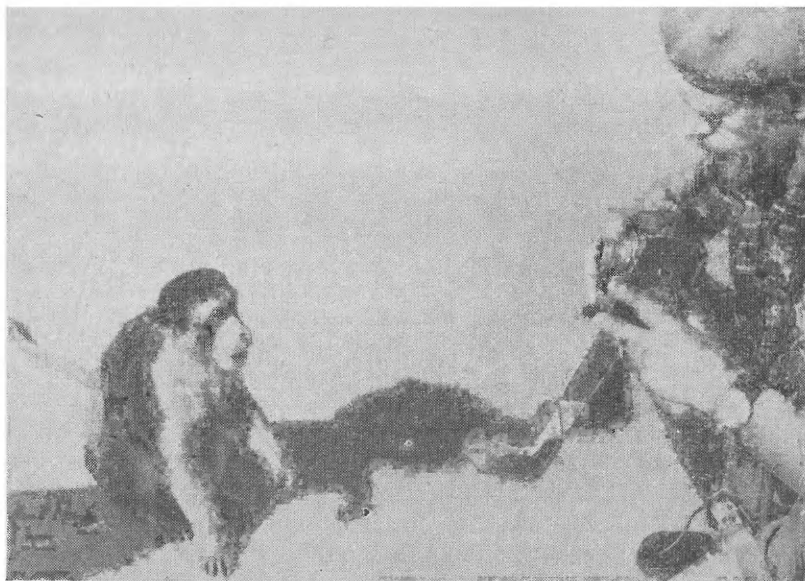
не суждено было сбыться. Как уже говорилось, Аурангзеб, сын Шах Джахана и последний настоящий Великий Могол, не захотел выполнить мечту отца, которого он сверг с престола и заточил на долгие годы в крепость. Выполнена была лишь одна просьба Шах Джахана: до самых последних дней своей жизни он мог любоваться Тадж Махалом — окна и балкон его тюрьмы выходили как раз в сторону Тадж Махала. Шах Джахан провел в заточении 16 лет и дожил до глубокой старости. В конце жизни он почти ослеп, и по приказанию Аурангзеба в одну из колонн балкона был вделан маленький кусочек зеркала, в котором Шах Джахан мог видеть отражение Таджа.

После смерти Шах Джахана его останки были помещены рядом с останками Мумтаз. Три столетия стоит этот памятник любви, и слава о нем несется по всему миру.

Мы дважды были в Тадж Махале. В первый раз приехали туда пасмурным вечером. В другой раз, отложив какие-то деловые визиты, отправились в Тадж прямо с утра и провели в нем несколько часов.

Сам мавзолей — громадное мраморное пятикупольное здание, стоящее на обширной беломраморной площадке с четырьмя четырехступенчатыми минаретами по углам, каждый из которых высотой около 75 метров. Мавзолей расположен в открытой части большого парка, вход в который оформлен в виде огромной каменной арки из розового песчаника. Сначала в узкие ворота не видно ничего, и вдруг через несколько шагов во всем великолепии открывается Тадж — ослепительно белый, словно чудом висящий между изумрудной зеленью открытых лужаек парка и бездонной голубизной неба, а от него бежит, словно голубая дорожка, лента искусно сделанного водоема.

Не перестаешь удивляться мастерству зодчих, создавших такое чудо. Тадж великолепен отовсюду — вблизи и издалека, целиком и в каждой своей частице: точеных минаретах-башенках, стройных маленьких угловых и грандиозном центральном куполах, в простоте и изяществе арок, мастерстве кружевной резьбы по камню, россыпях самоцветов, образующих декоративный цветочный орнамент по всему зданию, и изысканной вязи строк из Корана, обрамляющих арки.

Предводитель стаи бандеров

Тадж — не мечеть, не храм в буквальном смысле этого слова. Это — усыпальница, мавзолей. И видишь, как приходящие сюда люди невольно испытывают благоговейное чувство, приобщаясь к великому жизнеутверждающему искусству. На площадке перед зданием и в самом здании сотни, тысячи людей и... тишина. Внутри, у ажурной мраморной решетки (точная копия золотой, снятой Аурагзобом), служитель в белом. Высоким прерывающимся голосом неожиданно громко поет он фразу молитвы, и эти звуки наполняют все здание, разрастаются, усиливаются и постепенно замирают где-то в бесконечной высоте купола.

Все это — и сам Тадж Махал, и бескрайние дали на горизонте за синевой Джамны, и радостную яркость одежд тысяч непрерывно идущих сюда людей — все это сразу понять и осмыслить невозможно. Отходим куда-то в уголок и молча сидим. Немного успокоившись, находим свои туфли среди сотен других пар обуви у основания лестницы, ведущей на площадку мавзолея, и отправляем-

ся в парк. Поражает чистота газонов, хотя везде сидят группы отдыхающих людей. Всюду безбоязненно бегают пальмовые белки, смешные ловкие маленькие создания, очень похожие на наших бурундуков. Смело хватают кусочки хлеба, подбегая почти вплотную, а то берут хлеб и прямо из рук.

Сегодняшний вечер свободен от деловых визитов, и мы решаем посмотреть, чем живет город. Идем по первой попавшейся улице, затем сворачиваем в переулок, затем еще раз. Узкие кривые улочки освещены электрическими и керосиновыми лампами; бойко идет торговля фруктами, различной снедью, дешевыми материями и готовой одеждой. Вокруг снует масса людей, довольно грязно, пыль, валяются консервные банки, тряпье, бумажки. Продают очень много сахара-сырца — джиггери. Это огромные, до полуметра в диаметре, толстые коричневые круги, прикрытые марлей, но все же они кажутся шевелящимися от толстого слоя мух. Продают прямо со столов, выставленных на улицы. Магазинов почти нет, в лучшем случае имеется подобие ларьков.

Вот ровный уличный гул нарушается громкой музыкой. Несколько оркестрантов быстро спускаются вниз по улочке, за ними движется крытая карета, запряженная парой вороных лошадей. Далее идет странная процессия: большая толпа людей, несущих высоко над головой кровать, стол, стулья, посуду, предметы одежды. Шествие замыкают вездесущие мальчишки. Оказывается, это свадьба. Молодоженов не видно — они сидят в карете, а за ними несут приданое и свадебные подарки. Не успеваем мы проводить глазами одну свадебную процессию, как появляется другая. Здесь нет музыкантов, зато жених едет верхом на лошади (невесту везут за ним в тележке), далее опять несут мебель. Впоследствии мы узнали, что в городе имеются специальные конторы, дающие молодоженам напрокат верховых и упряжных лошадей, осликов и кареты. Традиция требует, чтобы в день свадьбы молодые торжественно проехали по городским улицам.

Во время пребывания в Агре мы впервые близко познакомились с «вольными» обезьянами. Конечно, они попадались нам и раньше — в парках Дели, на обочинах дорог, высывались из-за вывесок в маленьких городках. Но видели мы их издали, мельком, чаще всего из машин, и обычно не более двух-трех сразу. Поэтому понятен вос-

торг, который охватил всех при посещении мавзолея Акбара, когда навстречу нам выбежало несколько хульманов. Соскочив с растущих кругом больших баньянов на плиты дорожки, ведущей к мавзолею, хульманы, в основном самки с висящим на брюхе у каждой детенышем, окружили нас, усевшись на расстоянии двух-трех метров. Всем своим видом они выражали желание получить что-нибудь вкусное. Пришлось вернуться к машинам за угощением — бананами, апельсинами, бутербродами. Подружиться с хульманами оказалось проще, чем мы думали: обезьяны безбоязненно подходят вплотную и берут из рук лакомства своими ловкими черными пальчиками. В зависимости от размера «добычи» они либо тут же запихивают ее в рот, либо не спеша прыгают к деревьям. Звери настолько уверены в своей безопасности, что позволяют брать себя за руку (правда, лишь когда другой рукой даешь что-нибудь вкусное). Ладонка у обезьян оказалась на ощупь неожиданно нежной, мягкой и прохладной. Но гладить даже таких, казалось бы, доверчивых и ручных обезьян опасно: кроме нежных ладошек у них, оказывается, есть мгновенная реакция и довольно острые зубы.

15 декабря рано утром покидаем Агру и отправляемся на запад. Первая остановка на опытных полях небольшой сельскохозяйственной станции. Нам несколько странно видеть капустные грядки между рядами мандаринов и грейпфрутов. Плантации типично тропических культур — гуавы, бананов, папайи (дынного дерева) — расположены рядом с большим картофельным полем.

Хозяева сокрушенно рассказывают нам, что плантациям цитрусовых, главным образом грейпфрутов, большой ущерб наносят вороны, расклевающие самые зрелые и сладкие плоды. Как потом оказалось, всех плодов вороны не расклевали. Перед отъездом нас угостили отменными грейпфрутами.

Едем дальше на запад. Местность — типичная саванна — слегка всхолмленная равнина, кое-где группы деревьев. То тут, то там видим большие каменные колодцы. С помощью несложного приспособления два вола вытягивают из глубины бадью с водой. Волы ходят не по кругу, а по прямой линии от колодца, и поэтому даже издали по протоптанной ими дорожке можно приблизительно определить глубину колодца. Обычно вода находится не осо-

бенно глубоко — в 20—30 метрах, иногда и выше, но самый глубокий колодец в Раджастхане достигает 213 метров — почти четверть километра!

Незаметно оказываемся в другом штате Индии — в древней земле свободолюбивых раджпутов — в Раджастхане. По сторонам дороги мелькают поля кукурузы, пшеницы, джовара, масличных культур. Климат даже этой, наиболее плодородной части Раджастхана довольно суровый: летом температура поднимается днем до 40 градусов, а в декабре — январе падает до 4. Именно поэтому, вероятно, на опытных полях станции мы видели культуры, представляющие как бы оба климатических сезона: капусту и картошку — зимние культуры — и бананы, цитрусовые, папайю — летние.

С нетерпением поглядываем по сторонам: цель нашего сегодняшнего путешествия — всемирно известный птичий заповедник Кеоладео Гхана должен быть где-то совсем недалеко.

Каждый с детства знает, что большинство птиц, вьющих гнезда летом в наших садах, рощах, на болотах, по берегам озер и речек, — перелетные. На зиму они улетают в «теплые страны». И вот сейчас мы должны увидеть одно из тех мест, где зимуют кулики из-под Казани, чирки из окрестностей Байкала и Барнаула, гуси и утки с Урала и Западно-Сибирской низменности и десятки видов других наших птиц. Об этом безошибочно говорят кольца, надетые на лапки птицам.

Не доезжая нескольких километров до городка Бхаратпура, сворачиваем с пыльного шоссе на проселочную дорогу. Местность немного изменяется — далеко тянется мелкоколесье. На дороге путевой пост: служащий в форме лесного гвардейца * записывает номер машины и кто проезжает. Въезжаем на территорию заповедника и еще несколько километров колесим по узенькой асфальтированной дороге, пока не оказываемся на поляне перед небольшим двухэтажным зданием. Мы в самом центре заповедника, в рест-хаузе Санта-Кутир, как указывается во всех справочниках этот неказистый домик — подарок

---

* В Индии охраной природы в каждом штате обычно ведает Департамент лесов. Глава этого департамента — главный Консерватор, которому подчинены районные и местные лесные офицеры, обходчики, лесники и лесная стража или гвардия.

заповеднику от махараджи Бхаратпура. Трогательная забота о нуждах заповедника со стороны бывшего полновластного правителя района объяснилась несколько позднее. Лесной офицер знакомит нас с американскими орнитологами — Честером Боулсом и его супругой, которые только что вернулись из экскурсии по заповеднику и теперь собираются ехать в Дели. По всему видно, что они здесь частые гости. Пожелав друг другу интересных впечатлений, дружески расстаемся. Отъезжающие садятся в роскошную машину, и шофер снимает чехол с флажка на крыле. Оказывается, мистер Боулс не только орнитолог и не столько орнитолог, сколько посол США в Индии, сенатор. Ну что ж, это приятно, когда сенаторы интересуются орнитологией.

Еще шесть-семь часов будет светло, и, хотя мы все изрядно устали, просим скорее организовать осмотр заповедника, чтобы не потерять день. Все оказывается просто и удобно: недалеко от рест-хауза, у края длинной невысокой дамбы, стоит несколько плоскодонных лодок. Перед нами широкое водное пространство, густо поросшее какими-то водяными растениями, кое-где высятся голые деревья, на отмелях зеленеет сочная трава. Выбрав подходящую по размерам лодку, размещаемся на банках. На носу и корме встают рослые, мускулистые ларни с шестами в руках, и наш ковчег медленно отплывает. По знакам лесного офицера, сопровождающего нас, ребята с шестами очень слаженно направляют лодку между выступающими из воды корягами, деревьями и выводят ее на относительно чистое место.

Впереди, справа, слева — всюду водная гладь с торчащими акациями (по местному — бабул) и высоким и густым кустарником. Кругом масса водных растений, чувствуется, что глубина водоема всюду небольшая. И везде — на деревьях, на кучах хвороста, что плавают под ними, на крупных кустах — птицы. Чаще всего здесь встречаются два вида аистов: один из них — лесной аист-клювач (*Ibis leucoscephalus* или «докх») — издалека очень похож на нашего обыкновенного аиста — такой же величины, такая же в общем окраска — черно-белая, только грудь у нашего аиста вся белая, а у клювача — черная, у нашего аиста клюв ярко-красный, у клювача — желтый. У большинства гнезд, каждое из которых возвышается беспорядочной кучей на высоте двух-трех метров над

водой среди ветвей акаций, стоит взрослый аист и один-два уже больших, размером со взрослого или чуть поменьше, птенца. Молодые аистята отличаются от родителей серовато-коричневатой окраской, без заметных белых и черных пятен.

Некоторые деревья усеяны десятками аистов поменьше, со смешным именем «аист-разиня» (*Anastomus oscitans*). У этих птиц верхняя и нижняя половинки клюва изогнуты таким образом навстречу друг другу, что у взрослых аистов никогда не могут сойтись вплотную и даже при крепко закрытом клюве остается широкая щель во рту. «Разиня» тоже черно-белый, но клюв у него не такой яркий. Оба вида аистов — птицы местные, они никуда не улетают из Индии.

А рядом с аистами на тех же деревьях стоят важные колпицы (*Platalea leucorodia*) с клювами, расширяющимися на конце в виде ложки. Но колпицами нас не удивишь, они живут и в нашей стране; посетители Астраханского заповедника могут наблюдать их в дельте Волги. Может быть, некоторые из здешних колпиц прилетели сюда из далекой астраханской дельты?

Отдельно, занимая целые деревья, сидят группы бакланов (*Phalacrocorax carbo*, *Ph. niger*). Черные, стремительные в полете, они заметно отличаются от всех других птиц.

Медленно плывем среди деревьев. Аисты не особенно боятся людей, подпускают лодку на 10—15 метров и только после этого тяжело взлетают. Бакланы — те более осторожны: ближе чем метров на пятьдесят к себе не подпускают. А вот еще одна типично индийская птица — змеешейка, или анхинга (*Anhinga melanogaster*). С первого взгляда никак не сообразишь, на кого же она удивительно похожа. А похожа она сразу и на баклана (своим черным плотным телом) и на цаплю или аиста (формой клюва и длинной шеей). Змеешейки здесь держатся поодиночке, важно восседая на корягах или толстых сучьях, торчащих невысоко над водой.

Видим и много других птиц — малых белых цапель (*Garzetta garzetta*), серых цапель (*Ardea cinerea*), белых ибисов (*Threskiornis melanoccephalus*), каких-то куличков, проносящихся в воздухе.

Кеоладео Гхана расположен в естественной изменности, наполняющейся водой в период муссонных дождей.

Анхинга или змеешейка. Кардамоновы горы, озеро Перияр

Раньше в засушливый сезон этот огромный временный водоем пересыхал, теперь же благодаря специальным ирригационным каналам из рек Гамбира и Банганги необходимый уровень воды поддерживается в течение круглого года.

Озеро очень мелкое — в любом месте глубина не более полутора метров, чаще еще меньше. Бездомный скот из соседнего Бхаратпура заходит в озеро в поисках пищи. Странное это зрелище: среди безбрежного озера то тут, то там по брюхо в воде стоят меланхоличные зебу и что-то жуют.

Кеоладео Гхана существует как заповедник уже в течение многих десятилетий. Здесь любили охотиться местные махараджи. Издавна, может быть в угоду знатным охотникам, все водное пространство было расчерчено невысокими насыпными дамбами — к любой части озера можно легко подойти. Теперь въезд на эти дамбы (некоторые из них асфальтированы) закрыт большими железными воротами в местах слияния их с главной магистральной дорогой, ведущей через заповедник. Так легко и просто регулируется доступ посетителей заповедника в разные его участки.

На одном из таких «перекрестков», где сходятся несколько дамб, образуя небольшую площадку, окруженную деревьями (все дамбы поросли высокими деревьями), мы обратили внимание на каменную плиту с высеченными на ней какими-то надписями. Присмотревшись, увидели, что это торжественный отчет о наиболее выдающихся охотах, которые устраивались здесь в последние годы. Из этой каменной летописи узнаем, что 30 ноября 1948 г., в день рождения Его Высочества махараджи Сахив Бахадур Джанг Бхаратпура, им и его гостями из 40 ружей было добыто 790 штук дичи, а 9 января 1949 г. Его Высочество махараджа Гвалиура из 50 ружей добыл 1666 штук дичи. После 1950 г. состав гостей несколько меняется — меньше становится махарадж, появляется упоминание об общественных охотах, и вся таблица пестрит именами королей. Оказывается, и король Афганистана, и король Непала, и правитель Малайи, и шахиншах Ирана побывали здесь. Последняя надпись относится к 9 декабря 1961 г., но свободное место еще есть. Рекорд по количеству добытой в Кеоладео Гхана птицы на одно ружье принадлежит компании какого-то генерала Чоп-

ра: на 11 ружей за один день 29 ноября 1951 г. они добыли 422 птицы — почти по 40 птиц каждый! Мы спрашиваем наших хозяев, как может существовать заповедник, над которым не умолкая гремят ружья? Кто-то в ответ пожал плечами.

Начало смеркаться, и сопровождающий нас лесной офицер объяснил, что настало лучшее время для наблюдения за наземными обитателями заповедника. Высоких деревьев в окрестностях озера мало, но большие пространства заросли густыми невысокими кустарниками. В них-то и скрываются днем небольшие стада пятнистых оленей, чернобоких оленей, крупных нильга. У индийских пятнистых оленей, или аксисов (*Axis axis*), темная спина и светлое брюхо при общей рыжеватой окраске с разбросанными по всему телу несколькими десятками белых пятен. Это один из самых красивых и пока обычных оленей в Северной Индии. Чернобокий олень, или, точнее, оленекозая антилопа (*Antilopa cervicapra*), также один из самых распространенных видов диких копытных этой части Индии. Олени сравнительно невелики, всего 120—130 см длиной, стройные, у самцов небольшие рога; они получили свое название за буро-черную спину и бока и очень светлое брюхо. По сравнению с этими двумя оленями антилопа-нильга, или голубой бык (*Boselaphus tragocamelus*), настоящий гигант: длина тела до 2 метров при высоте в холке до полутора метров. Своё название она получила за пепельно-серую, чуть голубоватую окраску. На шее этой антилопы растет густая черная грива. Но самым примечательным, пожалуй, является хвост — очень длинный, до полуметра, с толстыми жесткими волосами, растущими в две стороны и на конце хвоста, и поэтому хвост его похож на огромное перо. Интересно, что и у слона хвост — длинный и немного плоский на конце — тоже оброс по краям толстыми крепкими волосами. Несомненно, такое строение хвоста связано с его ролью хлопущки для отпугивания насекомых, которых мягким хвостиком, очевидно, не смахнешь с толстой кожи.

Вечером все эти олени начинают выходить на открытые места, где их легко наблюдать. Проводники, хорошо знающие заповедник, указывали нам наиболее удобные места для наблюдений, мы осторожно проходили несколько десятков метров от дороги и близко видели пятнистых

олений, державшихся стадами по четыре-пять голов. Прямо из машины видели две группы чернобоких оленей. Один большой голубой бык-нильга подпустил наши машины вплотную — метров на пять-шесть — и не спеша удалился в заросли, помахивая великолепным хвостом. Бродя по лесу, несколько раз натыкались на павлинов. Как и везде по дороге, они все с выдранными хвостами: мальчишки ловят павлинов и выдирают перья из хвоста, чтобы сделать веера для продажи туристам. Поэтому павлины с прекрасными нетронутыми хвостами сохраняются либо в районах, где нет туристов, либо на хорошо охраняемых участках. В джунглях много мелких певчих птиц, но наше знакомство с ними пока оказалось поверхностным: определили лишь баблеров (по-русски — «болтуны» из рода *Turdoides*), дроздов, индийскую малиновку и, конечно, вездесущее черное дронго. Многие мелкие птицы казались знакомыми — выяснилось, что сюда прилетают на зиму не только крупные водоплавающие, но и мелкие певчие птицы — малиновки, малые мухоловки, сорокопуты, камышевки, славки-завирушки, трясогузки, жаворонки и, наверное, много другого веселого и трудолюбивого птичьего народца, обитающего в наших садах и парках.

Ранним утром мы с сожалением покидали заповедник. Путь снова лежал на запад. Через несколько часов пути впереди показалась и цель нашей поездки — столица штата — Джайпур. Город этот сравнительно молодой, он был основан в 1729 году махараджей Джай Сингхом II. Центр города поражает своей правильной планировкой, широкими улицами и прекрасными, как бы стремящимися ввысь зданиями. Особенно хорош так называемый Розовый город — кварталы, построенные из светло-розового песчаника.

В некоторых местах здания левой стороны улицы выглядят как зеркальное изображение правой. Точно повторяются даже детали орнамента. Архитектурные ансамбли радуют своей законченностью и полнотой выражения авторского замысла. На этот раз нас разместили в большом дворце, превращенном в первоклассный отель. Однако дворец-отель — Рамбах-палас — показался нам неудобным. Всюду позолота, полированное и резное дерево, многометровые ковры ручной работы, картины, зеркала. Живешь как в музее!

Первый наш визит был на кафедру зоологии Раджастханского университета, которую возглавляет профессор Л. С. Рамасвами, побывавший в Советском Союзе с делегацией индийских зоологов. Состав преподавателей и научных сотрудников кафедры невелик, но здесь специализируется одновременно до 30 аспирантов, или, как их здесь обычно называют, «пи-джи» (от «р. g.», сокращенного «post-graduated»).

Тематика научных работ в основном сводится к радиобиологии. Всесторонне исследуется влияние облучения на размножение и развитие рыб, земноводных и млекопитающих. Подобные работы требуют разнообразного, очень сложного и дорогостоящего оборудования. В лабораториях мы имели возможность убедиться, что такое оборудование есть, причем самое совершенное, преимущественно американское и японское. Все приобретено на средства фонда Рокфеллера, который оказывает влияние и на направление научных работ.

Утро застало нас уже в пути. В этот день мы должны были возвратиться в Дели для завершения подготовки к длительному путешествию на юг. Зеленым оазисом мелькнул Амбер — бывшая столица княжества, покинутая после постройки Джайпура. Пустуют роскошные дворцы, ветшают крепостные постройки, мелеют пруды. Кругом пусто, тихо. Хотелось бы остановиться, побродить по Амберу, но есть программа и нужно спешить.

Мы двигались почти точно на север, но становилось все жарче. В этих местах шоссе Джайпур — Дели проходит недалеко от пустыни Тар, и это сказывается на характере растительности. Все меньше видно зеленеющих возделанных полей, вместо них появляются сухие, почти лишенные травы песчаные степи и полупустыня. Совсем исчезли деревья вдоль дороги. А потом пустыня подобралась еще ближе. Ветер несет песчаную пыль, местность совершенно голая, духота, зной.

Сейчас мы едем по шоссе № 4, которое значительно шире и гораздо спокойнее, безлюднее, чем шоссе Дели — Агра. Тем не менее машины движутся с небольшой скоростью — впереди больше 300 километров пути и утомляться не стоит.

Отвлекая водителей, учим их русскому языку. Они оказываются способными учениками, да и наши уроки, очевидно, уже не первые.

- Здравствуй, товарищ!
- Поехали, товарищ!
- Очень хорошо!
- До свидания, товарищ!
- А что значит «давай-давай»?

Долго и безуспешно пытаемся подобрать английский эквивалент русскому бесконечно разнообразному выражению «давай-давай!», которое они где-то слышали и никак не могут понять.

Дорога петляет между невысоких холмов, кое-где покрытых кустарником, с небольшими обрывами и сыпучими оползнями. Поселков почти не видно, хотя, куда ни помотришь, в поле зрения всегда три-четыре каменных колодца, около которых мерно расхаживают взад-вперед быки.

Остановились, чтобы поразмяться и посмотреть, нет ли кругом кокцид* на скудной растительности. Справа от шоссе неглубокая долина, подернутая едва заметной дымкой. Из долины слышны чьи-то песни! Оказывается, поют, погоняя волов у колодцев, крестьяне. И не просто поют. При движении быка с пустой бадьей к колодцу — один куплет, пониже тоном, а при движении от колодца, с полной бадьей — другим голосом, повыше. И так раз за разом.

Песни от ближних колодцев сливаются с дальними песнями и создают своеобразную мелодию, затихающую в знойном мареве.

На склонах холмов все чаще видим необыкновенное растение — колючие мясистые граненые стебли толщиной сантиметров в 5—7 и высотой до 2—3 метров. Это не кактусы, хоть и очень на них похожи, а один из видов молочая — эуфорбия.

Проезжая, видим разгуливающих вдали от дороги павлинов, кружащихся в воздухе крупных коршунов и группы грифов, сидящих на земле, и, конечно же, макаки. Макаки очень любят сидеть на невысоких глиняных заборчиках, огораживающих поля или деревни. Мы постоянно убеждались в том, что все живое здесь селится

---

* Кокциды (червецы и щитовки) — одна из групп растительных насекомых. Большая их часть является вредителями растений, часто хозяйственно важных. Н. С. Борхсениус был крупнейшим в мире знатоком кокцид.

в основном у деревень, тянется к человеку в этом суровом краю.

Километрах в 60—80 от Джайпура кустарник по холмам становится гуще, выше. По обеим сторонам дороги тянутся заросли. Скоро светлый невысокий лес обступает шоссе.

— Смотрите!— обращается к нам А. Менон.

Машины двигаются очень медленно, мы успеваем прочесть большое объявление. Оказывается, мы въезжаем на территорию охотничье-спортивного заказника Сариска, в котором запрещается охота без разрешения и на территории которого не рекомендуется выходить из машин ввиду большого количества тигров.

Ко всеобщему разочарованию, ни одного тигра на территории заказника мы не встретили, хотя ехали совсем медленно.

Мы остановились для отдыха в городе Алваре. Маленький ресторанчик в глубине тенистого сада был почти пуст. Мы быстро пообедали. Вкуснее всего показалась нам холодная вода. Было решено провести здесь несколько часов, пока спадет жара. Парк был полон жизни, над цветами кружилось облако бабочек, среди которых выделялись своей расцветкой и величиной яркие тропические махаоны. Неожиданно на дорожке появилась крупная дымчато-серая мангуста, посмотрела на нас секунду и скрылась в густом кустарнике, никто даже не успел схватиться за фотоаппарат. Напрасно мы потом издрали себе одежду и исцарапались, лазая по колючим кустам, — мангуста исчезла и больше не появлялась. Зато было поймано несколько интересных бабочек и других насекомых.

Жара спала, и мы тронулись дальше. Теперь пустыня подступила к шоссе вплотную, горки нанесенного ветром песка попадались все чаще, особенно с левой стороны дороги.

На протяжении многих километров не видно никакого жилья. Даже бензоколонки фирм «Шелл», «Калтекс» и «Эссо» исчезли. Только к вечеру, уже в темноте, мы вернулись в Дели и оказались в знакомом нам отеле Джанпатх.

ДЕЛИ — БОМБЕЙ — ПУНА

Под нами Аравийское море — Бомбей — «Ворота Индии» — Институт Наук — Науки в древней Индии — Школьницы бастуют — Огнепоклонники — Тарополева-ла-аквариум — Владимир Аронович Хавкин — Ядовитые змеи — Зоопарк, музей, зоологический магазин — На железной дороге — Пуна — столица маратхов — Вирусный центр — Индийская зима — Экскурсия с Салим Али — На берегу Аравийского моря — Морские змеи и медузы — Как истреблять бродячих собак? — Бомбейское общество естествоиспытателей

18 декабря. Подъем в 5 часов утра. Совсем темно и довольно прохладно. Наши шоферы, вероятно не привыкшие к ночной езде, осторожно ведут машины со скоростью не более 50 км в час. Приезжаем в аэропорт Палам еще затемно. В ожидании посадки на самолет знакомимся с членами делегации общества советско-индийской дружбы во главе с писателем В. Кожевниковым. Они тоже летят в Бомбей. С ними сотрудники нашего посольства отправляют семилетнего Андрея — вот уже несколько дней добирающегося «на перекладных» из Москвы к своим родителям в советское консульство в Бомбее.

Взлет точно по расписанию — в 7.00. Английский «вайкаунт», четырехмоторный, сорокаместный самолет, обслуживающий дальние внутренние линии, очень удобен своими просторными креслами и большими овальными окнами. Выруливаем на старт и в ту же минуту взлетаем. Перед каждым пассажиром лежит свежая утренняя газета.

Внизу все время холмы, низкие горы. Кое-где небольшие поселки, лесные массивы. Район кажется безлюдным, малообжитым. Пересекаем западную часть хребта древних гор Виндхья и летим над низменной, приморской частью страны. Обработанных земель здесь значительно больше, среди них явно преобладают прямоугольнички

рисовых полей. Наконец справа показалось море. Впервые видим Индийский океан, а точнее, Камбейский залив Аравийского моря. Ошеломляющего впечатления океан здесь не производит — какая-то мутная коричневатая вода, низкие берега, почти сливающиеся с водой. Наши попутчики-индийцы начинают снимать джемперы и свитеры. Через несколько минут после посадки в аэропорту Бомбея и мы почувствовали наконец тропическую жару. С удовольствием ловим свежий ветер, идущий от фенев под потолком. Да, здесь уже настоящие тропики, и средняя температура самого жаркого месяца всего на пять градусов выше температуры самого холодного (+23,6° и +28,5°).

Бомбей — второй по величине город Индии, его население превышает четыре миллиона человек. По индийским масштабам этот город сравнительно молодой. В середине XIV века местечко, названное Бомбеем по имени небольшого древнего индуистского храма Мумбай, захватили португальцы, оценившие его выгодное географическое положение «морских ворот» в Индию. В 1661 г. английский король Карл II получает Бомбей в качестве... свадебного подарка при браке с португальской инфантой Екатериной Браганта, а с 1668 г. город переходит под управление британской Ост-Индской компании. В Бомбее с 1917 по 1934 год жил «отец индийской нации» — Махатма Ганди, а в 1946 г. здесь разразилось крупнейшее восстание военных моряков, сыгравшее заметную роль в завоевании страной независимости. В начале 1947 г. заседавший в Бомбее Всеиндийский комитет Национального конгресса принимает предложение Англии о разделе страны на Индию и Пакистан, а уже в следующем году последний английский солдат колониальных войск, покидая Индию, проходит через знаменитые «Ворота Индии» на набережной Аполло.

Попадая в Бомбей после Дели, невольно отмечаешь, что на улицах совсем мало велосипедистов и нет велорикш. Неприятно поражает множество обшарпанных домов в несколько этажей европейского типа. Движение на улицах гораздо интенсивнее, чем в Нью-Дели, и полицейские уже не картинно, а очень оперативно и деловито направляют бесконечные потоки машин. Полицейские здесь одеты в черную форму. Каково им под палящими лучами солнца! Впрочем, у них — большие черные зонтики, укрепленные на поясном ремне.

Нигде ни до, ни после Бомбея не видели мы столько бездомных людей. Они встречаются всюду — медленно и бесцельно бредущие по улице, сидящие в тени деревьев, спящие прямо на земле в тени под скамейками. Некоторые имеют свой «чарпай» — нечто вроде кровати, состоящее из деревянной рамы на столбиках с перекрещивающимися кожаными ремешками, образующими ложе. Эти кровати на день приставляются (обычно подвешиваются повыше, чтобы не мешать пешеходам) к стене дома, выходящей прямо на улицу, а часов в 11—12 вечера ставятся прямо на тротуар.

Пожалуй, именно в Бомбее резче всего бросается в глаза поляризация общества, разделенного на имущих и неимущих. Роскошные виллы на Малабарском холме — аристократическом районе города — и деревянные чарпай, висящие на стенках домов; безработные, лежащие под скамьями, и Батнагар — «город Бати» — городской район, принадлежавший чешскому фабриканту Бате.

Мы остановились в «Вест-энд-отеле». Отель сравнительно невелик — всего несколько десятков номеров, расположенных на шести этажах в одном крыле большого дома. Номера очень удобные, тенистые, с бесшумными аппаратами принудительного охлаждения воздуха и... баснословно дорогие. Сутки пребывания в таком отеле стоят 73 рупии: месячная зарплата неквалифицированного рабочего — меньше.

По странной случайности через два года после возвращения из Индии нам пришлось вспомнить дни своего пребывания в этом отеле. В одном из номеров еженедельника «За рубежом» сообщалось об аресте в Бомбее крупнейшего контрабандиста, орудовавшего в Индии. Американец Дж. Сиалкот бежал из Индии на собственном самолете в период разбирательства в суде его дела о незаконном ввозе оружия и вывозе золота из страны. Впоследствии полиция Индии не раз нападала на следы деятельности этого матерого контрабандиста, ворочавшего на черном рынке страны многомиллионными ценностями. И вот в конце 1965 г. совершенно случайно при проверке документов англичанина, подозревавшегося в связи с мелким скупщиком золота на черном рынке, полицейские узнали в нем давно и тщетно разыскиваемого американского подданного Дж. Сиалкота. И произошло это в одном из номеров этого самого «Вест-энд-отеля».

Умылись с дороги, переоделись, пообедали и — в Институт Наук, которым руководит известный биолог доктор Д. В. Бол.

Профессор Д. В. Бол, автор сотен научных работ в разных отраслях естествознания, принадлежит к числу ученых-энциклопедистов, работы которых определяют уровень наших знаний в данной отрасли науки.

Развитие естественных наук в Индии началось в глубокой древности. Различные способы употребления азотнокислого серебра (ляписа) описываются в буддийских трактатах, относящихся к началу нашей эры. Уже в то время индийцы умели готовить и применять 18 ртутных препаратов, добывать и сохранять на длительный срок сильные кислоты и щелочи. Говорят, что знаменитый французский химик Бертелло, узнав, что индийцы еще до нашей эры хранили щелочь в металлических сосудах, уверял всех, что в древние индийские книги этот рецепт вписан после открытия такого способа хранения щелочи в Европе в прошлом веке.

Считается, что три главных изобретения, тесно связанных с высоким развитием в древней Индии химии, определили ее большую роль в торговле среди стран древнего мира в первое тысячелетие нашей эры. Этими изобретениями были: прочная красная краска из марены с квасцами, синяя краска индиго и усовершенствованный способ закалки стали (имеется в виду известная «дамасская» сталь, появившаяся именно в Индии).

Географическое положение Бомбея — на берегу большого и очень богатого моря — диктует тематику работы многих местных биологических учреждений. Отдел зоологии в Институте Наук, естественно, занят проблемами морской гидробиологии и ихтиологии. В коллекциях института поэтому богато представлены морские черви — полихеты, моллюски, кораллы, а из ракообразных — веслоногие рачки и бокоплавы; хорошо подобраны рыбы. Известно, что некоторые морские организмы — водоросли и сидячие беспозвоночные — часто поселяются на подводных частях портовых сооружений и судов. Комплекс таких организмов называют «обрастанием». Оно приносит огромные убытки судоходству и очень опасно на промышленных предприятиях, использующих морскую воду для охлаждения и других целей. Изучение

обрастания для борьбы с ним — одна из очень важных и трудных практических задач современной гидробиологии. Большое внимание этим вопросам уделяется в специальной лаборатории института, которая также ведет исследование по морским организмам, разрушающим древесину. К ним относятся своеобразный моллюск тередо (*Teredo*), так называемый корабельный червь и некоторые ракообразные (*Limnoria*, *Chelura*).

Тередо хоть и не имеет зубов, но постоянно «грызет» древесину острыми краями тонкой белой раковины. Раковина для него не защита — она очень невелика по сравнению с телом. Корабельный червь в некоторых морях приносит огромные убытки, разрушая сваи и подводные части деревянных судов. Он поселяется даже в древесине живых растений — мангров, селящихся по берегам тропических морей. Если корабельный червь точит древесину изнутри, то рачки грызут ее снаружи. Практическим вопросам в институте уделяют много внимания, но чисто теоретические исследования систематики, анатомии, биологии морских организмов от этого только выигрывают.

Все увиденное убедило нас в том, что Институт Наук в Бомбее — это крупное научное учреждение, ведущее большую и очень плодотворную работу в области морской гидробиологии и подготовки высококвалифицированных кадров морских гидробиологов. Несомненно, что деятельность института могла бы дать еще большие результаты, если бы он был лучше оснащен. Его оборудование уже устарело, не хватает элементарных оптических приборов, лабораторной посуды, химикалий. Но и в этих условиях коллектив любящих и знающих свое дело работников сумел многого добиться.

На обратном пути в отель наши машины попали в «пробку». Вся набережная полна людей. Посередине улицы проходит колонна девушек в ярких сари. Некоторые несут плакаты, но текст их, написанный на маратхи и хинди, нам непонятен. Колонна окружена редкой цепью полицейских, все они, впрочем, весело улыбаются. Демонстрантки что-то громко скандируют. Прислушавшись, отчетливо разбираем слова: «No pay!» — «Без оплаты!».

Оказывается, в местных женских школах проходит всеобщая забастовка учащихся. Правительство штата

обсуждает проект повышения платы за экзамены на 60 процентов. И вот девушки протестуют. Мы так и не дождалась конца колонны. Вид у марширующих хорошеньких школьниц был весьма решительный, а настроение — боевое. Через несколько дней газеты сообщили о победе забастовщиц — плату за экзамены не повысили.

Украшение города — огромная набережная, плавным полукольцом опоясывающая залив, — Нетаджи Субхароуд или, как она называлась при англичанах, Мариндрайв. Слева за полосой камней и крупной гальки лениво плещется Аравийское море, справа — многоэтажные дома, потом тянущиеся почти на полтора километра вдоль набережной теннисные корты, площадки для гольфа, хоккейные поля, здесь же стоит небольшое здание Тарополевала-аквариум, а рядом — огромный «Центр здоровья йогов» — Кайвалиад-хама. Огибая набережную, поднимаемся в гору и оказываемся в чудесном саду. Здесь муниципальные власти позаботились о развлечении детей: в клетках сидят попугаи и голуби, кругом площадки для игр, а посередине парка стоит огромный, размером с трехэтажный дом, башмак, в который ведет лесенка. Ребята с восторгом высовываются из окошек на втором и третьем этажах, где-то между гигантских шнурков.

Отсюда, с возвышенности, набережная и город очень живописны. Как-то потом, несколько дней спустя, на обратном пути из Института Хавкина мы снова заехали на этот холм, но с другой стороны, по дороге, ведущей к «башням молчания».

Несколько тысячелетий назад на территории современного Хорезма — «Солнечной земли» — среди скотоводов и земледельцев возник культ священного огня. Здесь же, как считают многие историки *, и была та таинственная страна Айрианавайджо, которая описывается в одной из самых древних книг мира — «Авесте» — и где бог света и добра Ахурамазда явился легендарному пророку и основателю древнеперсидской религии Заратуштре, по имени которого и вся религия получила название зороастризма (по-гречески Заратуштра — Зо-

---

* См., например: В. В. Струве, *Родина зороастризма*, — «Советское востоковедение», 1948, № 5, стр. 5—34, и В. И. Авдиев, *История Древнего Востока*, Л., 1953, стр. 559—560.

роастр). Прошли еще сотни лет, и, спасаясь от мусульманских завоевателей, из Персии в Южную Индию, под защиту сильных и веротерпимых правителей, переселились десятки тысяч огнепоклонников. Колония парсов — современных последователей зороастризма в Бомбее — в настоящее время крупнейшая в мире и превышает сто тысяч человек. Согласно требованиям зороастризма трупы умерших погребать запрещено, и их отдают на съедение диким животным. В Бомбее для этого устроены специальные «башни молчания», на вершине которых родственники оставляют умершего на съедение грифам.

Парсы держатся дружной общиной, браки за ее пределами не разрешаются. К сожалению, ни в свои храмы, ни к «башням молчания» последователи Заратуштры не допускают иноверцев. Постояли мы перед закрытыми воротами, посмотрели на бугор, за которым должны находиться семь «башен молчания», и, удовлетворившись видом нескольких грифов, сидящих на окрестных деревьях, отправились восвояси. Но грифы на деревьях сидели самые настоящие, черно-бурые, с черными голыми шеями, безошибочно определяемые как бенгальские грифы (*Pseudogyps bengalensis*).

Первая половина следующего дня по программе отведена для посещения морского аквариума и его научной лаборатории.

Тарополевала-аквариум находится на набережной Нетаджи Субха роуд и занимает небольшое здание с демонстрационными залами, лабораториями и несколько подсобных строений.

Небольшой вестибюль Аквариума красиво отделан темным деревом. На панелях прекрасно вырезаны фигуры морских животных. Отсюда проходим в демонстрационные залы. В полутьме прохладного помещения ярко светятся освещенные изнутри аквариумы. Их здесь несколько десятков. Одни очень большие, занимающие стену во всю высоту, другие поменьше, расположены двумя рядами, почти как в Московском зоопарке.

В главном зале содержатся различные морские рыбы, беспозвоночные животные, преимущественно из Аравийского моря, но есть виды, доставленные издалека. В одном аквариуме помещается несколько совершенно различных животных, в природе обитающих в одинаковых условиях. Много рыб мы впервые увидели жи-

выми, и среди них электрического ската (*Torpedo mar-
morata*).

У этой рыбы по бокам головы имеются особые, вырабаты-
вающие электричество органы, представляющие
собой видоизмененные мышцы. Каждый из них состоит
примерно из 600 изолированных друг от друга «элемен-
тов». Все элементы ориентированы отрицательным по-
люсом вниз, и здесь к ним подходят окончания особых
нервов. Обычно скат неподвижно лежит на дне и под-
стерегает добычу. В случае приближения рыб, служащих
ему пищей, скат производит разряд напряжением до
80 вольт. Морская вода служит прекрасным проводни-
ком электричества, и потому добыча поражается даже
на некотором расстоянии от ската. Электрические раз-
ряды служат скату не только для нападения, но и за-
щищают его от врагов. Электрический скат, которого
мы видели, довольно крупный (около 40 см длины),
мирно лежал на дне аквариума и только иногда дви-
гался. В этом аквариуме других рыб, естественно, не
было.

Рядом со скатом помещаются несколько осьмино-
гов. Вцепившись присосками в стекло передней стенки
аквариума, моллюски застыли в самых неожиданных
позах. Время от времени осьминог рывком перебрасы-
вает свое мешковидное тело в сторону или, далеко вы-
тянув несколько щупалец, подтягивается на них. Голо-
воногие моллюски, к которым относится осьминог, очень
чувствительны и плохо переносят неволю. Им требует-
ся чистая морская вода, большое количество кислорода,
ровная температура. Хорошее состояние пленников —
лучшее свидетельство в пользу строителей аквариума.
Вместе с осьминогами в этом же аквариуме мирно ужи-
ваются некрупные морские змеи.

Очень интересны и небольшие илестые прыгуны
(*Periophthalmus*). Живут они в мелководье у берегов мо-
ря и способны выпрыгивать на берег и даже забирать-
ся на ветки кустарников. В случае опасности рыбки
скачками уходят в воду. Потребность илестых прыгу-
нов в воздухе (у них в дополнение к жаберному имеется
еще и кожное дыхание) настолько велика, что в чисто
водной среде они могут даже погибнуть. Сразу вспом-
нилось, как во время зоологической экспедиции на ост-
ров Хайнань в Южном Китае один из авторов этой кни-

ги (Д. В. Наумов) с большим трудом наловил среди густых мангровых зарослей с десятков илистых прыгунов и посадил их в стеклянную банку с морской водой. Когда час спустя сборы были доставлены в лабораторию, оказалось, что все прыгуны... утонули. В небольшом количестве воды, на жаре им не хватало растворенного кислорода, а выйти подышать кожей на воздух они не могли. Потом, в низовьях Ганга, мы видели эту рыбку и в естественных условиях.

Великолепны в аквариуме коралловые рыбки; не видя их, невозможно даже представить, насколько разнообразна их окраска. Черная, красная, желтая, синяя, зеленая... Этим рыб нам пришлось потом самим ловить в коралловых зарослях на острове Крусадай, и поэтому мы расскажем о них подробнее попозже.

В больших аквариумах отдельно плавают ковровая и кошачья акулы (*Stegostoma varium* и *Chilloscyllum griseum*). Быстрые шныряющие движения и крутые повороты — ни на минуту эти рыбы не остаются в покое. Брошенный корм замечают моментально и, пока он находится у самой поверхности воды, подхватывают острыми зубами, для чего быстро переворачиваются вверх брюхом, описывая крутую дугу. На брюхе у них крепко прикреплены рыбки-прилипалы.

Из скатов мы видели в аквариуме хвостокола (*Dasyatis uagpak*) и морскую гитару (*Rhinobatos granulatus*), получившую свое название за причудливую форму тела, в самом деле напоминающую гитару.

Разинув пасти, извивались длинные хищные мурены (*Muraena pseudothyrsoides* и *Muraena tessellata*). Последняя за свою пятнистую окраску получила название леопардовой. В природе эти рыбы живут среди камней, в расщелинах скал и коралловых рифов. Поэтому, может быть, на дне аквариумов — обломки больших глиняных сосудов, ваз и горшков. В покое мурена прячется в укрытие, высывая только голову с острыми как бритва зубами. Одному из нас как-то пришлось убедиться в остроте муренных зубов. С тех пор даже очень вкусное мясо мурены не может нас с ней примирить.

А вот и другой представитель головоногих моллюсков — каракатица. Это придонное животное, медленно плавающее при помощи двух изгибающихся боковых плавников, окаймляющих все тело. Но за добычей кара-

катица устремляется с реактивной скоростью. При этом она движется задним концом тела вперед, выбрасывая воду из мантийной полости через специальную воронку. В Тарополевала-аквариуме можно видеть также морских червей-полихет (*Sabella*), актиний (*Paracondylactis*), различных морских звезд, ежей и ракообразных. Особенно интересно наблюдать за крупными раками-отшельниками из рода *Diogenes*. Сидя в пустой раковине моллюска, в которой он прячет мягкое брюшко, рак выставляет наружу красные в белую крапинку головогрудь и ноги. Подобрав со дна аквариума кусочек рыбы, рак подносит его ко рту и не спеша поедает. Глаза на длинных стебельках при этом беспрестанно поворачиваются в разные стороны, высматривая новую добычу. В другом аквариуме огромные, полуметровые лангусты мирно уживаются с большими крабами.

Отдельно, в маленьком зале, демонстрируются пресноводные рыбы. Вот куда бы попасть нашим аквариумистам-любителям! Десятки разных рыб из водоемов Америки, Африки, Азии, Австралии. Ничего подобного мы никогда не видели. Чтобы рассмотреть все подробно, нужно несколько дней, не меньше.

В маленьком музее при Аквариуме — два основных раздела: животный мир моря и практическое использование морских богатств. Особенно интересен последний раздел. Да, такого богатого и полного собрания нет, пожалуй, ни в одном европейском музее! Здесь и съедобные беспозвоночные: моллюски, ракообразные, иглокожие, черви во всех видах. Здесь и поделки из раковин и кораллов. Экспонаты собраны главным образом в Индии, но есть много предметов из Америки, Японии, Китая, Океании. Раковины моллюсков — действительно выразительный материал, и из них можно делать подлинно художественные вещи.

Аквариум — молодое учреждение. 25 мая 1951 года он был торжественно открыт президентом страны Раджендра Прасадом. Вопрос о постройке аквариума впервые был поднят Бомбейским обществом естествоиспытателей в 1912 году, однако недостаток средств не позволил осуществить эту идею ни тогда, ни позднее. Постройка аквариума стала возможной лишь после провозглашения в Индии независимости. Аквариум построен на средства, значительную часть которых (около 600 тысяч рупий)

выделило правительство штата Махараштра и семья В. Д. Тарополевала (200 тысяч рупий).

Уже через несколько лет аквариум стал одной из главных достопримечательностей современного Бомбея и теперь пользуется мировой известностью как благодаря великолепной экспозиции тропической фауны, так и в результате научной работы, которую с энтузиазмом ведет молодой научный коллектив. Сейчас аквариум целиком находится на государственном обеспечении. За первые десять лет существования в аквариуме побывало 400 тысяч человек!

Директор Аквариума — доктор К. В. Калкарни — одновременно руководит всем рыбохозяйственным департаментом штата Махараштра, научный отдел которого помещается на втором этаже здания Тарополевала-аквариума. Проводимые здесь исследования теснейшим образом связаны с зоологическим отделом Института Наук, а большинство сотрудников лаборатории — ученики профессора Бола. Здесь разрабатываются также вопросы биологии морских организмов, но благодаря широким возможностям особое внимание уделяется экспериментальным исследованиям. Оказывается, кроме демонстрационных Аквариум располагает еще многочисленными рабочими бассейнами различной величины. Во все аквариумы подведен для аэрации сжатый воздух, освещение, не говоря уже о проточной морской воде. Имеется особая система, питающая водой пресноводные аквариумы. Специальные приборы позволяют поддерживать в каждом бассейне нужную температуру.

Бомбейский морской аквариум отличается от большинства подобных сооружений замкнутой системой циркуляции воды. Большинство крупных морских аквариумов (в том числе Неаполитанский, Плимутский, Севастопольский и другие) использует для заполнения бассейнов морскую воду, которая поступает в рабочие и демонстрационные аквариумы по системе труб прямо из моря. В заливе Аравийского моря, на берегах которого стоит Бомбей, вследствие близости огромного промышленного города вода сильно загрязнена. Поэтому чистую воду для аквариумов приходится привозить на специальных наливных судах из открытого моря. Доставленная вода поступает сначала в отстойник, затем через системы фильтров попадает в большие резервуары и далее само-

теком распределяется по аквариумам, из которых вновь попадает в отстойник. Заполненная система требует незначительных пополнений. Таким образом аквариум фактически изолирован от моря.

Аквариум, подобный описанному Тарополевала-аквариуму, давно нужен и в нашей стране.

Почти целый день был посвящен визиту в Институт имени Хавкина. Так как имя этого крупнейшего ученого и организатора науки долгое время было незаслуженно забыто, перед тем как перейти к описанию института, нам хотелось бы несколько слов сказать о его создателе.

Владимир Аронович Хавкин — наш соотечественник. Он родился в 1860 году в Одессе. Поступив в Новороссийский университет (он находился в Одессе), Хавкин начал специализироваться в зоологии под руководством И. И. Мечникова и собирался стать протистологом — специалистом по изучению простейших организмов. В годы обучения Хавкин был очень близок к руководителям местных групп «Народной воли» и неоднократно подвергался административным и полицейским репрессиям. В конце концов он был исключен из университета.

Все же благодаря упорству и стремлению к научной работе Хавкин сдал необходимые экзамены и, защитив диссертацию, стал магистром естественных наук. Однако его революционное прошлое (к этому времени «Народная воля» уже была разгромлена) не было забыто, и Хавкин мог получить только техническую работу в зоологическом музее. Продолжавшееся полицейское преследование вынудило Хавкина покинуть Россию и уехать в Париж к его старому учителю И. И. Мечникову, который работал тогда в Пастеровском институте.

Здесь В. А. Хавкин нашел себя. В короткий срок он становится ведущим бактериологом — первой важной его работой было получение противохолерной вакцины. Хавкин мечтал применить свой препарат для борьбы с эпидемией холеры, вспыхнувшей в России, но царское правительство не разрешило ему вернуться на родину. Тогда Хавкин добивается посылки его в Индию и обосновывается в Калькутте. Здесь он успешно применяет свою противохолерную вакцину и организует ее массовое изготовление. Обучив своему методу нескольких индийских врачей и бактериологов, Хавкин повел борьбу с холерой в Индии в широких масштабах.

В 1896 г. в Бомбее вспыхнула эпидемия чумы и Хавкин немедленно переехал в этот город с готовым планом борьбы с «черной смертью». Здесь и зародилась противочумная лаборатория, которая впоследствии переросла в большой научно-исследовательский институт и крупнейшее не только в Индии, но и во всей Азии предприятие по производству вакцин и сывороток. 10 января 1899 года Хавкин ввел себе изготовленную им противочумную вакцину. Этот день и принято считать днем рождения института. За последующие 60 лет институт разосла 270 миллионов доз противочумной вакцины, изготовленной по методу доктора Хавкина. Имя этого ученого было присвоено институту в 1925 году, когда Хавкина уже не было в Индии. Колониальные власти и местную аристократию раздражала активность и популярность чужеземного ученого. Их интриги вынудили Хавкина уйти из созданного им института. Он умер в маленькой гостинице в Лозанне в 1930 году*.

И вот мы стоим перед полукруглой зеленой аркой, на которой крупными буквами написано: «The Haffkine Institute». Через залитый солнцем зеленый двор проходим в большое светлое здание. Первое, что бросается в глаза, — бюст ученого. Рядом небольшой портрет Хавкина, написанный маслом. Умное, энергичное, строгое лицо. Плотны сжаты губы, и печален взгляд карих глаз. Строгий черный костюм, высокий жесткий воротничок безукоризненно белой сорочки. Говорят, в любую жару Хавкин выглядел собранным и подтянутым. В лаборатории — белый халат, во всех остальных случаях — черный костюм.

Нынешний директор — профессор Х. И. Джала — принял нас в своем кабинете и подарил каждому по прекрасной изданной книге, выпущенной к недавнему шестидесятилетнему юбилею института. Затем мы посетили те лаборатории, вход в которые разрешается. В другие лаборатории можно попасть только после соответствующих прививок и при условии соблюдения строгих правил — практически кроме штатных работников туда могут попасть только специалисты, прибывающие в институт

---

* О жизни и работе этого замечательного человека Марк Поповский написал хорошую книгу «Судьба доктора Хавкина», М., 1963.

В. А. Хавкин — основатель и первый директор
Хавкинского института в Бомбее

работать или учиться. Для нас, не работающих в области эпидемиологии и медицинской бактериологии, не было нужды посещать все лаборатории, но работу некоторых из них можно было видеть через специальные окна с двойными стеклами.

Институт состоит из нескольких научных отделов, производственной части, вивария, инженерной группы и библиотеки. В его штате насчитывается свыше 800 сотрудников. Здесь производят вакцины чумы, холеры, бешенства,

брюшного тифа, паратифов, иммунные сыворотки — змеиного яда, столбнячную, дифтерийную, газовой гангрены. Этими препаратами снабжается вся Юго-Восточная Азия. Кроме того, институт получает и консервирует кровь для вливаний, prepares сульфамидные препараты, антибиотики и витамины. Институт хорошо оборудован, и его производственная часть работает с максимальной отдачей.

Одну из научных лабораторий мы осмотрели с особой тщательностью — это лаборатория энтомологии, которой руководит доктор П. Д. Деорас. Исследования в области энтомологии — науки о насекомых — очень важны для работы института. Дело в том, что чума, для борьбы с которой и был создан институт, передается через блох. Поэтому болезни, распространяемые подобно чуме, академик Е. Н. Павловский назвал трансмиссивными. При других болезнях такого рода переносчиками служат иные насекомые или клещи. Уже одно это требует изучения анатомии, физиологии и образа жизни переносчиков.

В лаборатории изучают различных насекомых-переносчиков, в частности мух, причастных к переносу различных инфекционных заболеваний человека.

Хотя, как уже было сказано, лаборатория носит название энтомологической, ее исследования выходят далеко за рамки чисто энтомологических проблем. Большое значение здесь придают работам по изучению яда змей и скорпионов и приготовлению лечебных сывороток. Нам показали, как можно получать яд скорпионов, раздражая животное слабым током. Чтобы продемонстрировать получение яда змей, нас пригласили в специальный питомник, где содержатся ядовитые змеи четырех наиболее распространенных в Индии видов.

Это «змеиное царство» создано на территории института и окружено наполненным водой рвом с отвесными цементными стенами. На этом островке и живут змеи. Множество их свободно ползает по траве, а некоторые размещены в небольших клетках со стенками из мелкоячеистой металлической сетки. Два служителя в высоких резиновых сапогах перешли по подъемному мостику на остров и вынесли оттуда клетку с двумя кобрами. Открыв дверцу, они выпустили змею на большую лужайку. Кобра быстро поползла, и за ней спокойно зашагал один из служителей.

Берут яд у кобры. Хавкинский институт

И тут мы стали свидетелями великолепной сцены. Служитель ловко наступил на кончик хвоста змеи — кобра на мгновение застыла, приподняв голову с характерным капюшоном. Натренированным движением служитель схватил кобру одной рукой сзади за шею, а другой — за хвост и, широко расставив руки, растянул извивающуюся змею во всю длину. К нему подошел второй служитель со стеклянным бокалом, края которого были затянуты тонкой резиновой пленкой. Бокал поднесли к голове змеи, после чего немедленно последовал резкий, молниеносный бросок. Нижние зубы заскользили по стеклу, а верхние пробили тонкую резиновую пленку и оказались внутри бокала, на дно которого упало несколько капель смертоносного яда.

Змеиный яд используется в институте для приготовления сывороток, которые вводятся людям, укушенным змеей.

В Индии 216 различных видов змей, из них 52 — ядовиты. Точное число людей, пострадавших от укусов змей в течение года, назвать очень трудно, так как не все пострадавшие обращаются к врачу. Все же официальная статистика указывает, что по всей стране в год укусам змей подвергается в среднем 200 тысяч человек, причем не менее 15 тысяч укушенных погибают. (Так, в одном только штате Махараштра, где регистрация пострадавших от укусов змей налажена несколько лучше, чем в других районах Индии, за пять лет — с 1954 по 1958 — змеи погубили 8 тысяч человек.

Нет сомнения, что 185 тысяч остающихся в живых после укуса ядовитых змей применяют простейшие способы лечения — высасывание яда из ранки, глубокий разрез и прижигание раны огнем, раскаленным железом или марганцевокислым калием. Ну и, наконец, сотням людей после укуса ядовитых змей жизнь спасла психотерапия — иначе просто невозможно объяснить эффект в лечении, которого добивался, например, Нарасиах, начальник станции Полредипальян на одной из железных дорог Южной Индии. Вот как описывает этот «способ» известный натуралист и охотник Кеннет Андерсон*: «Как только господин Нарасиах получал телеграмму (извещавшую

---

* К. Андерсон, *Черная пантера из Шиванипали*, М., 1963, стр. 101.

об укусе.— Авт.), он отправлялся к дереву, росшему во дворе, вырывал из дхоти (или набедренной повязки) нить, привязывал ее к ветке дерева и произносил молитву, после чего посылал пациенту телеграмму, в которой сообщал, что гарантирует ему жизнь, если тот откажется от табака, алкоголя и кофе. Пострадавший неизменно оказывался жив». Вера в искусство Нарасиаха так глубоко жила в народе, что телеграммы на его имя передавались вне очереди. Нет сомнения, что именно эта вера — а не молитвы Нарасиаха и ниточки, повешенные на дерево,— и излечивала укушенных, мобилизуя какие-то еще неведомые резервы, содержащиеся в организме человека.

В институте приготавливают так называемую поливалентную сыворотку, способную спасти человека от укуса любого из четырех самых опасных видов змей. Из них наибольшей известностью пользуется, конечно, кобра, или очковая змея (*Naja naja*). Этот вид встречается, между прочим, на юге Туркмении, Таджикистана и Узбекистана, но тамошние кобры лишены характерного рисунка, напоминающего очки.

Раздраженная кобра поднимает над землей переднюю треть тела и раздвигает в стороны первые восемь пар ребер. Шея ее становится похожей на диск. При этом на ее спине явственно проступает рисунок в виде двух колес, соединенных перемычкой в форме буквы V,— «очки». Кобры держатся в зарослях кустарников, в заброшенных зданиях, часто поселяются в разрушенных постройках термитов. Это одна из наиболее часто встречающихся в Индии змей. Кобра очень ядовита, и ее укус (если вовремя не пачать лечение) обычно смертелен.

Другая, также очень распространенная в Индии ядовитая змея — гадюка Рассела (*Viperca russeli*) отличается темными ромбовидными пятнами, которые тремя продольными рядами тянутся вдоль всего тела. Третий представитель этой страшной четверки — бунгарус (*Bungarus coeruleus*) известен яркими поперечными желтыми кольцами на черном фоне. Живет он на сухих травянистых равнинах.

Последняя из четырех наиболее известных ядовитых змей Индии — эфа (*Echis carinatus*). У нее характерная светлая сетка на общем темном фоне (также встречается у нас на юге Средней Азии). Живет эфа в песчаной местности и днем прячется в норы грызунов.

Противозмеиная сыворотка рассылается из Хавкин-ского института по всей Индии и в другие страны. Две ампулы этой сыворотки были и у нас, но, к счастью, воспользоваться ими нам не пришлось: мы были в Индии в сухой сезон, когда змеи встречаются редко.

В джунглях Ассама и Нилгири живет также самая опасная ядовитая змея мира — королевская кобра (*Naja hannah*). Она похожа на обычную кобру, но ее щит никогда не бывает таким плоским и не имеет рисунка. Королевская кобра достигает больших размеров, обычно ее длина 3—4 метра, но говорят, что изредка встречаются экземпляры в пять с половиной метров. Сыворотку против укуса королевской кобры не производят, да это и бесполезно. Человек, укушенный этой змеей, умирает уже через три минуты. Даже если бы под рукой оказались сыворотка и шприц, противоядие все равно не успело бы подействовать.

В своей книге «Змеи Индии», вышедшей в 1965 году, профессор Деорас указывает, что быстрая смерть от укуса королевской кобры объясняется большой дозой вводимого ею яда. В Институте имени Хавкина было установлено, что сыворотка против яда обыкновенной кобры нейтрализует также и яд кобры королевской.

Кроме змей институт содержит большое количество других животных для экспериментальной работы и приготовления сывороток. Как известно, предохранительная сыворотка получается из крови животных, которым вводят соответствующие яды или болезнетворные бактерии. В сыворотке крови таких переболевших иммунных животных сохраняются вещества, способные служить специфическими противоядиями. Для опытов и производства сывороток виварий поставляет ежегодно около 75 тысяч белых мышей, 4 тысячи белых крыс, по 2 тысячи кроликов и морских свинок. Здесь одновременно содержат 200 лошадей, 3500 овец, 200 обезьян, сотни кошек, кур, голубей, хомячков, скорпионов. В виварии царит чистота. Все животные получают строго регламентированный рацион. Большое внимание уделяется чистоте генетических линий разводимых зверьков и птиц: для опытов годятся только совершенно одинаковые животные, иначе могут появиться нежелательные отклонения.

После краткого знакомства с зоосадам, большая и интересная коллекция животных которого размещена на

очень небольшой площади, мчимся в естественноисторический отдел огромного музея принца Уэльского. Этот отдел организован и ведется Бомбейским обществом естествоиспытателей. Четыре больших тематических зала, каждый из которых посвящен соответственно птицам, млекопитающим, рептилиям и амфибиям, и, наконец, находящийся в стадии реконструкции зал беспозвоночных. Здесь чучела большого числа местных животных — птица-носорог, водоплавающие, крупные хищные птицы, олени, волки, тигр, пантера и т. д. Оживляют экспозицию прекрасно сделанные диорамы, воссоздающие клочок тропического леса, горный склон, берег водоема, участок пустыни. В предложенном доктором Меноном бодром темпе пробегаем по залам музея. После ленча попадаем в очень интересное заведение — небольшой магазин по торговле зоологическими препаратами, чучелами, спиртованными и фиксированными животными, коллекциями насекомых, моллюсков и т. д.

В небольшом торговом помещении за конторкой сидел сам хозяин — молодой смуглый человек в белом костюме. На полках и в витринах были выставлены обычные чучела животных, препараты и специальная зоологическая литература.

За стеклом аквариума сутились рыбки, в клетке верещали попугаи, черепахи и ящерицы находились в специальном вольере. Хозяин — С. К. Сани сказал, что он может предложить нам любое мелкое животное Индии. Здесь можно заказать обитателей лесов, полей, пресных вод и моря, и наш заказ будет выполнен в относительно короткий срок. В фондах магазина хранятся в спирте и формалине самые разнообразные животные, в том числе и редких видов. Заинтересовавшись этими фондами, мы просим у хозяина разрешения посмотреть его коллекции. За торговым помещением оказались две или три небольшие комнатки, в которых на стеллажах стояло множество банок с самыми разными животными.

Все сборы оказались хорошо этикетированными, то есть каждый экземпляр был снабжен стандартной карточкой с пометкой места и даты сбора. Вслед за латинским названием животного была проставлена фамилия лица, его определившего. К нашему удивлению, здесь были этикетки, подписанные ведущими систематиками мира, крупнейшими специалистами по различным зоологичес-

ким группам. Это обстоятельство делало коллекцию особенно ценной, так как правильность определений этих зоологов не может быть подвергнута сомнению.

Эта маленькая «фирма» имеет широкую сеть сборщиков по всей Индии и консультантов во многих странах мира. Непосредственный же ее штат — хозяин и три сотрудника — занят поддержанием в порядке сборов, перепиской с клиентами и поставщиками и заключением сделок на поставки материала для школ и высших учебных заведений. С. К. Сани подарил для Зоологического института АН СССР несколько медуз и кораллов, отсутствующих в наших коллекциях. Среди них была очень интересная пресноводная медуза — лимнокнида, встречающаяся в озерах в окрестностях Бомбея.

26 декабря в 17 часов мы на вокзале Виктория, в вагоне поезда Бомбей — Пуна. Это — наша первая поездка по железной дороге в Индии, и поэтому мы с интересом присматриваемся к местным обычаям. Чувствуется, что все здесь идет по давно заведенному порядку. В небольших вагонах первого класса на дверях каждого купе, открывающихся непосредственно на перрон, в специальную рамочку вставляется список пассажиров. Оказывается, подъезжая к станции, можно заказать в вагон обед, чай и т. п., и чтобы ресторанные служащие не ошиблись, и вывешивается на дверях этот список. Вагонов-ресторанов в индийских поездах не бывает, так как пройти из купе в купе и тем более из вагона в вагон на ходу поезда невозможно. В каждом восьмиместном купе — маленькие зарешеченные окошечки, мягкие кожаные диваны и совершенно здесь необходимые большие вентиляторы в проволочных решетках. Они установлены таким образом, что каждый пассажир может распоряжаться одним из них. Здесь же в купе небольшой умывальник.

Проезжаем бесконечные пригороды, похожие на пригороды всякого большого города мира: обшарпанные дома, сараи, грязные улицы. Наконец потянулись поля, замелькали пальмы, и сразу же надвинулась на нас стена вечнозеленого тропического леса. Дорога идет все выше и выше в горы. Вагон поскрипывает на поворотах, местами мы едем совсем медленно. Пересекаем цепь невысоких гор, тянувшихся вдоль всего побережья Аравийского моря, — Западных Гхатов. Издалека они удивительно живописны: заросшие лесом, с очень разными по

форме вершинами. К сожалению, сгущаются сумерки, и скоро за окошком вагона можно было различить только мелькающие огоньки полустанков.

Ветры, дующие с моря, оставляют почти всю влагу, которую они приносят с собой, на приморской низменности и особенно на западных склонах гор. Здесь выпадает в год около 2500 мм осадков. До равнинного Деканского плато, на котором расположен город Пуна, осадков доходит в три-четыре раза меньше. Поэтому климат Пуны очень здоровый и здесь располагается большое количество промышленных предприятий, в том числе и огромные текстильные фабрики. Пуну называют «Королевой Декана» — это большой современный город, число жителей в котором перевалило за 700 тысяч.

В богатой событиями средневековой истории Индии Пуна занимает особое место. Отсюда в XVII веке верховный повелитель маратхов — пешва — управлял огромной страной, на севере простиравшейся до долины Ганга и границ Афганистана, а на востоке — до владений низама Хайдарабада. И почти сто лет маратхи были самой крупной политической силой в стране, объединяя индусов в борьбе против мусульманского, а потом и английского влияния. Сейчас Пуна — большой тихий город, с очень широкими и, конечно, зелеными и очень чистыми улицами, и славится во всей Индии обилием электрического света.

Утром мы отправились в Вирусный центр — учреждение, изучающее вирусные инфекции человека и домашних животных. Этот центр организован в 1952 году, а за год до нашего приезда для него было построено специальное здание. Средства на постройку и оборудование предоставил Рокфеллеровский фонд, оборудование новейшее, преимущественно американское. Нас интересовали зоологические исследования, которым здесь придается большое значение. Многие вирусные болезни переносятся животными. Зоологи Вирусного центра содержат в лабораторных условиях клещей и насекомых и исследуют получаемых животных для установления вирусоносителей. Впечатление от посещения лабораторий один из нас сформулировал в своем дневнике тремя фразами:

«Дело — на первом месте. Все удобства — в общем и в деталях. Ничего лишнего — все необходимое».

Действительно, атмосфера в Вирусном центре самая

деловая. Ни разговоров между сотрудниками (каждый научный работник имеет отдельный кабинет), ни постоянных шумов, помещения не загромождены, все необходимое для работы имеется в необходимом ассортименте и нужном количестве. Организация рабочего места продумана до мелочей. Например, рабочий стол по краям имеет канавку, наполненную водой. Этот миниатюрный «крепостной ров» надежно изолирует зараженных клещей и других опасных пленников. Не только столы, но и полы в энтомологических лабораториях выстланы идеально белым пластиком, причем вдоль стен рабочего помещения проходит еще одна канавка с водой. На белом фоне видна любая соринка, сбежавший клещ сразу будет замечен, да он и не сможет уйти через двойной водный барьер. За последние годы здесь выпущены десятки миллионов доз вакцин против ряда вирусных болезней человека и домашних животных.

Университет Пуны помещается в большом парке недалеко от города. Здание для естественного факультета только что построено. Светлые трехэтажные корпуса, просторные лаборатории и небольшие — на 30—50 человек — аудитории.

Профессор Лиила Голей недавно побывала в Советском Союзе в составе делегации индийских зоологов. Может быть, именно поэтому она с особым радушием встречала нашу группу у себя на родине, на кафедре зоологии. На кафедре, которая занимает один корпус, ведется большая работа по подготовке специалистов. О масштабах этой работы говорит большое количество «пи-джи» — аспирантов, работающих в области зоологии позвоночных и беспозвоночных, — 24 человека. Основные работы кафедры касаются эмбриологии позвоночных и энтомологии.

Студенты, видно по всему, относятся к занятиям с большим увлечением и интересом. Несмотря на то что кафедра существует всего два-три года, руками студентов создан музей местной фауны. Особенно интересными нам показались оригинальные коллекции насекомых, распределенные по всем временам года. На стендах показано, каких насекомых можно встретить в природе Декана в каждый из месяцев года. Для нас, привыкших видеть насекомых в природе немногим более полугода, такой стенд невольно выглядел странным. Конечно, мы все хорошо понимали, что тропики есть тропики, но для каждо-

го из нас приезд в Индию из заснеженной России внутренне ассоциировался с ранним наступлением весны. На самом же деле мы приехали в Индию в тот же самый сезон, что и у нас в стране, — в начале зимы, и вся природа здесь находилась в состоянии зимнего оцепенения. Конечно, индийская зима — совсем не зима российская: здесь в это время просто поменьше дождей, поменьше змей, поменьше летает бабочек, некоторые деревья сбрасывают листья и начинают цвести, ну и температура опускается с 30—35 градусов до 20—25.

Николай Сергеевич Борхсениус с успехом выступает перед веселой, оживленной студенческой аудиторией, рассказывает о советской зоологии, говорит о необходимости более тесных контактов между зоологами наших стран. Проходим в следующую лабораторную комнату, и за чаем с традиционными индийскими сладостями завязывается беседа об Индии, о СССР, у кого-то находятся общие интересы, мы вспоминаем наших зоологов, занимающихся теми же проблемами, которые интересуют и наших здешних коллег. Расстаемся друзьями.

По асфальтированным дорожкам, шуршащим опавшей листвой, идем через парк на прием к вице-канцлеру университета Д. В. Потдару — одному из старейших историков Индии. У него собрались руководители почти всех отделов университета: физики, химики, биологи, лингвисты («почти всех» потому, что среди них не было руководителя факультета черной и белой магии, единственного в мире факультета, на котором готовят... волшебников).

Доктору Потдару 73 года. Это живой, обаятельный человек. Недавно он побывал в нашей стране во главе делегации университетских работников Индии, знакомившихся с жизнью и работой наших высших учебных заведений. Желая сделать нам приятное, он организовал для нас вегетарианский индийский обед на русский лад. Все началось с безобидного винегрета (почти без перца!), затем последовали рис, цветная капуста, яйца. После следующего блюда — что-то вроде картофельных пирожков с начинкой из огненно-овощной смеси — наши силы иссякли, и мы начали жалобно просить «тханда пани» — холодную воду, чем, кажется, очень развеселили наших хозяев, как ни в чем не бывало поглощавших эти маленькие бомбы, поливая их предварительно таким ядо-

витым соусом, от воспоминания о котором и сегодня пересыхает горло.

На следующее утро немного невыспавшиеся (возвратились в Бомбей уже за полночь) выбираемся из гостиницы в полном боевом снаряжении: ковбойки, рабочие бумажные штаны, сачки, морилки, рюкзаки, фотоаппараты. Служащие гостиницы с явным недоумением рассматривают нас. Сегодня у нас большой и интересный день — экскурсии в предгорья, и сопровождать нас, а точнее, вести экскурсию согласился всемирно известный орнитолог Салим Али.

Еще не было восьми утра, когда наши машины остановились у ворот небольшого коттеджа в пригороде Бомбея. Нам навстречу выходит, широко улыбаясь, маленький сухонький старичок, белый как лунь, с бородой, которая не просто отликает серебром, а прямо светится на фоне загорелого лица, — Салим Али. Знакомимся. Да, ему очень приятно быть полезным своим далеким северным коллегам, и он постарается показать нам кое-что интересное. Конечно, многое зависит просто от удачи, но не будем терять время, уже и так поздно...

Минут через сорок быстрой езды выбираемся из города. Узкая, но отличная асфальтированная дорога петляет между лесистыми холмами. Оставив машины на небольшой поляне, делимся на две группы: Н. С. Борхсениус, Е. В. Жуков и К. А. Бреев остаются рядом с машиной — Николаю Сергеевичу нужно, чтобы под рукой была какая угодно зелень — далеко ходить за кокцидами не приходится. Для Жени Жукова, раз нет надежды получить какую-нибудь морскую рыбу на предмет изучения ее гельминтов, и жизнь не мила, и уж лучше помочь Николаю Сергеевичу, чем бродить по колючему лесу. Мы же с Салим Али ныряем в кустарник. Лес действительно очень колючий, и пробираться по нему приходится осторожно, чтобы не зацепить сачок, не потерять фотоаппарат и не разорвать в клочья одежду. Как в таком лесу Салим Али ухитряется видеть и следить за птицами — непонятно. Но тем не менее ухитряется. По его сигналу замираем и наблюдаем в бинокль, как вдали по берегу озера важно расхаживают цапли. Мелких воробьиных в лесу очень много — и пеночка-трещотка, и пятнистый голубь, и малый дронго, и джунглевый бабблер-болтун, и хохлатый бюль-бюль, и желтоватая ориола, и совсем род-

Известный орнитолог Салим Али

ной чибис, и, как синяя молния, яркий роллер. Над лесом, над вершинами высоких пальм-тодди, составляющих самый высокий ярус здешней растительности, беспрерывно носятся пальмовые ласточки. Их гнезда хорошо заметны у ствола пальм, под кроной.

Наш путь лежит мимо озера, по лесу, по склонам холмов. Сегодня воскресенье, и много бомбейцев проводят свой выходной день в этих местах, в окрестностях искусственных озер Тульси. Небольшие плотины, построенные между крутыми холмами, образуют целый каскад больших озер с лесистыми островками посередине. Крутые берега озер поросли лесом. Группы отдыхающих расположились ближе к воде на небольших полянках. Много школьников, организовано направляющихся куда-то. Ребята одной из таких групп со связками веревок через плечо и значками клуба «Покорители Гималаев» радостно окружают Салим Али, почтительно здороваются с ним. Популярность этого семидесятилетнего ученого очень велика — на шоссе его приветствуют многие люди из проезжающих машин.

С удовольствием, забыв обо всем на свете, несколько часов бродим по лесу. С таким проводником, как Салим Али, время летит незаметно.

— Смотрите, — подводит он нас к высокой пальме, оплетенной толстыми побегами какого-то растения. — Это один из видов паразитических фикусов. Мы долго не могли узнать, как опыляется это растение. Оказывается, опылителями служат птицы-нектарницы, которые прилетают к цветкам в поисках нектара.

Другая экскурсия состоялась через несколько дней. Версова — небольшое местечко, километрах в тридцати от Бомбея на берегу Аравийского моря. Широкий пляж в глубине обширной тихой бухты. Ранним утром здесь остановился маленький «амбассадор» и из него вышло четверо нагруженных сумками, сачками и фотоаппаратами людей. Один из них — это был профессор Н. С. Борхсениус — сразу же залез в придорожный куст и с увлечением стал собирать кокцид, трое остальных — авторы настоящей книги и доктор Д. П. Варгезе — ученик профессора Бола, сотрудник Общества естествоиспытателей, — направились к берегу моря.

В этот ранний час берег был почти безлюден. Был отлив, и вода приближалась к нижнему уровню. Немед-

ленно, как только мы ступили на песок, неизвестно откуда появились две бродячие собаки и уныло поплелись вслед за нами. В Индии вообще много собак, в штате же Махараштра и в его столице Бомбее особенно много. Даже на юге Китая и во Вьетнаме, где собак едят и даже специально разводят на убой, их все же значительно меньше. Особенно опасны все эти бездомные псы во время вспышек бешенства. Поэтому, увидев этих тощих обдранных собак, мы спросили нашего спутника:

— Доктор Варгезе, как в Индии борются с бродячими собаками?

Наш молодой коллега улыбается.

— Религиозные предрассудки еще очень сильны у нас, — говорит он, — и поэтому редко кто решится убить собаку, даже если она бешеная. Убийство собаки может вызвать недовольство населения. Но правительство нашего штата нашло способ уменьшить поголовье собак, не уничтожая их. Бродячих псов кастрируют и отпускают. Такая операция не противоречит духу индуизма.

Мы разбрелись по берегу. На верхней грани прилива, где песок был еще влажным от недавно схлынувшей воды, обитали небольшие, размером с копейку, брюхоногие моллюски гиббулы (*Gibbula*). Стоило зачерпнуть горсть песка, как оказалось, что в самом его верхнем слое спряталась масса этих улиток с очень красивыми пестрыми раковинами. За один раз попадается 50—60 раковинок. Мы сразу начали промывать песок на решетке и в несколько минут набрали полную литровую банку моллюсков. Такого плотного населения в песке пляжа нам до сих пор нигде не приходилось наблюдать.

Море, а особенно тропическое, очень продуктивно, и потенциально во всех его участках можно ожидать высоких «урожаев». В большинстве стран, расположенных у берегов тропических морей, население питается дарами моря. Каждый раз во время отлива массы людей из прибрежных сел выходят на литораль и начинают промывать через решета морской песок, собирая моллюсков, ракообразных и других морских беспозвоночных животных. В Индии, где подавляющее большинство жителей — вегетарианцы, мелких моллюсков никто не собирает, и, может быть, поэтому их здесь такое множество.

Немного ближе к полосе прибоя от того места, где в песке прячутся гиббулы, можно обнаружить своеоб-

разных морских червей из рода диапатра. Они также живут в песке, строя длинные пергаментные трубки. Стенки трубки инкрустированы битыми ракушками, песчинками, камешками, а в верхней части зелеными личинками морской травы — зостеры. Пучки травы маскируют вход в трубку червя, но это обманывает разве что куликов и других береговых птиц, но не биологов. Как раз по этим пучкам диапатру легче всего обнаружить. Но не следует торопиться хватать ее. Дело в том, что при малейшем прикосновении к трубке червь быстро уходит в ее глубину сантиметров на 25—30 и, потянув за пучок травы, можно извлечь лишь пустой верхний конец трубки. Чтобы добыть ее обитателя, нужна хорошая лопата.

На границе воды и в самой воде среди водорослей в лагуне удалось поймать несколько крабиков-матута. Крабы эти мелкие — с куриное яйцо величиной. С каждой стороны тела — большой острый шип. Сам матута охристо-желтый, с мелкими бурыми точками на спине. Обычно у крабов три пары ног служат для ходьбы и вооружены коготками. У матуты, живущего на песчаных и песчано-илистых грунтах, эти ноги заканчиваются плоскими острыми лопаточками, очень похожими на штукатурные мастерки. При помощи ног-лопаток матута роется в песке.

Пока мы разглядывали моллюсков и крабов, на берегу появились рыбаки. Начался лов завожным неводом. Картина нам была давно знакома. С двух больших лодок в море полукольцом была спущена длиннющая мелкоячеистая сеть. Ее концы вытащили на берег на расстоянии около полукилометра один от другого. На каждом конце встало по десятку рыбаков, которые принялись медленно вытаскивать сеть на берег. В начале ловли середина сети с привязанной к ней маленькой лодкой была далеко в море. По мере извлечения сети (на это ушло больше часа) лодка подходила все ближе к берегу, а концы сети постепенно сводились вместе. Рыбаки вошли в воду и начали отгонять от крыльев сети окруженных ею рыб. Масса испуганных рыб металась внутри все уменьшавшегося кольца. Рыбаки с дружным криком вытащили на мель мотню и начали быстро укладывать рыбу в ящики.

Добыча была не очень богатой, преобладали рыбки

в 20—30 см длиной, но было и несколько крупных. Нам разрешили выбрать из улова то, что нас заинтересует. Кроме рыб попались головоногие моллюски — кальмары, огромные креветки-пенеус сантиметров 15 длины, а также несколько морских змей с плоскими хвостами — представители семейства Hydrophidae. Эти змеи, питающиеся рыбой и головоногими моллюсками, ядовиты: говорят даже, что их яд во много раз опаснее яда кобры. К счастью, для человека они, по-видимому, не очень опасны. Их пасть открывается очень незначительно, и они не могут укусить за руку или ногу, а лишь за палец, да и то только те, что покрупнее.

Морские змеи обычно ярко окрашены, имеют желтые или красноватые поперечные кольца на темном фоне. Яркая окраска змей служит предупреждением для тех хищников, которые охотятся за морскими животными. Имеется ряд морских тропических рыб со змеевидным телом, которые хотя и совершенно безопасны, но окрашены так же, как и морские змеи. Это спасает их от врагов. Между прочим, среди улова в этот день были и такие рыбы. Нужно сказать, что они сходны со змеями не только по окраске. Даже мы с первого взгляда не смогли отличить морскую змею от рыбы-подражателя. Только после того как все они были убиты спиртом, мы обратили внимание на маленькие жаберные крышки у некоторых из «змей».

Сложив первую партию сборов в багажник машины, мы отправились вдоль берега к видневшейся вдали куче камней, надеясь найти там что-либо интересное. В одном месте мы увидели на песке какой-то стеклянный сосуд, ярко блестящий на солнце. Когда мы подошли поближе, то обнаружили, что это большая бесцветная медуза. По характерной форме высокого зонтика и четырем группам розоватых щупалец можно было сразу узнать так называемую кубомедузу. Группа кубомедуз изучена еще очень слабо, даже их анатомия известна в общих чертах, а о жизненном цикле имеются лишь отрывочные сведения. Между тем изучением кубомедуз следовало бы заняться серьезно. Недавно австралийский гидробиолог Р. В. Соуткотт установил, что это медузы были причиной загадочной гибели людей во время купания. Оказалось, что некоторые кубомедузы так сильно «обжигают», что человек теряет от боли

сознание и тонет. Яд столь силен, что даже люди, которых успевали доставить на берег живыми, умирали уже на суше.

Выброшенная на песок медуза была величиной с ведро. Столь крупной кубомедузы нет ни в одном из наших музеев, но взять ее с собой было нельзя — волны сильно попортили зонтик, щупальца были частично оборваны, нежные внутренние органы растрепаны. Дальше по берегу лежало еще несколько медуз в таком же плачевном состоянии.

Пока мы были на берегу моря, Николай Сергеевич собрал довольно много различных насекомых, в основном вредителей растений разных видов. Уже на обратном пути, раскладывая на заднем сиденье сборы нынешнего дня, он сообщил нам, что несколько червецов несомненно относятся к новым для науки видам.

До отлета в Бангалур — в южные и центральные части Деканского плато — остается целых полтора дня, и мы проводим их в зависимости от интересов каждого: К. А. Бреев отправляется снова в Хавкинский институт досматривать какие-то особенные препараты, предохраняющие от укусов комаров и москитов, Н. С. Борхсениус и А. В. Яблоков отправляются в Бомбейское общество естествоиспытателей, Д. В. Наумов и Е. В. Жуков снова в Тарополевала-аквариум.

Бомбейское общество естествоиспытателей основано 78 лет назад. За это время благодаря активности своих членов оно выросло в одну из известнейших естественно-исторических организаций мирового класса. Сфера деятельности общества очень обширна — от изучения растительного и животного мира Индии, Цейлона, Пакистана и других стран Юго-Восточной Азии до организации преподавания охраны и изучения природы в школах штата Бомбей. Общество помещается в небольшом двухэтажном особняке на самом берегу моря. Под нависающим вторым этажом волны океана разбиваются о живописные груды камней. Здесь же хранятся и основные коллекции, а их немало: одних только млекопитающих более 20 тысяч, примерно столько же птиц, много тысяч коллекционных экземпляров рыб, рептилий, амфибий и около 100 тысяч беспозвоночных. Все коллекции хранятся в образцовом состоянии, тщательно, подробно этикетированы.

В европейских жилищах чувствуется приближение рождественских праздников. В холле нашей гостиницы в одном углу поставили огромную полиэтиленовую елку, а в другом — голые ветки дерева с прикрепленными к ним комочками ваты. Под потолком развесили разноцветные гирлянды, шарики, мигающие цветные фонарики. А на улице температура днем не падает ниже +30 градусов...

ГЛАВА IV

БАНГАЛУР

«Город зеленых бобов» — Чем плох химический метод борьбы с вредителями? — Гоматти и джайнизм — Храм Ченни Кесвара в Белуре — В гостях у С. Н. Рериха — Институт наук Таты — Обезьяний дом — Язык танца — Какие бывают бананы? — Термиты — В джунглях

24 декабря. Борт «Скаймастера». Вот уже два часа, как вылетели из Бомбея. Скоро и Бангалур — цель нашего сегодняшнего полета. Летим на небольшой высоте — 1200 — 1300 м, и все внизу хорошо видно. Пересекли на юго-восток очень живописные Западные Гхаты. Несмотря на их сравнительно небольшую высоту (редко где выше 1000 м над уровнем моря), это не пологие горы, многие вершины обрывисты. Сверху ряды таких обрывистых вершин, сложенных разными горными породами, напоминают слоеные пироги. Лесов очень много, все горы покрыты лесом. Редко-редко встречаются небольшие поселки. Постепенно горы становятся более пологими, нет таких крутых обрывов, одновременно увеличивается площадь, занятая полями, больше деревень. Наконец горы исчезли совсем, внизу — равнина, возделанные поля. Кое-где светлые квадратики лесопосадок. Крыши деревень, тесно прижавшиеся друг к другу, толпятся как попало, а не вытянуты вдоль дороги или реки, как у нас в России.

Через три часа подруливаем к аэровокзалу с надписью «Бангалур» и множеством предостережений: «Фо

тографировать запрещено». Бангалур — крупнейший центр военно-авиационной промышленности страны и военно-воздушная база. По количеству жителей он находится в первом десятке крупнейших городов Индии, численность его населения приближается к миллиону человек. Быстрый рост города за несколько последних десятилетий — результат развития машиностроительной, электротехнической, кожевенно-обувной, текстильной промышленности, в нем расположено несколько крупных высших учебных заведений, в том числе известный в стране Национальный институт Науки.

С удовольствием вдыхаем свежий воздух — после Бомбея здесь дышится легко и свободно и даже солнышко, несмотря на то что мы оказались значительно южнее, светит как-то поспокойнее. Сказывается высота над уровнем моря и удаленность от океана. Кто-то шутит:

— Ну, мы совсем акклиматизировались в Индии, раз замерзаем при 26 градусах!

Новый город, через который мы проезжаем по дороге в гостиницу, напоминает новые районы Дели: такой же простор улиц, такое же обилие зелени. Даже, пожалуй, зелени здесь побольше на улицах, и особенно много цветов. Даже само название «Бангалур» переводится как «Город зеленых бобов». Впрочем, другие считают, что «Бангалур» — «деревня жареных бобов» и дал это имя деревушке, где его хорошо накормили, какой-то заблудившийся принц. Достоверная история города начинается, однако, лишь с 1537 г., когда здесь султанами Биджапура был построен военный форт. Потом городом владели маратхи — те самые, столицей которых была Пуна, потом он стал собственностью махараджи Майсура. С 1761 г. власть перешла в руки Хайдара Али и затем его сына Типу Султана. В 1799 г. Типу Султан, бывший тогда основной силой, противостоящей англичанам, погиб в результате предательства на поле боя. Сейчас Типу — один из популярнейших в народе национальных героев. После Типу всем штатом Майсур правила династия Водеяров, сотрудничавших с англичанами.

В Бангалур, привлеченные ровным, здоровым климатом и возможностью получить хорошо оплачиваемую работу, едут и едут люди: инженеры, техники, мастера и квалифицированные рабочие. Нигде в Индии не видели мы столько строящихся зданий, как в Бангалуре.

Проезжая по улицам, можно наблюдать все стадии строительства дома: от нулевого цикла — закладки фундамента — до отделочных работ. И просто удивительно, как с помощью лишь одних бамбуковых лесов и ручного труда возводятся изумительные по красоте здания с разрезными параболическими крышами, с изящными навесами и козырьками над окнами, с башенками и тенистыми верандами из полированного бетона.

В центре города много современных домов в пять-шесть этажей, причем каждый из них оригинальной архитектуры. Огромный новый дворец правительства штата помещается в необъятном зеленом парке. Его купол венчает львиная капитель, повторяющая традиционную двухтысячелетнюю эмблему Индии. Бросается в глаза отсутствие рикш, на улицах много мотороллеров, велосипедов, микротакси.

Мы уже говорили, что в Индии в каждом штате полицейские имеют свою форму. Здесь, в столице штата Майсур, они одеты в шорты цвета хаки, белый китель, подпоясанный широким черным ремнем, на голове у них что-то вроде тюрбана зеленого цвета с яркими красными поперечными полосками. Светофоров на улицах, как и в других городах Индии, практически нет, и регулировщики очень живописно командуют движением, поднимая обе руки, обозначая наш желтый свет и делая приглашающие или останавливающие жесты в других случаях. Мы не устаем удивляться спокойствию индийских шоферов. Несмотря на очень интенсивное движение на улицах, когда между бешено мчащимися машинами лавируют велосипедисты, мотоциклы и мотороллеры, медленно бредут воле, будто из-под земли возникают пешеходы, шоферы спокойно держат равномерную скорость, обычно много выше 50 км в час. И еще одна характерная черта индийского шофера — когда его машину догоняет другая машина, он обязательно делает приглашающий знак рукой, предлагая обогнать его.

Останавливаемся в очередном «Вест-энд-отеле». Посетители мало чем отличаются от бомбейских. В который раз наблюдаем, как группа молодых американцев отправляется на охоту в джунгли: слуги носят из отеля в машины ружья, коробки с патронами, корзины с едой, пледы и еще что-то. Нам, правда, не удалось посмотреть, что же привозят из леса эти охотники. Впрочем, до сих

пор даже ближайшие окрестности города изобилуют разнообразной дичью: оленями, зайцами, павлинами, куropатками, перепелами.

Наш отель расположен в нескольких небольших корпусах, разбросанных на территории парка. Внутреннее убранство холлов и комнат — в стиле середины прошлого века: грубые деревянные полы и кровати, глубокие мягкие кресла и продавленные диваны, худосочные столики на резных ножках. Но говорят, что чем древнее и неудобнее обстановка, тем шикарнее считается отель.

В гостинице нас ждал калькуттский зоолог доктор Тивари. Он сопровождал нас в дальнейших поездках по Индии.

Самое интересное биологическое учреждение в Бангалуре — это Центральная станция по биологическому методу борьбы с вредителями растений или, коротко, по биологическому контролю. Борьба с многочисленными насекомыми — вредителями сельскохозяйственных и дикорастущих растений с каждым годом приобретает все большее значение. После окончания второй мировой войны в результате быстрого развития химической промышленности почти во всем мире для борьбы с вредителями растений стали применяться в большом количестве различные ядохимикаты. Синтез инсектицидов дал растениеводам на первых порах, казалось бы, мощное средство для борьбы с вредителями. ДДТ, гексахлоран и другие инсектициды стали применяться на огромных территориях. Вредители действительно погибали, и вначале урожаи стали более высокими. К сожалению, массовое применение инсектицидов повсеместно проводилось без предварительного учета всей сложности взаимоотношений между многочисленными видами растений и животных, которые подвергались действию инсектицидов. Такое грубое вмешательство в природное равновесие не замедлило сказаться весьма отрицательно. Вместе с вредителями от инсектицидов гибли полезные насекомые, в частности опылители цветковых растений. Больше того, после нескольких лет массового применения ядохимикатов картина резко изменилась — вредители приспособились к новым условиям, появились устойчивые к инсектицидам формы. Начались вспышки массового размножения вредителя, а их природные враги — паразиты и хищники были подавлены ядами. Как это ни странно, но

конечным результатом применения инсектицидов в большинстве случаев оказалось массовое размножение вредителя. Вот к чему подчас приводит непродуманное вмешательство в сложное хозяйство природы.

Теперь ученые на горьком опыте убедились в том, что применять инсектициды следует с оглядкой, в очень ограниченных масштабах, лишь в определенных местах, в определенные сроки и делать это можно лишь на основе детального изучения биологии всех организмов, которые могут подвергнуться действию ядов. Гораздо более действенным и безошибочным следует признать не химический, а биологический метод борьбы с вредными животными, т. е. использование природных взаимоотношений между организмами. Человек при этом не нарушает естественный ход событий, а лишь направляет его.

Чтобы истребить какого-либо вредителя определенной культуры, ученые стремятся использовать для этого его природных врагов. Среди миллиона видов насекомых всегда можно найти подходящего врага для какого-то вредителя, размножить его в искусственных условиях.

В Индии культивируется очень большое количество различных сельскохозяйственных растений, а тропический климат способствует не только круглогодичному вегетационному периоду, но и развитию большого числа вредителей. Поэтому целый ряд крупных научных учреждений страны ведет работу по борьбе с вредителями сельского хозяйства. Работа по внедрению биологического метода борьбы возглавляется Центральной станцией в Бангалуре, которую мы посетили.

Директор станции профессор В. П. Рао был особенно рад встретить делегацию русских зоологов. Он много лет посвятил изучению кокцид и щитовок, много ожидал от встречи с известным специалистом по этим группам насекомых, нашим руководителем Н. С. Борхсениусом.

Несколько белых одноэтажных каменных домиков станции буквально утопают в цветах. Профессор Рао сразу же захватил в плен Николая Сергеевича, и они пустились в разговоры, непонятные нам, простым смертным, не посвященным в таинства клана кокцид. А мы вооружились сачками, которые сопровождали нас в любой — официальной или экскурсионной — поездке, и отправились к цветущим бугенвилиям. Мы приехали в Индию в сухое время года, когда листопадные растения

сбрасывают листву, а число насекомых уменьшается. Особенно сухо на равнинах. В Бангалуре, расположенном на плоскогорье, в этот период года еще довольно влажно, а насекомых больше, чем в Пуне. Очень много чудесных пестрых бабочек. Они бросаются в глаза в первую очередь благодаря своей величине. В несколько минут мы наловили полтора десятка разных видов бабочек. Особенно хороши гекторы. Эта бабочка, родственная нашему махаону, достигает в размахе крыльев 12 см.

Вечером заходим в гостиницу и ничего не можем понять: кругом иллюминация, столики в зале сдвинуты к одной стороне, от стены к стене — цветные гирлянды, флажки, приветственные плакаты, слуги особенно подтянуты, посетители особенно нарядны. Кто-то вспомнил — ведь сегодня сочельник, начало рождественских праздников, начало новогодних каникул.

А у нас завтра подъем чуть свет, завтрак всухомятку в номерах: внизу уже стоят наши неизменные «амбасадоры» с отчаянными водителями. Маршрут поездки — по внутренним районам штата Майсур; цель — знакомство с природой и памятниками древней культуры.

Дасанпур — Кунигал — Бегур — Шравана, Белгола — Хассан — Белур и обратно. До сих пор при воспоминании об этом маршруте мурашки бегают по спине — уж очень лихо наши драйверы гоняли по узеньким дорогам штата Майсур. Кажется, вот-вот врежемся в медленно катящуюся навстречу повозку. Но нет, на этот раз проскочили благополучно, правда, чуть не задели колесо телеги, но чуть-чуть и в Индии не считается. Не знаем, как у других членов экспедиции, но у авторов этой книги переживания были особенно острыми. Нам случалось общаться с орудовцами. И мы совершенно точно знали, что при такой езде и московские и ленинградские автоинспекторы даже у игроков сборной страны по футболу отбирают права за лихачество. Заметим, кстати, что, когда один-единственный раз за все время в Индии нас остановила полиция (в Бангалуре), оказалось, что это произошло не из-за претензий к водителям, а из-за неоформленного технического осмотра машин.

Мы проезжаем мимо маленьких деревень, полей, огороженных высокими изгородями из агав, бамбуковых зарослей, кокосовых пальм, молодых казуарин, посаженных несколько лет назад и теперь поднявшихся на 5—6 метров. Кое-где небольшие пруды. Незаметно мы ока-

зались в местности, напоминающей фиолетовую страну волшебницы Гингема из чудесной сказки о волшебнике Изумрудного города. Любимый цвет одежды у женщин — фиолетовый. То яркий, то блеклый, чаще светлый, с синева-тым, розоватым или голубым оттенками.

Во время одной из остановок водитель нашей машины показывает Менону жестом в сторону далеких холмов на горизонте и что-то объясняет. Всегда невозмутимый Менон заметно оживает.

— Смотрите вон на тот, правый холм,— говорит он.

Смотрим и делимся впечатлениями: заросли деревьев... какие-то здания... камни... красивые озера...

— Смотрите на самый верх! Видите?

По-прежнему ничего не видим, кроме живописных холмов, на одном из которых виднеется какой-то небольшой камень. В ответ на наши просьбы пояснить что-нибудь Менон загадочно улыбается и приглашает двигаться дальше. Проезжаем еще несколько миль, сворачиваем на дорогу к холмам. Появляются большие озера, заросшие по берегам. На мелководье замерли цапли. Останавливаемся. До холмов еще несколько километров. Но теперь уже хорошо видно: то, что мы все приняли было за возвышение на холме, имеет странно правильные формы,— ну, конечно, это огромная, превосходящая все мыслимые размеры статуя-коLOSS. Угадываемые размеры на глаз кажутся фантастическими: не то 10, не то 20, не то все 30 метров. Индийское безоблачное небо, палящее «зимнее» солнце, какая-то неправдоподобная тишина, вдруг обступившая нас на пустынном шоссе, и невиданный каменный гигант. В предчувствии чего-то необычного молча усаживаемся в машины и добираемся до подножия холма.

Поселок Шравана Белгола расположен между двумя холмами высотой метров около 200 каждый. Со стороны поселка холм со святилищем огорожен небольшой каменной оградой. Оставляем обувь в машинах и мимо арок поставленных богатыми жертвователями, в потоке людей, непрерывно идущих вверх, поднимаемся по ступеням, вырубленным прямо в теле горы. Сначала вверх, потом немного наискось лестница ведет к вершине.

Среди больших валунов, разбросанных на пологом склоне горы, растут деревья. Под многими из них расположились утомленные паломники. 500 ступенек ведут к

храму, невысокие стены которого опоясывают всю вершину. Перед входом в храм, немного поодаль от главной тропы, вырублен в скале пруд размером примерно 15×30 метров с тремя отвесными стенками и лестницей с четвертой стороны. А лестница ведет выше, мимо квадратных строений циклопической кладки, мимо небольших каменных часовенок с резными колоннами внутри. Еще 120 ступенек — и мы оказываемся внутри тесного каменного двора на вершине холма, у ног огромной темно-серой статуи, вырубленной древними мастерами из монолитной вершины. Великий Гоматешвара, буквально возникший из тела горы благодаря трудолюбию древних мастеров и религиозному рвению их правителей, смотрит прямо на север, через необъятные просторы Декана, через весь Индостан в предгорья Гималаев. Там два с половиной тысячелетия назад зародилась одна из древнейших религий мира — джайнизм.

Гоматешвара (или, как его любовно называют индусы, Гоматти) — один из 24 святых джайнов. По преданию, Гоматешвара был одним из наследников престола, но, получив в жестокой борьбе со своим братом власть, добровольно отказался от нее, преодолев силу страстей, и достиг состояния «освобождения». Джайнизм был широко распространен в Индии в первом тысячелетии нашей эры. От этого периода по всей стране остались величественные храмы. Сейчас в Индии около 1,5 млн. джайнов. Говорят, еще несколько лет назад на улицах Бомбея можно было встретить джайнов, рот которых был закрыт марлевой повязкой (чтобы не проглотить случайно какое-либо живое существо), аккуратно подметающих метлой дорогу перед собой (чтобы не раздавить случайно какое-либо существо). Мы не встречали таких правоверных джайнов, но, бесспорно, многие идеи этого учения (непричинение зла живым существам, отказ от любых форм насилия), во многом совпадающие с буддистскими взглядами, чрезвычайно широко распространены в Индии и сегодня.

И вот мы стоим перед Гоматешварой. Чтобы лучше рассмотреть фигуру, приходится немного отойти и подняться на плоскую крышу одной из храмовых построек, специально приспособленную под смотровую площадку. Отсюда видно на десятки километров вокруг. Наши головы теперь на уровне бедра Гоматти.

Обезьяна с кокосом.
Шравана Белгола, IX—XI вв. н. э.

Гигант стоит совершенно нагой на каменном цветке лотоса, у его ног возвышение, в котором, присмотревшись, можно угадать термитник с выползающими оттуда кобрами и плетями вьющихся растений, доходящих по туловищу до рук. Это единение в одной группе растений, термитов, кобр и человека символизирует, вероятно, одну из главных идей джайнов — все живое обладает душой. Этой же идее подчинены барельефные изображения слонов, обезьян и других животных, с неподражаемым мастерством и знанием их повадок высеченных на окружающих внутренний храмовый дворик стенах.

Весь храмовый комплекс с Гоматешварой закончен после пяти лет строительства в 983 г. н. э. Известно, однако, что поселок Шравана Белгола существовал задолго до этого, так как именно здесь в 300 г. до н. э. покончил жизнь самоубийством один из выдающихся деятелей древней Индии — император Чандрагупта Маурья, незадолго перед этим принявший джайнизм и отрекшийся от престола. После сооружения Гоматти регулярно, раз в 10—12 лет, десятки тысяч джайнов со всех концов Индии стекаются на торжественный праздник «омовения головы» (продолжающийся целый месяц). К этому времени строятся огромные помосты вокруг статуи, и в день, определяемый расположением звезд и светил, главные гуру* выливают на голову Гоматти сначала воду, простоквашу, молоко, потом через несколько часов гигант обливается святой водой из тысячи сосудов, и, наконец, вечером совершается главное омовение: на голову Гоматти выливается содержимое 15 последних сосудов с 15 различными субстанциями: вода, орехи, листья подорожника, пальмовый сок, топленое масло, миндаль, финики, мак, молоко, сандаловый порошок, цветы, золото, серебро и разные драгоценные камни. Легенда так объясняет возникновение праздника: после постройки статуи ее освятили, поливая молоком голову. Но никак не могли облить всю статую. Тогда появилась богиня Индра в образе старушки и дала горшок с молоком, и одного этого горшка оказалось достаточно, чтобы совершить омовение. Богиня сделала это для того, чтобы министр Чамунда Рая, по чьему повелению была сооружена эта статуя, не возгордился от того, что сумел соорудить самую боль-

---

* Буквально: «учители», «наставники».

шую, как считалось, статую на земле (рост Гоматти — 17,5 м). Последний праздник джайнов состоялся в 1960 г. и нам удалось увидеть только стоящие за спиной Гоматти раздвижные металлические леса, которые служат праздничным помостом над головой гиганта.

Восхищенные виденным, медленно спускаемся. У самых ступней статуи — ажурная металлическая изгородь, за ней небольшое святилище с цветами — приношениями паломников. Отдельно на большом медном блюде гора монет. Одетый в белое бритоголовый монах с очень умными глазами и приветливым лицом молча и торжественно окуривает благовониями подходящих паломников. Еще минуту назад мы были уверены: эта семья во главе с индийцем, одетым по-европейски, и тучной женщиной в ярком с золотом праздничном сари просто туристы. Но и муж с женой, и две девушки, очевидно студентки, и мальчик лет 13—14 подходят к монаху, молитвенно поднимают сложенные руки над головой. Он окуривает их тлеющим сандалом и даже не смотрит на несколько монет, которые они опускают на поднос.

Воспользовавшись тем, что поблизости нет паломников, подходим к ступням статуи. Монах дружелюбно глядит на нас, даже немножко позирует, когда с разных сторон начинаем фотографировать его у ног гиганта. Делаем намасте и хотим уйти, как вдруг он берет из связки несколько бананов и... протягивает их нам. Так и остался в памяти Гоматти, погруженный в вечное блаженство, и монах у его ног, одаривший нас спелыми плодами.

И снова понеслись деревни по сторонам дороги. Снова мелькают поля риса и сахарного тростника, каменные пастбища, рощи акаций и диких финиковых пальм. Точеные листья кокосовых пальм и разлапистые талипотные пальмы, жмущиеся к искусственным водоемам, и агавы, агавы, агавы. Агавы огороживают пастбища, поля сахарного тростника и просто растут где придется.

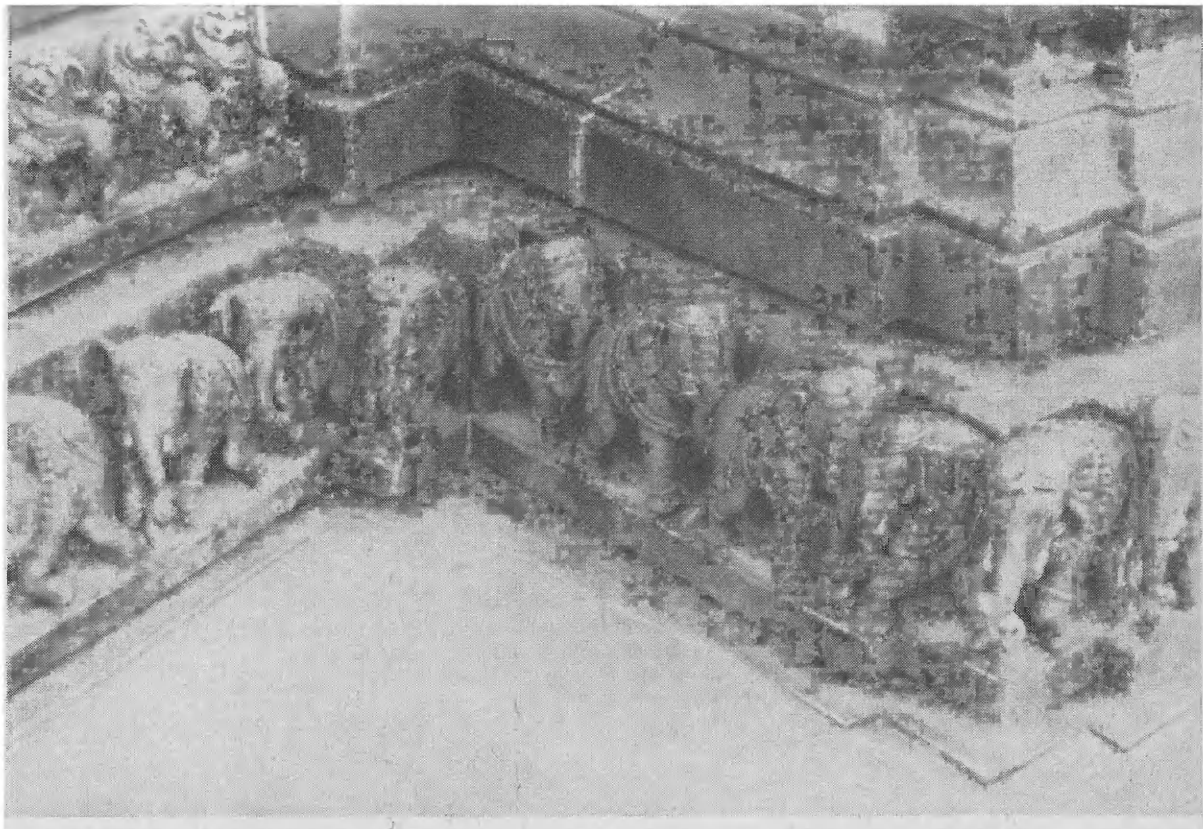
Дорога живет своей жизнью, чем-то похожей на жизнь всех дорог, чем-то очень характерной. В окрестностях Бангалура встречается много буйволов и зебу. Говорят, животноводство в этом районе развивается еще со времен Хайдара Али, который вывел породу выносливых быстроходных зебу и использовал их в своей подвижной армии. Вот на двухколесной арбе, каждое колесо которой выше нашей машины, везут нечто совершенно

необычное: огромную, метра два с половиной в диаметре медную сковороду. Зачем она нужна в хозяйстве? Судя по следам огня, в ней действительно что-то нагревают. Может быть, это оборудование для сахароварения?

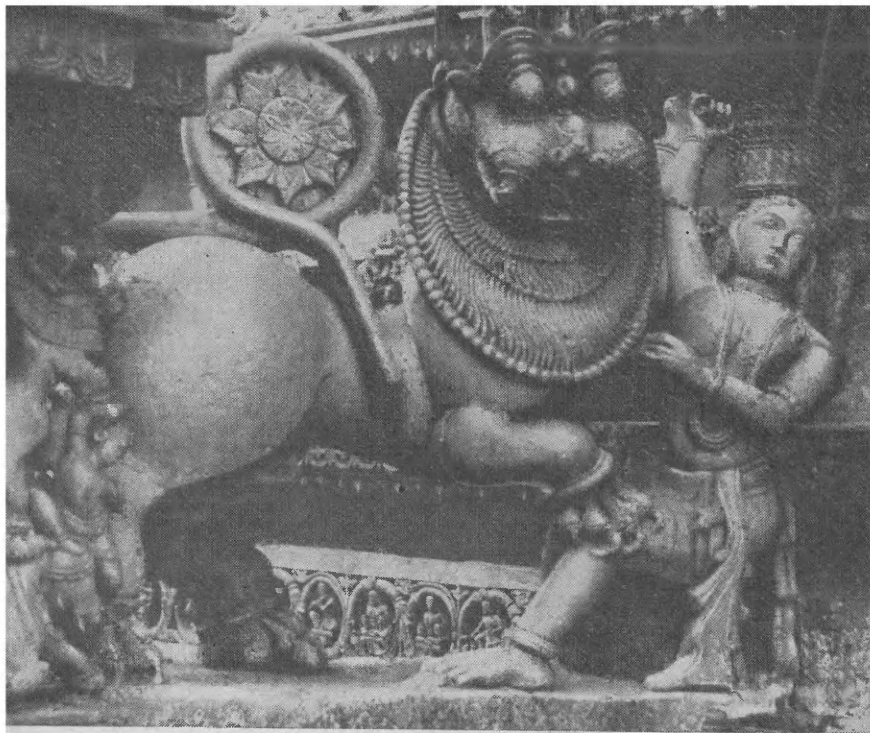
А вот на небольшой полянке аккуратно расположился целый поселок на колесах — около полусотни крытых повозок, груженных сеном и свежим сахарным тростником, стоят ровными рядами. Распряженные волю привязаны тут же. То ли выставка-ярмарка, то ли отдыхает большой караван? А вот и профессионально, так сказать, интересная для нас процессия: догоняем семейство ручных слонов, шествующих вдоль шоссе. Впереди идет большой слон с погонщиком на спине, а за ним на некотором расстоянии мягко переступают три слона поменьше. У самого маленького из них голова еще покрыта шерстью — ему года полтора, не больше. Но, видно, этот малыш отличается крутым нравом: только на нем одном надета толстая цепь, опоясывающая брюхо и связывающая правые переднюю и заднюю ноги. Промелькнула стройная молодая женщина: на голове мешок с каким-то зерном, одной рукой поддерживает младенца на левом бедре, а другой — держит за голову мальчонку лет пяти, семенящего рядом.

А вот и совсем веселое зрелище: на площади в большой деревне сооружен помост из бамбука, и на нем под оглушительный аккомпанемент мелодии, льющейся из репродуктора, танцуют парень с девушкой. Зрителей немного — человек 30—40, из них половина ребят. Над танцующими развеваются разноцветные гирлянды флажков. Такими же гирляндами украшены здания всех бензиновых колонок — сегодня Рождество, один из многочисленных в Индии официальных праздников. Ничего, что праздник христианский, тут нет различия в религиях, и веселый весенний индуистский праздник Холи так же торжественно отмечается христианами и мусульманами, как и христианское Рождество или мусульманский Бақрид. Ежегодное число общеиндийских праздников в стране установлено центральным правительством — их всего 18. Но в некоторых штатах число праздничных дней по-прежнему превышает 30 в году.

Деревни встречаются разные: то сплошь из глинобитных домов с крышами, выложенными какой-то соломой, то из сырцового кирпича с черепичной крышей.

Восьмое столетие бегут слоны.
Халебид, XII в.

Деталь храма Ченни-Кесвара.
Халебид, XII в.

Обедаем в туристском бунгало в Хасане. Наблюдаем, как по развалившемуся в густой тени баньяна буйволу прыгают три дронго и старательно выклеивают что-то на его боках. А ему и дела нет до этих птиц, лежит совершенно спокойно, не шевельнет ни хвостом, ни ухом.

В 56 километрах от статуи Гоматешвары, в Белуре, находится знаменитый храм Ченни-Кесвара, построенный в XII веке, в период расцвета империи Хойсалов. Во двор храма ведет огромный, семизэтажный гопурам*. Сам храм

* Гопурам — типичная деталь южноиндийских храмов, — представляет собой многоступенчатую башню, снизу доверху покрытую скульптурными изображениями богов, героев, мифических существ. Гопурам в переводе означает «коровий форт». В деревнях древней Индии пасшийся за околлицей скот в минуты опасности загонялся внутрь поселка через такие укрепленные ворота. Отсюда и пошла традиция храмовой архитектуры юга Индостана.

Танцовщица из группы Меданика.
Халебид, XII в.

сравнительно небольшой, но широкий, приземистый, в плане представляет сложный многоугольник, поставленный на массивное каменное основание высотой метра полтора. Все стены храма снаружи покрыты десятками тысяч скульптур. У самого основания храм опоясан тремя скульптурными ярусами: идущими друг за другом слонами, вставшими на задние лапы мифическими львами и над ними вереница скачущих всадников. Самое удивительное в том, что среди многих сотен и тысяч фигурок слонов, львов, лошадей нет и двух совершенно одинаковых. У каждой — свой поворот головы, движение лапы, изгиб хобота и т. п. Эти три яруса фигурок занимают в общей сложности около полутора метров в высоту; выше них располагаются два ряда более крупных композиций — знаменитые женские фигуры «Меданика» — сотни полуобнаженных танцующих, поющих, охотящихся или наряжающихся женщин. Нельзя не поражаться мастерству авторов этих скульптур, их тонкому пониманию материала, неподражаемой фантазии и великолепному знанию человеческого тела.

Отдельные стены храма украшены многочисленными фигурами легендарных героев «Махабхараты» и «Рамаяны» — многорукого Вишну и Ганеша — слоголового бога, отдельных воинов. Для того чтобы подробно осмотреть это удивительное собрание скульптур раннего средневековья, нужно провести здесь несколько дней. Быстро темнеет, и, надеясь лишь на чувствительность наших фотоаппаратов, пытаемся если уж не удалось рассмотреть, то хотя бы сфотографировать побольше.

Как и у Гоматешвары, в храме находится монах в оранжевой накидке и с белыми полосами на лбу. Но большинство посетителей здесь не заходят внутрь темного храма, а часами рассматривают удивительную наружную отделку.

Возвращаемся в Бангалур уже поздно вечером.

Зная, что в Бангалуре живет известный художник Святослав Николаевич Рерих, мы постарались связаться с ним. И вот однажды он приехал к нам в гостиницу. Высокий, с совершенно белой бородой и усами и высоким лбом. Всем по душе пришлась его простая и строгая манера общения и располагающие, уверенные движения. Получаем приглашение приехать к нему в гости. Это совсем недалеко от города — фактически на одной из его но-

вых окраин. После нескольких комбинаций с графиком нашего пребывания в Бангалуре решаем не ездить в Майсур, а вместо этой дальней экскурсии освободить целый день для работы в местных джунглях. Тогда вечером мы сможем отправиться в гости. И вот наши машины медленно проезжают через узкие ворота, ведущие в лес, состоящий из совершенно голых, серых, сучковатых деревьев. В глубине этого странного леса, больше всего похожего на старый яблоневый сад поздней осенью, стоит небольшой двухэтажный дом.

Святослав Николаевич и его жена — в недавнем прошлом одна из самых известных индийских киноактрис — Девика Рани Рерих — встречают нас у входа на небольшую террасу.

— Давайте сначала немного погуляем! — предлагает С. Н. Рерих и ведет нас по чистым дорожкам сада вдоль рядов этих странных голых деревьев. Нетрудно догадаться, что это и есть те знаменитые мексиканские эфирносы, которые еще отец С. Н. Рериха, Николай Константинович Рерих, много десятилетий назад вывез из Америки. Сажены хорошо прижились, и теперь сад Рерихов — единственное в Азии место, где растут эти деревья, дающие ценное сырье для парфюмерной промышленности. Весь урожай плодов, из которых и получают эфирные масла, скупается на корню, что дает возможность С. Н. Рериху заниматься любимым делом — живописью. Деревья растут на каменистом и, кажется, совершенно безжизненном красноземе. В саду много термитников, то тут, то там из почвы выглядывают большие валуны. Одна сторона сада спускается к большому искусственному озеру.

— Несколько лет назад сюда зашли 12 диких слонов, — рассказывает Святослав Николаевич. — Видно, здесь им понравилось: почти неделю они плескались в озере, ходили по лесу на том берегу, вырывали деревья и объедали у них корни. На озере вообще много живности, — продолжает наш хозяин. — Посмотрите, видите — утки?

Из огромного футляра достает он выдавший виды сильный бинокль и предлагает нам взглянуть.

— Вот говорят, страшнее кобры нет змеи. А среди местных жителей существует твердое убеждение, что кобра никогда не трогает маленьких ребят. Тут недавно

ребенок долго играл с коброй, хватал ее за хвост, и она даже не сделала попытки укусить его,— рассказывает Святослав Николаевич.

Невольно оглядываемся вокруг — нет ли змеи, ведь мы не маленькие ребята.

Выходим на открытый пригорок. Перед нами небольшая лощина и покрытый редким лесом склон соседнего холма.

— Раньше было гораздо больше животных,— жалуется С. Н. Рерих.— Особенно пострадали здешние места во время войны, когда много лесов было вырублено. В последние годы больше стало и браконьеров — ухитряются бить оленей и павлинов совсем рядом с домом. Да и город подвигается все ближе и ближе. Когда-то до Бангалура было километров 10, а теперь уже видны его окраины.

Возвращаемся к дому. Святослав Николаевич приглашает в свою мастерскую. Она помещается в отдельном одноэтажном корпусе, который мы сначала приняли за флигель. Большое прямоугольное здание с маленькими окошками под потолком и шестью сильными лампами без абажуров, освещающими ее изнутри. У дальней стены стоят два больших мольберта, слева столы с красками. Справа у стены несколько десятков картин в рамках, сложенных одна к другой.

Мастерская большая— около 200 квадратных метров. В противоположной стороне комнаты, напротив мольберта, стола с красками и картин, сделано нечто вроде кабинета: диван, кресла, много полок с книгами, старой индийской бронзой, огромный письменный стол. На столе прежде всего бросаются в глаза большие цветные кристаллы каких-то минералов, множество карандашей, ручек, книги по минералогии.

На книжных полках попадаются разные издания книг, написанных отцом Святослава Николаевича — Николаем Константиновичем Рерихом, прожившим яркую жизнь и воспитавшим немало первоклассных художников (популярный в нашей стране Рокуэл Кент — один из его учеников), Юрием Николаевичем, братом — одним из крупнейших тибетологов и востоковедов (с конца 50-х годов он жил и работал в Москве), несколько книг по философии, написанных его матерью и изданных на русском языке в Риге и на английском в Лондоне. На ни-

зеньких столиках — стопки книг по искусству, в том числе изданная в Москве в 1962 г. книга Д. В. Тер-Аванесяна «По дорогам Индии и Непала»; здесь же русское издание «Махабхараты» и другие переводы. Рассаживаемся на диване и креслах, Святослав Николаевич встает ближе к картинам, и по его сигналу два молодых индуса в белых одеждах осторожно берут картину за картиной из стоящих на полу и ставят на правый мольберт.

...Библейская сцена. Две Марии — Божья мать и Магдалина — держат снятого с распятия Христа. Вся картина черная, лишь в верхней правой части красноватый луч света, похожий на след кометы. Все три фигуры — в нижней части картины и занимают лишь незначительную часть ее. На лицах женщин выражение безграничного горя.

— Каждый день, каждую минуту на земле к кому-то приходит горе, кого-то распинают, и всегда есть близкая женщина, всегда есть мать, — поясняет художник.

Картина очень запоминается глубиной отчаяния и, может быть, даже не столько чертами изображенных лиц, сколько эмоциональным строем всего полотна.

И как бы используя создавшееся минорное настроение, художник показывает огромное полотно. Общий тон картины — интенсивно темно-синий. В правом углу на переднем плане на крутом обрыве толпа людей, с ужасом смотрящих вниз и в глубину картины, на фантастический город. Город в зареве. Заревое освещает небоскребы, мечети, готические здания. Но это зарево, идущее от огненного меча, спускающегося вертикально вниз, освещает только самую дальнюю часть города. Передняя часть — темная, мрачная, мертвая. Огненный алый меч держит в руках огромная крылатая оранжевая фигура, растворяющаяся где-то в бесконечной глубине и высоте. Атомная война? Впечатление зловещего ужаса, неизбежности гибели охватывает зрителя.

Потом были картины другие. Из множества показанных запомнилось несколько из серии «Священная флейта», посвященной «синеликому флейтисту» Кришне, одному из самых популярных аватар великого Вишну*.

* В индуистском пантеоне богов Вишну занимает одно из первых мест. Шива — бог-разрушитель, Вишну — бог-спаситель, вселяющий веру и надежду. В образе вепря разыскал Вишну на дне первоокеана Землю и поднял ее на поверхность своими клыка-

По преданию, Кришна обладал волшебной флейтой и на одной из картин он изображен пастухом под деревом.

— А как тесно связаны наш и индийский народы общностью древнего индоевропейского языка! — восклицает кто-то из нас. И разговор переходит к удивительным неосязаемым и волнующим мостикам, утверждающим кровное родство народов. Авси — овца, го — у древних индусов «корова», а у славян есть «говядина», «динам» древних индусов чем не «день» у славян? Наперебой вспоминаем многие слова, общие этим, казалось бы, далеким языкам: медвед — медведь, агнь — огонь, дума — дым, ведати — ведать, зняна — знание, басан — весна, двара — дверь, перевочак — переводчик, сахар — сахар. Дружный смех вызывает «самовар», звучащий на современном хинди точно так же, как и в русском.

Крепкими же были связи наших стран, если даже сквозь века прошло это слово «самовар», занесенное через каспийские степи с караванами купцов через подоблачные перевалы Каракорума в Кашмир.

Снова возвращаемся к искусству.

— Самое трудное в искусстве, — говорит наш хозяин, — следовать красоте. Главное в искусстве — найти и показать красоту жизни. Неравномерность развития — одна из общих характеристик искусства. Последний большой взлет — это Ренессанс. Человечество сжилось с образом Монны Лизы. Найти великое движение красоты, которое лежит в основе движения вперед всего человечества, — цель творчества. Такие находки были раньше других мест сделаны в Индии, а потом неоднократно делались и в других странах. Есть исконные течения, которым следуют по-настоящему великие художники, они эти течения чувствуют, различают, а потом человечество смотрит на их произведения веками.

— Главное, чтобы было больше мысли. Пути же искусства неисповедимы. И каким бы это трудным ни оказалось, верю, что человечество сможет найти высший синтез — между техническим прогрессом и культурой!

ми. Вепрь — это четвертая аватара (воплощение) Вишну. Другие аватары: рыба, черепаха, лев с человеческой головой, карлик, брахман Парашурама, Рама — герой «Рамаяны», Кришна — один из главных героев «Махабхараты», Будда и, наконец, в будущем — белый конь Калки. Считается, что полное отождествление Вишну с Кришной есть один из главных моментов индуистской религии.

Медленно бредем по дорожке сада. Темнеет. На веранде стоит небольшая рождественская елка. Улыбаясь, Девика Рани и Святослав Николаевич снимают с нее маленьких слоников из сандалового дерева и дарят каждому из нас...

На следующий день мы отправились с утра в Лал Багх — Красный Сад, который считается одним из крупнейших ботанических садов Индии. Он заложен Хайдар Али и расширен Типу-Султаном во второй половине XVIII века как дворцовый сад. С 1857 г. он существует как ботанический сад, но стиль дворцового сада в нем сохранился до сих пор и проявляется, в частности, в очень декоративных интерьерах, в искусно подстриженных, образующих замысловатые геометрические фигуры кустарниках. Судя по всему, этот ботанический сад служит горожанам именно как парк.

Впечатление декоративности, развлекательности усиливается и искусно сделанными фигурами, стоящими то в каменном гроте перед прудом с плавающими цветами, то у дорожки. Статуи сделаны настолько убедительно, с такими подробностями вылеплены детали их одежды и так мастерски они раскрашены, что, сталкиваясь с ними под тенистым баньяном, на крутом повороте тропинки, в густой бамбуковой роще у мостика через ручеек, невольно вздрагиваешь и долго не можешь отделаться от впечатления, что над тобой кто-то нехорошо подшутил, решив напугать.

Одна из главных достопримечательностей Лал Багха — огромная коллекция кротонных — небольших кустарничков с очень красивыми цветными листьями. В отдельной части сада, в специальных квадратных бетонных горшках ровными рядами стоят более 250 разных кротонных. Каждый из них имеет собственное имя. Есть в коллекции «Красная Кровь», «Прелесть Бангалура», «Неру», «Прасад», «Индира Ганди», «Кришна», «Дурга», «Брахмапутра», «Леопард», «Джамна», «Америка», «Япония», «Россия», «Тагор», «Тилак», «Кабир» и много, много других. Нам приятно было видеть стоящих здесь же «Юрия Гагарина», «Андрея Николаева», «Валентину Терешкову».

Как уже повелось, любой, даже самый официальный визит мы используем для сбора материала. Николай Сергеевич именно здесь нашел очередную замечатель-

ную кокциду на бамбуке («Англичане сто лет изучают кокцид на бамбуке и ничего подобного не описали!»), а мы принялись за ловлю насекомых, которых на цветах оказалось довольно много. Нечего и говорить, что немедленно нас окружила огромная толпа веселых ребят, для которых двое бородатых европейцев, размахивающих сачками в их парке,— явление достаточно редкое. Побегали мы и за стайкой макак, которая привела нас к огромной оранжерее, сверху затянутой проволочной сеткой. Но эти ловкие бестии без труда уклонились от общения с нами.

27 декабря утром отправляемся в знаменитый Институт наук Таты, который расположен в пригороде Бангалура. Несколько десятков лет назад миллионер Тата (отец) выделил огромные средства для строительства и организации этого крупнейшего в Индии научного центра. Значение проведенных институтом исследований для индийской национальной экономики трудно переоценить, так как основные работы велись в области электротехники, металлургии, геологии. Сейчас в институте, который содержится на средства штата, есть отделы физики, химии, металловедения, геологии, биологии, математики, электротехники. В биологическом отделе особое внимание уделяется биохимии, причем прикладной биохимии, связанной с фармакологией.

После краткого визита в Институт Наук поехали в полевую экскурсию в район Нанди-хиллс — «Гор Быка». На Деканском плато, в 60 километрах к северу от Бангалура, возвышаются два холма. Размеры их ощущаешь, когда, еще подъезжая, в 30 — 35 километрах видишь их в голубой дымке. Может быть, за их сходство с лежащим горбатым бычком они и получили свое название.

Местность вокруг изменилась. Меньше стало деревьев, больше безлесных, полупустынных участков. Плавно всхолмленные плато упираются то тут, то там в живописные «друзи» — скалистые вершины из гранита и гнейса. Этот район — один из самых богатых золотом на всем Индостане. Именно здесь в нескольких километрах от нашей дороги находится одна из самых глубоких в мире шахт — свыше 3 километров глубиной! В этих шахтах индийские ученые вместе с учеными других стран проводят сложнейшие эксперименты, стремясь раскрыть тайны нейтрино.

Холмы постепенно вырастают и закрывают на севере горизонт. Незаметно поднимаемся к их подножию и тут видим табличку-указатель: «Нанди-хиллс — 5 миль». Что за наваждение, ведь мы же у самого подножия горы? Но указатель, как всегда, оказывается прав, и действительно до настоящей горы еще пять миль. Обманчивы расстояния при безоблачном тропическом небе в голубеющей дымке Декана!

Поборов надежду немедленно добраться до дразнящих вершин, просим сделать остановку. С некоторым трудом перебираемся через каменную ограду, огораживающую полотно шоссе от склона холма, и... оказываемся в другом мире. В мире, где даже не слышно шума проходящих автомобилей, в мире, где на камнях под ногами греются большие зеленые агамы, в мире, где вон за той небольшой изгородью из агав только что пропорхнула такая бабочка, что у нас задрожали сачки в руках. Бросаемся за бабочкой. Вот где пригодились наши крепчайшие брезентовые штаны и тяжелая обувь — без них были бы мы все исцарапаны и изранены бесчисленными колючками, крючками, просто сухими и очень острыми травинками и кустами. Очень скоро мы обнаружили, что самое надежное и безопасное — осторожно осматриваясь, брести по сухому руслу ручья или канавы. При этом к бабочкам приближаешься как бы исподтишка и, если очень повезет, можно успеть удачно махнуть сачком. Неудачно махнуть — это не только впустую. Колючки! В наших капроновых сачках оставляли большие рваные дыры.

Вокруг песчаного сухого русла, по которому мы шли, лежали поля. Те, что под паром, заросли густой травой, сухой и в это время года, другие, видно, были недавно вспаханы. Кое-где росли небольшие, не очень густые акации. А вот на песке четкий след змеи. Уж не она ли так зашелестела в зарослях сухого кустарника?

— Ну что ж, самое интересное мы уже видели. Кажется, наверху больше живности было! Пойдем к осыпи, разберемся, почему там столько голубянок крутится над одним местом...

— Пожалуй, правильно. Да и ящерицы там интересные остались. Решено, поворачиваем вверх!

Довольные друг другом, меняем направление движения. Четкий, извилистый змеиный след на мелком

песке сухого русла ручья остается где-то позади. Вылезем на дорогу в нескольких сотнях метров от машины, вскоре после того, как доктор Менон, потеряв надежду докричаться до нас, начал отчаянно сигналить.

— Время! Время! — поторапливает он нас, но уже с явным облегчением.

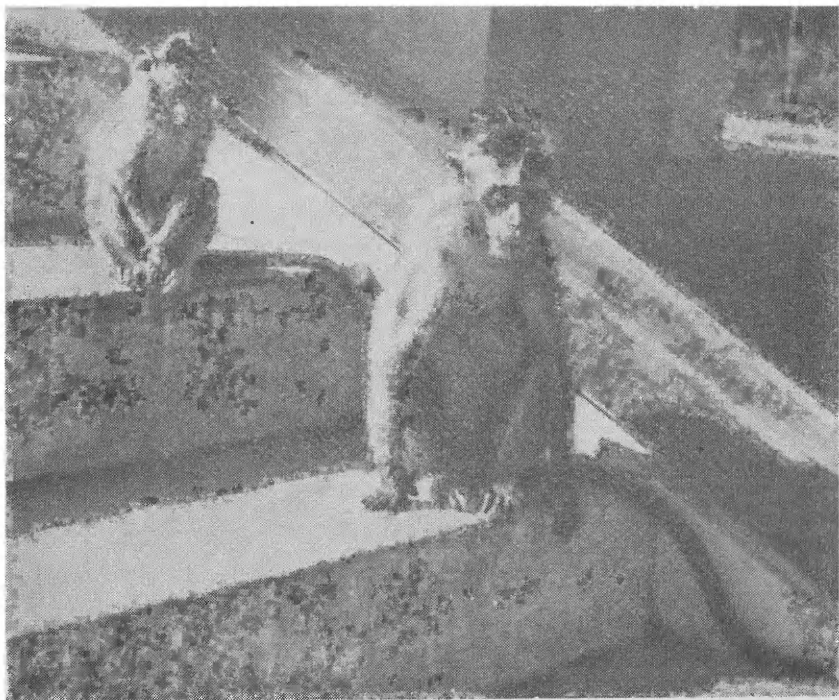
Теперь очередь за Николаем Сергеевичем. Он просто прирос к какому-то неказистому кустику среди камней, и всем становится ясно, что нет в мире силы, способной заставить его подняться с колен, пока злополучная веточка не окажется в картонной коробочке, на коробочке не будет нацарапано что-то и это «что-то» не нацарапается в большой записной книжке.

— Николай Сергеевич! Может быть, вам помочь?

— Нет-нет, я уже все сделал. А кого мы ждем собственно? Меня? Но я давно говорю...— и уже в машине: — Понимаете, друзья, в этом роде было известно только два зверя, и вот, кажется, третий, да какой! Ну и, конечно, сидел под корой. Не догадайся я ковырнуть...— Мы все понимающе поддакиваем и от души радуемся.

Оставляем машины в небольшом поселке где-то на седловине между двумя холмами. Начинаем подъем к вершине — сначала по широкой бетонной лестнице, потом по тенистой петляющей тропинке. Ближе к вершине, примерно на середине, холм опоясан невысокой, но хорошо сохранившейся крепостной стеной с многочисленными бастионами. Немного выше первого яруса стен — второй, тоже с бастионами и бойницами. Кое-где видны остатки казарменных помещений. Такой перед нами предстала некогда грозная крепость Типу-Султана. Где-то здесь над одним из отвесных склонов горы есть знаменитый «обрыв Типу», при рассказах о котором дрожали английские захватчики 180 лет назад. Наверное, как раз около этого бастиона и была укреплена та раскачивающаяся доска, по которой захваченный враг должен был пройти туда и обратно с завязанными глазами. Многие вступали на роковую доску, но молва не сохранила имени ни одного вернувшегося обратно. Если все так и было, то эти грифы и тогда могли кружить в чистом небе. Впрочем, индийские историки утверждают, что легендарная жестокость Типу была в основном созданием фантазии его злейших врагов — англичан. В памяти народа Типу — националь-

На ступенях «Обезьяньего дома»

ный герой, и ежегодно в час его смерти — вот уже скоро 170 лет — тревожный и печальный барабанный бой разносится по Серингапатаму — бывшей столице Типу-Султана.

А дорожка ведет нас мимо огромного искусственного водоема. Сверху видны рыбы стаи, появляющиеся то тут, то там у поверхности. На противоположной от нас стороне водоема обсыхают на солнышке после купания несколько человек. Поднимаемся еще немного выше и наконец добираемся до вершины холма. Здесь посреди парка возвышается «Обезьяний дом» — «Бандер-хауз» — вполне современная гостиница в европейском стиле, с несколькими огромными спальнями, кабинетами, столовыми. Такие небольшие государственные дома отдыха встречались нам и в других штатах Индии: недалеко от Мадраса — в ок-

рестностях знаменитого Махабалипурама, в Ассаме, по дороге из Шиллонга в Гаухати и в других местах. В них часто останавливаются на день-два иностранцы, совершающие по приглашению правительства поездку по стране. Через несколько дней мы прочитали в газете, что в связи с ухудшением здоровья Джавахарлала Неру правительство штата Майсур послало ему приглашение прибыть на лечение и отдых в Бандер-хауз на Нандидург.

Нам недолго пришлось удивляться названию дома. С залитой солнцем веранды мы увидели сначала только один длинный хвост, свешивающийся с балюстрады второго этажа, потом любопытную мордочку с хохолком на темени, а потом сразу несколько и больших и маленьких бандеров (так по-индийски называются макаки, вспомните бандерлогов Р. Киплинга из «Маугли»).

Обезьян здесь оказалось невиданное количество. Они всюду: на крыше, на балконах, на карнизах, на лестницах, на дорожках парка. Были среди них и старые злые самцы, и дородные мамыши, и молодые, по-детски неуклюжие (если это определение вообще уместно по отношению к обезьянам). В жизни здешних обезьян постоянно что-то происходит. Показалось даже, что здесь обитает одна организованная стая. Весть о том, что от нас можно получить по кусочку банана, мгновенно распространилась по окрестным деревьям, и скоро нас обступила целая толпа обезьян и еще вдвое больше расселось на карнизах дома и дорожках неподалеку. Банановые запасы у нас очень скоро кончились, и большая часть наших новых знакомых немедленно потеряла к нам всякий интерес. Но мы успели сделать немало хороших снимков. Это были широко распространенные на юге Индии макаки Беннета (*Macaca radiata*).

Хотя вершина Нандидург находится всего на высоте около 1400 метров над уровнем моря и, наверное, не более как на 600—700 метров возвышается над окружающим плато, отсюда видно далеко вокруг. На западе — гора Шиванаганга, а на востоке сахарной головой торчит Магади, в окрестностях которой разворачивались события, описанные Кеннетом Андерсоном в книге «Черная пантера из Шиванипали». Но главное, что поражает наблюдателя, — множество озер и прудов, поблескивающих куда ни взглянешь. Несколько часов ехали мы сюда и не видели никаких озер, а сверху равнина сверкает десятками

Термитник в окрестностях Бангалура

голубых осколков. Леса на склонах Нандидурга постепенно сменяются ровными квадратами полей, которых особенно много вокруг озер, а дальше все большую и большую площадь занимают полупустынные пастбища с редкими деревьями, зарослями кустарников, россыпями валунов.

Вспоминаются страницы справочника; только третья часть всей территории штата Майсур пригодна для сельского хозяйства. На остальной территории земледелие невозможно из-за нехватки воды. И многочисленные (оказывается, их более 37 тысяч в штате) пруды и большие каменные колодцы не в силах напоить влагой эту солнечную землю.

На обратном пути в Бангалур делаем еще одну остановку, на этот раз — недалеко от большой искусственной рощи казуарин. Это австралийское дерево, отличающееся неприхотливостью, засухоустойчивостью и хорошей древесиной. Оно сродни знаменитому «железному дереву». Сейчас казуарины широко распространены в засушливых районах полуострова Индостан. Каждый гектар казуариновых посадок способен давать более 12 тонн хорошей древесины в год. Казуарины распространяются потому, что их корневая система обладает, как и у бобовых, способностью усваивать азот атмосферы и обогащать азотистыми соединениями почву. Таким образом, после нескольких лет участки, где росли казуариновые леса, могут быть с большой эффективностью включены в сельскохозяйственный оборот.

По дороге к роще пересекаем небольшие каменистые гряды, сухие поля, пастбища со стадом лежащих зебу. Пусто, тихо, даже бабочки будто пропали куда-то. Среди кустарников на полянах стоят разнообразные по форме и величине термитники, — то монолитными неправильными холмами красной глины, то причудливо вырезанными, ни на что не похожими буграми.

Трудно поверить сначала, что эти странные, порой выше человеческого роста красные глиняные горы созданы знаменитыми «белыми муравьями», имеющими длину всего несколько миллиметров, никогда не видящими дневного света.

Как это ни странно, в музеях нашей страны нет ни одного термитника. Конечно, весь термитник нам с собой не увезти: даже маленький весит, вероятно, много десят-

ков килограммов, но привезти кусочек настоящего термитника и дома по фотографиям восстановить вид всего сооружения — дело заманчивое*.

Наконец попадаем к роще казуарин. Вечереет, солнце палит не так безжалостно, и в его мягком свете тонкие стволы деревьев, стоящих стройными рядами, зеленые иголки, заменяющие казуаринам листья,— все напоминает молодые посадки лиственниц.

В роще находим один термитник фантастической величины — высотой около 3 метров! Но вот в вершинах казуарин мелькнуло что-то голубое. Да это данаида, красивейшая дневная бабочка! А вот и еще одна такая же, а рядом с ней кружится желтая! Носимся между стволами — благо нет колючек — и размахиваем сачками. Откуда-то появляется индеец и жестами предлагает удлинить наши сачки длинными шестами из молодых стволов, лежащих на земле неподалеку. Отличная идея. Уже поймали по нескольку великолепных экземпляров желтых, голубых и черных данаид, ходим посматриваем, нет ли еще. Опять появляется уже знакомый индеец и приглашает пройти глубже в лес — в руках он держит чудесного папиллио гектора и, живописно жестикулируя, объясняет, что там их очень много. Мчимся за ним. Метров через 100—120 останавливаемся как вкопанные: между деревьями медленно порхают данаиды. Они спокойно садятся на землю, на деревья и на ветви. Мелькают красные, черные, голубые, желтые крылышки. Да их здесь сотни! Одним взмахом сачка ловим по три-четыре бабочки. Едва успеваем укладывать их в пакетики.

Странно, всего в 20—30 метрах от этого места бабочек совсем нет. Какая-то неведомая сила заставляет их кружиться именно в этой части леса, и даже наша погоня их не особенно пугает. Постепенно все же оставшиеся поднимаются повыше и спокойно усаживаются на верхних ветвях деревьев. Мы так и не узнали, чем объяснить странное поведение бабочек разных видов, собравшихся сюда именно в этот час, видимо, с большой территории. На стволах деревьев не видно было никаких повреждений и выделений, которые могли бы привлечь их. То, что собрались сюда разные виды, исключало предположение о

---

* Сейчас в Зоологическом музее в Ленинграде такой термитник есть. Он поставлен по материалам, привезенным из Индии авторами этой книги.

брачном полете. Удивляло и спокойное поведение этих крупных и обычно осторожных бабочек.

Казуариновый лес, в котором все это происходило, тянулся довольно далеко. Нам часто и до этого и после приходилось встречать такие лесные массивы. Обычно они расположены в 15—25 километрах друг от друга. В лесах больше птиц, выше влажность воздуха. Возможно, через несколько десятков лет именно таким лесам суждено будет преобразить эту землю.

Ну, а пока нет больших лесов и соответственно древесины, жители остроумно решают проблему строительных материалов. Все хозяйственные постройки возводятся из гранитных и гнейсовых плит. Вот изгородь для скота: широкие—сантиметров по 30—40, тонкие—всего 10—12 см и высокие—до 1,5 метра плахи плотно пригнаны одна к другой. Настоящая каменная стена. Вот скамейка у обочины шоссе: две массивные каменные «доски» и на них положена третья широкая гранитная «доска», метра полтора длиной. Встречаются и непонятные сооружения из каменных плит: вроде карточных домиков или будок без двух стен, высотой метра полтора-два. А вот и вполне современные сооружения—сквозь столбы из гранита пропущена в несколько рядов колючая проволока. Внутри—загон для скота. В каждом поселке, который расположен на дороге, можно найти примитивную мастерскую, где обрабатываются такие гранитные изделия: доски, столбы, балки. Кое-где встречаются и открытые разработки гранита.

Как-то вечером—мы еще жили в Бангалуре.—нас пригласили к профессору Рао на представление индийских танцев. В большой комнате без окон (такие комнаты обычны внутри индийских домов, в них днем не так жарко), у одной стены разместились мы вместе с членами семьи Рао, слева от нас—трое музыкантов: барабанщик, флейтист и скрипач. В ярко освещенном светом двух мощных фотографических ламп белом простенке появляется танцовщик. Это—профессионал специально приглашенный, чтобы продемонстрировать искусство индийского классического танца. Хорошо сложенный, красивый молодой человек лет 25, обнаженный по пояс. На нем бледно-фиолетовые шаровары с вшитым между штанинами куском материи, по виду напоминающие юбку. Она ярко-красная, сложенная гармошкой и расшита зо-

лотом. Танцор босиком. На предплечьях — красные с золотом накладки, которые удерживаются тонкими резинками. На голой груди на цепочке висят блестящие украшения, в ушах — серьги. Вокруг щиколоток босых ног браслеты с бубенцами.

Нам показывают не какое-то связное представление, а скорее демонстрируют общие принципы индийского танца. Каждое движение рук, головы, бедер, живота, губ, глаз имеет четко определенный смысл. С помощью жестов — мудра — танцовщик передает различные истории, выражает любые оттенки чувств. Канонизированных жестов существуют сотни. В системе танца катхакали только одних движений рук более пятисот! Существует около трехсот самостоятельных положений глаз и бровей! Недаром профессионалы-танцовщики обучаются искусству танца на протяжении нескольких лет. Но и зритель должен быть подготовленным: в совершенстве знать значение каждого жеста, всех его оттенков, иначе трудно во всей полноте понять и оценить игру актеров.

Вообще жест, язык жестов много значит в жизни индийца. На красочном календаре изображены мифологические сценки. Для непосвященного — это всего лишь ярко раскрашенная интересная картинка, а знающий увидит здесь и добрые пожелания и бытовые советы, символически изображенные позой или маской. В музее или в лавке старьевщика — фигура танцующего Шивы в огненном кольце — «Шива Натараджа», но мало кто знает, что жест одной из его рук обычно означает: «не бойся». А вот группа обезьян. Каждая из них изображена со своими характерными жестами, в определенной позе. «Не вижу ничего плохого, не слышу ничего плохого, не говорю ничего плохого, не делаю ничего плохого», — жестами говорят вам четыре обезьянки эпохи легендарного царя обезьян Ханумана, запечатленные резчиком по кости. Эта традиционная символика сложилась по крайней мере две — две с половиной тысячи лет назад и сейчас является важной чертой национальной культуры.

Танец, который демонстрировался нам, сопровождался игрой на двух маленьких барабанах — табла, бамбуковой флейте бансури и ситаре — нечто среднее между скрипкой и мандолиной.

Вечер заканчивается традиционным вегетарианским ужином. Мы, кажется, становимся настоящими индийца-

ми: с удовольствием едим помидоры с... сахаром. Запомнилось последнее блюдо — компот из манго, бананов, грецких орехов, перемешанных с подслащенным кокосовым соком. Сначала кажется, что можно есть и есть без конца. Но очень быстро чувствуешь себя по горло сытым.

Через несколько дней мы посетили опытное хозяйство местного ветеринарного и сельскохозяйственного колледжа. Нас очень интересовал тропический лес, в котором, как нам было известно, километрах в 30 южнее Бангалура расположена эта станция.

Недалеко от нее — железнодорожный переезд. Поезда нет, но шлагбаум не только закрыт, но и заперт на огромный висячий замок. Стоим около переезда пять, десять, пятнадцать минут. Даже доктор Менон начинает нетерпеливо поглядывать на часы. Наконец минут через 25 железнодорожник в шортиках цвета хаки и курточке такого же цвета открывает замок и пропускает нашу машину через переезд. Поезда мы так и не видели.

На территории хозяйства разбиваемся на группы: К. А. Бреев отправляется на животноводческую ферму, Е. В. Жуков и Н. С. Борхсениус — к рыбоводному пруду, а мы — в плодовый питомник. Осматриваем деревья гуав (плоды еще неспелые), ряды апельсиновых и лимонных деревьев. Лимоны на ветвях какой-то странно удлиненной формы. Нам объясняют, что это один из лучших местных сортов, самый урожайный и неприхотливый. Лимонные деревца маленькие, ниже человеческого роста, невзрачные, но действительно все усыпаны крупными плодами.

Выбираемся за ограду плодовой станции и оказываемся в настоящем тропическом лесу. Густой стеной стоят бамбуковые заросли на опушке. Нечего и думать пробраться сквозь них: бамбуковые стволы в 5—6 см в диаметре и высотой в несколько метров стоят друг от друга на расстоянии 10—15 см. А вот над лесом возвышается группа высоких зеленых и толстых стволов бамбука — это уже другой вид, в основном идущий на хозяйственные постройки.

По узкой влажной тропе, проложенной через рощу арековых пальм, выходим на берег небольшого ручья. Наконец-то можно осмотреться. По окраинам луговины растут невысокие пальмы и кустарники, потом все более и более высокие деревья. С трудом пробираемся по тропинке, ведущей вдоль ручья через заросли. Стоит только

войти в заросли, как оказываешься в узком коридоре и, хотя кругом слышишь тысячи звуков и голосов, разглядеть ничего невозможно.

Сворачиваем в сторону от ручья по тропинке и попадаем на банановую плантацию. Плантация не очень старая, много молодых растений. Бананы — не деревья, а гигантская трава, и называть их «банановой пальмой» — ошибка. Огромные, двухметровые листья, плотно прилегая друг к другу, черешками образуют пустой внутри, ложный ствол. Такой ствол иногда достигает 10 метров высоты.

Бананы — одно из самых древних культурных растений. Они настолько изменились в руках человека за несколько тысяч лет, что в диком виде нигде не встречаются. Существует несколько тысяч сортов этого вида, дающих плоды разного качества. Большое количество бананов используется как корм скоту, есть специальные «текстильные» бананы, из листьев которых получают грубое волокно. В пищу бананы употребляются не только свежие, но и жареные, вареные, сушеные; из них делают муку, консервы, сиропы, напитки. К концу нашего путешествия по Индии мы хорошо разбирались в разных сортах бананов, которые употребляют в сыром виде. Вот эти, маленькие зеленые с вяжущим вкусом хорошо утоляют жажду, а эти миниатюрные желтенькие — сладкие и ароматные. Попробовали на юге Индии мы и знаменитые сехали — красные, или королевские, бананы, очень вкусные и огромного размера.

29 декабря было воскресенье, и мы попросили еще раз свезти нас в джунгли. Святослав Николаевич Рерих рекомендовал посетить район Аники, очень характерный по природным условиям и расположенный сравнительно недалеко от Бангалура. Один из шоферов одобрил наш выбор:

— Леопарды там встречаются довольно редко, — сказал он, — а тигры — тем более.

С вечера все было приготовлено для поездки, и после завтрака, получив свой ленч «сухим пайком» в картонных коробках, мы расселись по машинам. Через полчаса сделали привал. Машины стоят в тени огромного придорожного фикуса, шоферы достали бутылки с апельсиновым соком и содовой водой, разложили брезент и наслаждаются. Приглашают и нас. Но нам не до питья.

У самой дороги на груде камней сидят ящерицы, поймать их надежды мало, но можно сфотографировать с помощью телеобъектива. Почва здесь — ярко-орнажевый краснозем. На ее фоне каждая травинка отчетливо выделяется. Вправо от дороги — тропинка. Рядом высится причудливый термитник, метра два высотой. Он весь вылеплен из краснозема. Каждая крупница составляющей его почвы пережевана, измельчена челюстями строителей. Стенки термитника очень прочные, снаружи не видно никаких отверстий. С большим трудом отламываем кусок выдающегося гребня. Внутри видны темные ходы. Обитатели их избегают дневного света и прячутся в глубине.

Невольно вспоминается прочитанное когда-то давно у Брема описание роскошной резиденции калькуттского генерал-губернатора, которая начала обваливаться, подточенная термитами. Эти насекомые способны выгрызть древесину изнутри, не трогая ее самого верхнего слоя. Поверхность дерева может выглядеть здоровой, лак на мебели может ярко блестеть, а внутри — пусто. Не ходы, не источенность, а пустота. Термиты выедают все. Известен случай, когда термиты за несколько недель начисто съели деревянные рамы картин, висевших на стене. Зоологи-систематики относят термитов к особому отряду равнокрылых, но в обиходе их часто называют «белыми муравьями». Название это дано термитам за их страсть к строительству и «общественную жизнь». От настоящих муравьев они резко отличаются и строением тела и способом превращения из личинки во взрослую форму.

Очень своеобразен процесс питания термитов. Очень немногие животные, термиты в том числе, способны усваивать клетчатку. Переваривать ее они могут лишь с помощью мельчайших одноклеточных организмов — жгутиконосцев, постоянно обитающих в кишечнике.

Поблизости от дороги виднелись остатки нескольких больших термитников. Оказалось, что местные жители используют постройки этих насекомых в качестве готовых запасов высокосортной глины для кладки очагов и в качестве связывающего материала при постройке глинобитных домов.

От термитника нас отвлекли две огромные многоножки, похожие на наших обычных кивсяков, но с небольшой сосиску величиной. Темные животные, извиваясь, медлен-

но ползли по колее, оставленной телегами еще в дождливое время. Известно, что многие тропические многоножки при раздражении выделяют капельки жидкости, содержащей синильную кислоту. Поэтому к ним приходится относиться с почтением и брать их можно только длинным пинцетом. Впрочем, именно эти крупные многоножки были, кажется, безопасны.

Вскоре все мы разбрелись в разные стороны. К. А. Бреев заметил невдалеке стадо коз и отправился к ним за наружными паразитами, Н. С. Борхсениус, как всегда, «зацепился» за куст эуфорбии. Е. В. Жуков принялся помогать ему в сборе насекомых, а мы решили осмотреть большое поле. Урожай был недавно собран, и поле было покрыто стерней какого-то злака. В километре от дороги несколько женщин, сидя на корточках, собирали с земли выпавшие зерна. По солнцепеку мы прошли не менее полутора километров и не встретили никаких интересных животных. Не было ни грызунов, ни змей, ни птиц. Только на обратном пути в сачки попало несколько пролетающих мимо небольших жуков.

Крошечная деревенька Аника расположена в узкой долине. Мы подъехали к ней по плоскогорью и начали спускаться по узкой извилистой тропинке. Хотя одеты мы были кто в кирзовые сапоги, кто в кеды и плотные холщовые брюки, сделать шаг в сторону от тропинки никто не мог, настолько густо растут там уже знакомые нам колючие кусты с выразительным названием «Подожди немного». Кое-где тропинка превращается в низкий проход со сводом из тех же колючих ветвей — звериную тропу. Человек по ним может пробираться, только согнувшись пополам. Даже имея надежное оружие, встретить на такой тропе леопарда не очень приятно.

Продолжая спуск, мы скоро очутились у нескольких каменных домиков, приютившихся на краю обрыва. Под навесом мирно беседовали три старика с длинными седыми бородами. Здесь из скалы выбивался родник и начиналась маленькая речушка. Несколько молодых женщин, стоя по колено в воде, стирали белье. Свернув каждую вещь в длинный валик, они мерно ударяли ею о большой гладкий камень. Улыбнувшись в ответ на наше приветствие, они продолжали свою работу. Здесь, ближе к воде, характер растительности изменился. Появились высокие деревья, трава стала гуще и сочнее.

Мы идем вдвоем по берегу речушки у самой воды. В каких-нибудь 200 метрах от деревни, за поворотом реки на песке появляются многочисленные следы — это олени приходили на водопой. На ветке сидит крупный синезеленый зимородок, срывается при нашем приближении, перелетает на соседнее дерево. Здесь много бабочек. К сожалению, они кружатся преимущественно у самых вершин цветущих деревьев. За сбором насекомых и поисками различных водных животных незаметно проходят два часа. Пора возвращаться; солнце уже клонится к горизонту. Обратно едем в темноте. Очень торопимся, так как нужно успеть сложить все вещи, заполнить дневники, разобрать и упаковать собранные коллекции. Завтра ранним утром мы должны вылететь в Мадрас.

ГЛАВА V

МАДРАС

Уточнение программы — Вечерний Мадрас — Черный хануман и мышинные олени — Мур-маркет — Новый год в тропиках — Что такое «теософия» — Купаться нельзя! — Паук и современная техника — Пальма тодди, или пальмира — Махабалипурам — Моллюски на пляже — Песчаные крабы — Подарок Шивы — Чудеса древних зодчих — Сельскохозяйственный год — В заповеднике Ведантангал — Олений парк. — Чем интересуются журналисты — Прием в мэрии — Улицы города

От Бангалура до Мадраса самолетом всего 50 минут. Точно по расписанию наш самолет подруливает к мадрасскому аэропорту. Мы в Мадрасе — неофициальной столице всей Южной Индии и официальной столице одноименного штата, четвертом по величине городе страны. Здесь жарче, чем в только что покинутом Бангалуре, но пока терпимо. Говорят, в Мадрасе бывают только три сезона: жаркий, более жаркий и самый жаркий. Сейчас разгар «просто жаркого» сезона: средняя месячная тем-

пература этого самого прохладного периода, который длится с декабря по февраль, +25°.

Город очень разбросан и не кажется большим, хотя в нем около двух миллионов жителей. Но сразу же замечаешь ширину главных улиц, многие дома расположены в тенистых парках. Здесь, так же как и в Бомбее, бросается в глаза большое число нищих, особенно ребятишек, которые с совершенно равнодушным выражением, давно заученными приемами срываются с места при виде иностранца и, протягивая ручонку, просят «Бакши-и-иш, бакши-и-и-ш». Иногда по-деловому: «Бакшиш, сэр!».

Как всегда, обедаем на скорую руку («Скорее, скорее! Надо ехать дальше!»), на этот раз в очень уютном кафе под названием «Эскимо», и мчимся в южное отделение Зоологической службы Индии. В небольшом двухэтажном здании трое научных сотрудников и несколько лаборантов и рабочих много делают для изучения животного мира района. Небольшие лабораторные помещения, библиотека. Конечно, времени хватает только на самое необходимое: собираются в основном материалы по той группе, по которой специализируется руководитель отделения. Однако ведется большая пропагандистская работа в школах и местных музеях.

Подробно разбираем нашу программу пребывания в Мадрасе. Нашим хозяевам хочется, чтобы мы как можно больше смогли увидеть интересного. Это полностью совпадает и с нашими стремлениями.

Но в интересах успешного проведения нашей работы в Индии количество дружеских встреч должно быть сведено до минимума. Итак, подробное знакомство с работами зоологических кафедр Мадрасского университета, затем знаменитый птичий заповедник Ведантангал... Наконец, вся неделя, отведенная сводной программой на Мадрас, расписана в деталях.

Вечером в небольшом «Эйрлай-отеле», занимающем один этаж многоэтажного дома на центральной Маунт Роуд, усаживаемся поработать.

Наконец-то есть время, чтобы привести в порядок свои впечатления, спокойно записать в дневники виденное, слышанное, переписать с кусочков бумаги и визитных карточек новые адреса, отметить, кому надо дома передать их.

Но первый вечер в Мадрасе... Трудно сидеть спокойно

в номере гостиницы, когда рядом живет незнакомый город.

Вечерний Мадрас, пожалуй, больше похож на другие виденные нами большие индийские города, чем дневной. Те же яркие цветные рекламы, та же пестрая толпа на главных улицах, те же уютные маленькие лавочки со съестным, табаком, книжками, парфюмерией. Сворачиваем в сторону набережной. Здесь, кажется, поспокойней. Вот она, знаменитая Марина, вторая по величине морская набережная мира! Широкая асфальтовая трасса тянется на 8 километров. Людей не меньше, чем в центре, даже, пожалуй, побольше. Но — меньше резкого электрического света. Здесь мы увидели, как красив тропический океан ночью. Настоящий океан, спокойный, величественный. От его мерного дыхания содрогается побережье, немолчный прибой ритмично выкладывает на прибрежный песок волну за волной. От асфальтового шоссе до берега океана полоса песка метров 200 шириной. Кое-где прямо здесь, фактически в центре города, стоят группы темных хижин. Там не видно ни огонька, ни один звук не доносится оттуда. Моряки и рыбаки Мадраса уже спят под вечный рев прибоя.

При лунном сиянии океан виден совсем рядом. Не подойти к нему невозможно. Сходим с асфальта и бредем, натываясь на какие-то бревна и хижинки. Легкий ветер бросает на нас брызги только что откатившейся волны. Какая же она огромная! Неужели это обыкновенная зыбь? Накатывающиеся на берег волны поднимаются, наверное, метра на два над ровной поверхностью моря, закрывая на какие-то мгновения весь горизонт. Невольно отступаешь на сухой песок.

А по Марине движется толпа. Рядом с морем легче дышится. На слабо освещенной набережной два ярких пятна электрического света. Небольшие прожектора освещают скульптуры. Высокий, согбенный, с большой палкой в руке, идет вперед Махатма Ганди. Эта скульптура очень популярна в Индии, и изображения ее мы видели не раз. И надо сказать, что здесь, на ночной Марине, этот босоногий человек, шествующий над головами толпы как-то очень на месте.

Другая скульптура, точнее, целая скульптурная группа — «Триумф труда». Четверо полуголых, изможденных людей в яростном порыве, в невероятном, дружном уси-

лии сбрасывают огромную, тяжелую глыбу камня в сторону моря. Чувствуется, что не просто напряженно трудятся эти люди, а в последнем отчаянном порыве они с торжеством уничтожают что-то страшное, тяжелое, навсегда уходящее.

31 декабря 1963 года. Заболел гриппом Д. В. Наумов. Значит, и в тропиках тоже можно простудиться. Наша дружная компания сегодня разбивается: Донат Владимирович лежит в номере гостиницы, остальные, кроме Е. В. Жукова, едут знакомиться с зоопарком и местными парками. Женя Жуков в самом выгодном положении: он отправляется вскрывать рыб, пойманных утром в океане и принесенных на зоологическую станцию.

Несмотря на то что зоопарк Мадраса очень старый — существует около ста лет, — его экспозиция неудачна. Виной тому, вероятно, небольшая территория, ограниченная берегами искусственного водоема. Большинство зверей сидят в тесных клетках, за густыми решетками. Да и коллекция животных не производит особенного впечатления. Много тигров, последний подарен махараджей Бароды в 1960 году, остальные — тоже подарки, но сделанные еще раньше.

Но вот, кажется, есть и кое-что интересное! В небольшой клетке сидит редкая обезьяна — нилгирский лангур-манди, или черный хануман (*Kasi johnii*). Совершенно черное тело, длинный черный хвост, черное лицо и желто-коричневая яркая голова. Особенно необычен вид этого лангура при взгляде спереди: черное лицо окружено бурым, мохнатым ореолом, из которого торчат небольшие черные уши. Говорят, что до сих пор, несмотря на безжалостное уничтожение, стада этих лангуров сохранились в горах Нилгири.

— Почему их преследуют? — переспрашивает сотрудник. — Смотрите, какой великолепный черный мех! А вкусное мясо, внутренние органы, которые используют для приготовления разных медикаментов... Чему вы удивляетесь? Охотой на диких животных занимаются многие племена в наших лесах. Слыхали вы что-нибудь о племенах курумба, тода, батага? Да вы, наверное, сами сможете познакомиться с ними и увидеть черного ханумана в горах Нилгири. Ну уж, а услышать-то наверняка его услышите, даже не вылезая из автомашины. Как забопит кто-то наверху в макушках деревьев «ху-ха,

хуу-ха, хуу», знайте, что это и будет наш черный хану-ман,— заканчивает сотрудник зоопарка.

Трудно уйти от клетки с мышинными оленями (*Moschiola memina*). Долго не могли рассмотреть их в загоне и даже предположили было, что загон пустой. Но вот зашевелилась трава в дальнем углу и какое-то существо размерами вдвое больше морской свинки шмыгнуло к кормушке. Толстенькое туловище на тонких ножках, похожее на кого угодно, только не на оленя. Да, такого в лесу и не углядишь среди травы и кустов. Высотой сантиметров 20—25, коричневатый с полосами и пятнами, мышиный олень идеально приспособлен для обитания в светлых джунглях, на травянистых склонах гор. Рогов нет ни у самцов, ни у самок. Единственная защита — быстрые ноги, проворство да пара маленьких клычков, что торчат изо рта, как у нашей кабарги. Упросили пустить нас в загон. И тут мы убедились в удивительном проворстве этого оленка. Схватить его невозможно, хотя все время кажется, что он у вас в руках. Неуловимо быстрые движения, моментальная реакция, умение ложно затаиться спасают мышиного оленя в природе. Зверь он хоть и пугливый, но очень миролюбив и добродушен. В Мадрасском зоопарке их объединили в одном загоне с морскими свинками. Кстати, морские свинки привлекают здесь, пожалуй, даже большее внимание посетителей, чем олени. Еще бы — морские свинки — жители тропической Америки, а олени живут в окрестных лесах. Эти оленки легко приручаются и хорошо живут в неволе. Жаль, что этих чудесных животных нет в наших зоопарках!

И все-таки зоопарк Мадраса — особенный. Идем по аллее. Вдруг Николай Сергеевич замер под деревом:

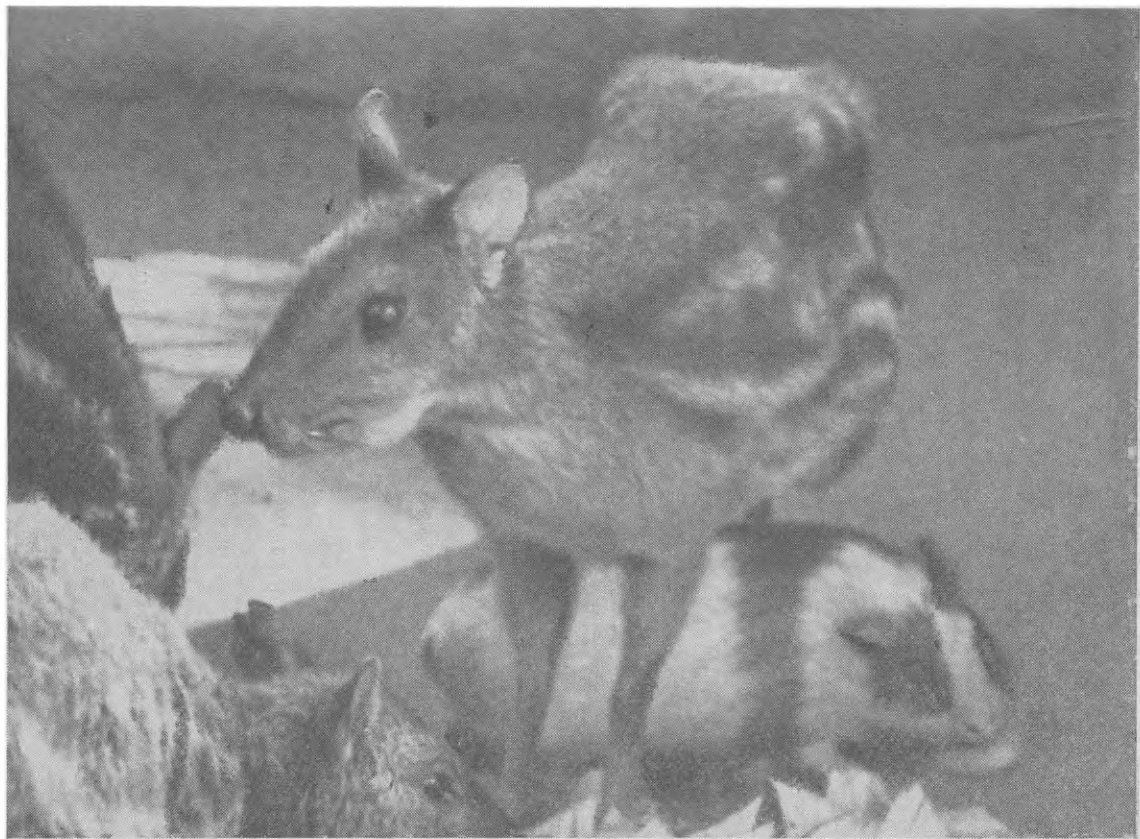
— Смотрите, хамелеон!

Мы бросились к нему, но хамелеон с быстротой, на которую он, судя по учебникам, не способен, исчез в листве. А может быть, просто так удачно переокрасился, что мы не сумели разглядеть его среди листвы?

В прудах воды почти не видно — она скрыта листьями и цветами лотоса.

В Мадрасском зоопарке очень любят животных и много с ними возятся. Нас также приглашают войти в клетку к пантере. Лежит такая огромная пестрая кошка с роскошными усами и лениво поводит хвостом. Следом за служителем влезает в клетку. Страшновато, оказывается.

У ног мышиного оленя — морская свинка

Лежит спокойно, думает о чем-то своем. Но кто ее знает, о чем? Доказав всем свою храбрость, поспешно покидаем клетку, не забыв, впрочем, сделать несколько снимков на память о редком знакомстве. Ведут в загон к носорогу.

— У нас есть великолепный маленький носорожек! — рассказывают на ходу. Он совершенно ручной и очень ласковый. Да вы сейчас сами его увидите.

Подходим к загону. Внутри нас все же не пускают, да мы и не настаиваем. Огромный, серый (рога, правда, нет — то ли спилили у самого основания, то ли не вырос еще), идет этот трехтонный броневик к служителю и, раскрыв свой неправдоподобно маленький рот, осторожно берет из рук зеленые листья. Смачно жует. Послушно подходит поближе к нам. Верхняя остроконечная губа нависает над нижней челюстью, и поэтому, когда смотришь на него спереди, создается полное впечатление огромного клюва. Очень забавно умеет поднимать верхнюю губу, обнажая желтоватые клыки и шумно сопя при этом. Он мил, спору нет, но надежная решетка в процессе общения с ним — необходима.

Осмотрев зоопарк, отправились в расположенный рядом небольшой парк искать кокцид для Николая Сергеевича. Нашли немало, но, видимо, все кокциды, что живут в мадрасских парках, уже попадались на глаза энтомологам и определены.

Идет последний день старого года. Все учреждения закрыты, куда отвезти любознательных русских? Ну, конечно, на знаменитый на всю Индию Мур-маркет. И вот мы на Мур-маркете. Большое четырехугольное одноэтажное здание. Все это — нечто вроде огромного универсального магазина, состоящего из нескольких сотен отдельных маленьких магазинчиков, расположенных в два ряда. Один ряд — магазины посolidнее и покрупнее — внутри здания, другой — на внешней стороне этого квадрата. Сплошная каменная галерея, прохладная в любое время года (ну конечно, относительно прохладная!), проходит через все магазины, объединяя их в единый рынок-маркет. Внутри всего этого строения — большая зеленая лужайка с аккуратно подстриженными деревьями — внутренний дворик вроде парка. В стороне от главного рынка с одеждой, обувью, игрушками, парфюмерией, книжными магазинами — несколько рядов с продовольствием и, что самое интересное, с живым товаром. Здесь продают

голубей, свиней, мангуст и... да ведь это лори! Настоящие таинственные лори, самые мелкие из низших обезьян, удивительные ночные создания тропической природы. С интересом их рассматриваем. Спокойно сидят в небольших проволочных клетках, с неуклюжей грацией переставляют свои длинные ноги. Ловко цепляясь за проволочки в стенках, перебираются с места на место. Мы уже видели этих зверьков в виварии кафедры зоологии Раджастханского университета в Джайпуре. И вот они продаются на рынке... Но можно ли покупать их здесь, за два месяца до возвращения на родину? Как они перенесут тяготы путешествия? Да и разрешается ли в Индии возить в поездах, самолетах маленьких обезьянок? Все это надо обстоятельно выяснить, прежде чем решиться на покупку этих созданий.

После обеда отправляемся в единственное еще открытое учреждение — в Государственный музей. В течение нескольких часов осматриваем отделы зоологии, ботаники, археологии и бронзы. Общее впечатление великолепное. Мы еще не видели в Индии столь современного музея. Очень обширная зоологическая экспозиция. Птицам отведены два больших зала, отдельные залы посвящены млекопитающим, рептилиям и амфибиям, рыбам, беспозвоночным. Отдельный зал показывает эволюцию животного мира на Земле. В этом зале подробно иллюстрируются принципы приспособления к среде обитания, принципы приобретения покровительственной окраски, дано эволюционное древо современного животного мира. Есть большой «костный зал», где расположены скелеты разных животных, от маленького скелета лягушки до полного скелета кита-финвала, подвешенного под потолком. По обилию экспонируемых китообразных мадрасский музей оказывается в ряду крупнейших музеев страны: кроме скелета финвала здесь есть голова сейвала, отдельно челюсти усатого кита, череп самки кашалота со всеми зубами в нижней челюсти, несколько дельфинов. Все эти киты добыты в разные годы в окрестностях Мадраса. Во всех залах для наглядного показа широко используются диаграммы, выполненные с большим мастерством.

Второй этаж светлого зала в новом помещении отведен специальной экспозиции для школьников, где наглядно, в объеме школьного курса, проиллюстрированы основные положения современного понимания истории

Земли, развития растительного и животного мира на ней. Несколько неожиданно эта экспозиция завершается схемой человеческого общества на Земле, многообразия человеческих рас, эволюции транспорта и великолепной коллекцией праздничных народных костюмов.

В конце экспозиции, символизируя достижения человечества, стоит действующая модель искусственного спутника Земли.

Чувствуется, что здесь стремятся убить в экспозиции «музейный дух». Музей — не собрание чудес природы, а яркий, красочный рассказ о том, какова она, эта живая природа, окружающая человека, что в ней интересного, полезного, опасного.

Вот просто оформленная витрина со скелетом голубой акулы (*Sarcharipus*), а рядом, в этой же витрине, лежит изящная отрость, сделанная из обработанных акульих позвонков.

В зале беспозвоночных большая витрина, рассказывающая об использовании лаковых червецов, которые дают ценнейший продукт — шеллак, покупаемый многими странами в Индии (интересно, что слово «лак» — индийского происхождения, и звучит оно в Индии очень похоже — «лакк»). Здесь же — подробный иллюстрированный рассказ о жизни шелковичных червей, образцы тканей из натурального шелка.

В ботаническом отделе на фоне богатства растительного мира страны всюду отмечается значение растений для хозяйственной деятельности человека. Тут и использование различных пород дерева и разные культивируемые сорта растений.

При входе в ботанический отдел вертикально стоит спил ствола огромного дерева почти 600-летнего возраста. Через каждые сто годовых слоев проведена белая полоса, а тут и там стоят точки, обозначающие те или иные события в истории Индии. Когда Васко да Гама впервые высадился на побережье Индии, дереву уже было 88 лет. Когда дереву было 230 лет, на месте современного Мадраса появился небольшой поселок с фортом. Когда дереву исполнилось 399 лет, был убит Типу-Султан. Мы не знаем, случайно ли были выбраны именно эти даты в истории страны, но смысл их ясен: пять столетий европейские захватчики рвали страну на части.

В одном из залов музея — целый ряд этнографических витрин. В живых позах стоят одетые в национальные костюмы той или иной народности Индии фигуры. Они сделаны в натуральную величину и выглядят очень естественно. «Одетые» — это относится не ко всем показываемым группам, поскольку «одежда» группы аборигенов с Андаманских островов состоит из тонкого шнура на поясе.

У женщин спереди к этому шнуру подвешен пучок кокосовых волокон.

Переходим к следующей витрине. Поляна тропического горного леса. Здесь обитает племя курумба. Низенькие люди, во многом напоминающие пигмеев Африки, с такими же большими животами, которые развиваются у них, вероятно от питания в основном растительной пищей. Говорят, именно из них выходят лучшие погонщики слонов. Из поколения в поколение передаются в этом племени тайны влияния на животных.

Курумбы — продукт великого смешения племен и народов древнеарийского потока с севера и дравидийского — с юга. Не менее замечательны и тоды Нилгири — великаны с длинными бородами и правильными чертами лица. Они — скотоводы и пасут буйволов на вершинах гор.

Эти и другие живописные группы стоят здесь уже много десятилетий: еще путешествовавший по Индии в 1911 году А. Жирмунский упоминает этот раздел музея*.

Территория, которая входит в современный штат Мадрас, известна как «Земля храмов». Здесь встречаются храмы всех эпох. Нельзя не остановиться с чувством глубокого восхищения перед частями мраморной облицовки буддийской ступы в Амаравати, построенной во II веке нашей эры. Вот они, реальные доказательства того взлета древнеиндийского искусства, о котором говорил Святослав Рерих. И в этой и в других скульптурах и рельефах, созданных 15—17 столетий назад, поражает зрелость художника, реализм и экспрессия изображений. В безмятежном спокойствии Будды — сила знания, глубина предвидения, а не отрешенность. А вот джайн из нефрита,

---

* А. Жирмунский, *Вокруг Азии. Путевые очерки, эскизы, заметки*, — «Землеведение», М., 1914, № 1—2.

может быть, прообраз гигантского Гоматешвары — стоит под сенью развернутого семилистника. В подписях под изображениями названия великих государств далекого прошлого оживают, становятся реальностью. Чола и Пандья, Паллавы и Сатаваханы — вот этим статуям тогда поклонялись, вот так раньше танцевали, а вот так ездили на слонах в празднества.

В специальном отделе музея собрана одна из лучших в мире коллекций индийских бронзовых скульптур. Здесь мы увидели знаменитого Шиву-Натараджу, пляшущего в огненном кольце, создающего мир из хаоса.

Мы покидаем зал, и десятки, сотни фигур смотрят нам вслед.

Новый, 1964 год встречали в номере гостиницы. Все рестораны в 12 часов ночи уже закрыты, и мы собрались вокруг маленького столика в одноместном номере. В достаточном количестве у нас только содовая вода. Доктор Тивари позаботился, и целый ящик был заранее доставлен в номер вместе с семью стаканами. На столе появилась единственная бутылка «столичной» и припрятанная для этого случая твердая, как камень, колбаса. Но в этот раз Новый год не получился. Может быть, не хватало запаха хвои и снега, может быть, потянуло домой... Вероятно, поэтому все вскоре разошлись по своим комнатам и улеглись спать.

Утро 1 января в Мадрасе выдалось знойным. Выйдя из тенистого холла гостиницы, мы почувствовали себя будто у раскаленной плиты. Слепящий солнечный свет, страженный от белых стен домов, мягкий уже асфальт тротуаров, безветрие. Скорее в тень! Неожиданное препятствие: дорогу перегородил калека-нищий. Трудно представить себе более изуродованного человека. Он ползет по тротуару, лежа на спине. Ноги, согнутые в коленях, как будто высохли, неподвижны. Руки без кистей, голова далеко откинута назад, темное, изможденное лицо, вытаращенные глаза. Лбом толкает перед собой коробку, в которой лежит несколько алюминиевых кружочков — жалкие гроши. Прохожие обходят несчастного, спускаясь на проезжую часть улицы. Такого мы еще не видели. Человек этот изуродован в детстве умышленно, чтобы с его помощью успешнее собирать милостыню. Это, пожалуй, один из самых страшных обычаев прошлого. Изуродованных, искалеченных детей теперь

можно встретить все реже. Закон свободной Индии строго карает за такое преступление против человечности.

Наш рабочий день начинается с посещения аквариума. На набережной среди цветников и зеленых газонов стоит маленький павильон. Это и есть аквариум. Вход в него свободный, внутри тихо, прохладно (по сравнению с улицей, конечно). Экспозиция невелика. Все рыбки пресноводные, преимущественно американского и африканского происхождения. Просто большая и довольно беспорядочная коллекция, которую можно увидеть у любителя-аквариумиста. И это около моря...

Совсем рядом с аквариумом небольшой тенистый парк теософского общества. В нем памятник Анни Безант, на протяжении многих лет после смерти Е. П. Блаватской руководившей теософским обществом. Мадрасская штаб-квартира теософов — центр этого интернационального общества мистиков, созданного нашей соотечественницей Еленой Петровной Блаватской в конце прошлого века и сейчас насчитывающего немало последователей во всех странах. Талантливый мистификатор и организатор, Е. П. Блаватская создала теософское «учение» («теософия» происходит от греческих слов «теос» — божество и «софос» — мудрость). Имя ее и ныне широко известно в Индии, а «учение» — смесь необузданной фантазии и шарлатанства — было разоблачено еще при жизни Е. П. Блаватской *. Деятельность же теософских обществ, поддерживаемая в какой-то мере постоянным интересом к «тайнам знания», содержащимся в древних рукописях Востока — Индии, Тибета, продолжается и в наше время. Справедливости ради надо сказать, что деятельность теософов привлекала внимание к древнеиндийской культуре, искусству и науке именно в тот период, когда официальная английская пропаганда стремилась доказать отсутствие в прошлом Индии крупных культурных достижений, подчеркнуть «благотворность» английского владычества над Индией. В этих условиях теософы оказались неудобными колониальной администрации Индии, подвергались преследованиям и в то же время привлекали определенную часть индийской интеллигенции, стремившейся к утверждению и распространению национальной

---

* М. Рожнова, В. Рожнов, *Посланница тибетских махатм*, — «Наука и религия», 1966, № 7, стр. 70—77.

культуры. Если к этому добавить удивительную веротерпимость индийцев, то станет понятно, почему после ликвидации английского господства деятельность теософов вновь находит поддержку, а их руководители — такие, как Безант, — получили даже официальное признание как «принесшие пользу делу роста престижа Индии».

Именем Анни Безант названы улицы в Мадрасе, Бомбее. Впрочем, как только не называются мадрасские улицы! Здесь есть и Бродвей, и Армянский переулок, и Китайский рынок, и Вечерний базар.

Изнуренные жарой, мы захотели искупаться, благо море было относительно спокойным. Сотрудник аквариума любезно согласился проводить нас к месту купания. Через пять минут мы стояли около большого прямоугольного бассейна, вырытого метрах в 20 от морского берега.

— Нет, мы хотим купаться в море!

— В море, к сожалению, купаться нельзя.

— ???

— Это запрещено городскими властями.

— Но почему же тогда можно купаться в бассейне?

— В бассейне нет акул, а в море у здешних берегов их очень много, и они очень опасны. Местные жители здесь никогда не заходят в воду.

Так мы и остались без купания, лезть в бассейн никто не решился.

Отправляемся осматривать Мадрасский университет. Доктор Менон учился здесь, и ему все хорошо знакомо. Университет совсем недалеко, здесь же на набережной. Нас встречает руководитель зоологической лаборатории профессор Г. Кришнан. Основное направление научной работы лаборатории — морская гидробиология. Ведется изучение планктона и сравнительной физиологии морских промысловых беспозвоночных. Кроме гидробиологических ведутся и широкие энтомологические исследования, причем решаются интересные современные проблемы. С одной стороны, изучается тонкая гистохимия при поражении кутикулы — покров насекомых, что оказывается важным при отыскании наиболее эффективных способов борьбы с вредными насекомыми. С другой стороны, все шире разворачиваются работы по изучению пауков.

Интерес к паукам не случаен. Во многих странах мира зоологи пристально наблюдают этих животных,

паутинные железы которых способны синтезировать высокомолекулярное прочнейшее волокно — паутину — с невиданной и недостижимой для нашей современной техники производительностью. Другая причина изучения пауков — секрет образования, состава и парализующего действия яда на нервную систему их жертв. Паучьим ядом особенно заинтересовались фармакологи, ищущие в природе все более сильные наркотические препараты.

Сейчас рождественские каникулы. В лабораториях пусто. Рассматриваем лохматых пауков в банках и слушаем объяснения профессора.

Профессор Кришнан ведет нас в подвал. Оказывается, все подвальное помещение переоборудуется для размещения морского проточного аквариума. Уже установлены насосы, компрессоры для аэрации, заканчивается проводка труб и оборудование бассейнов. В недалеком будущем в этот аквариум придут исследователи, причем станет он больше и лучше бомбейского. Морская вода у мадрасских берегов очень чистая. Следовательно, отстойники не нужны. Это значительно упрощает и удешевляет строительство и эксплуатацию. Ознакомление с проектом и планами предстоящих работ на базе нового аквариума продолжалось до обеда. По раскаленным улицам Мадраса возвращаемся в центр города и сразу ныряем в прохладный сумрак «Эскимо».

На узких хорах ресторана, где для нас уже накрыт длинный стол, жужжат вентиляторы; снизу, из маленького зала, доносятся звуки индийских мелодий — хозяин ресторана сам меняет пластинки на радиоле.

Наконец-то наступило 2 января 1964 года. Сегодня целый день проведем далеко от Мадраса — в окрестностях древней столицы Паллаво и в птичьем заповеднике Ведантангал.

Хорошая дорога ведет из города на юг, вдоль морского берега. Моря, впрочем, не видно, и только совершенно ровная местность свидетельствует о его близости. Кругом поля, поля. Большая часть их под рисом, кое-где стоят квадраты сахарного тростника в два человеческих роста. По краям полей высятся стройные пальмы тодди. Вид у них очень необычный: листья, только самые молодые, сохранились небольшим венчиком на макушке. Нижние большие развесистые листья срезают. Все

хижины крыты именно пальмовыми листьями. Кокосовых пальм почти не видно.

Пальма тодди, или пальмира (*Borassus flabellifer*), не так известна у нас, как кокосовая пальма, но ее значение в жизни населения Южной Индии очень велико, и стоит несколько более подробно сказать о ней. Это высокое, стройное растение, с темным стволом и широкими перистыми листьями, которые сидят на длинных черешках и образуют своеобразный зеленый шар, если смотришь на дерево издали. Основная ценность дерева не в плодах, а в соке. Из свежего сока после нескольких часов сбраживания получается довольно крепкий местный напиток «тодди», официально запрещенный в штате Мадрас, где сухой закон не оставляет алчущим никаких лазеек. Но главное — пальмовый сок используется для приготовления пальмового сахара, или джаггери (джаггери — искаженное санскритское «сакар»). Индийские леденцы, сделанные из сока пальмиры, были популярны в древнем мире еще 3,5—4 тысячи лет назад. Мегасфен описывает их под названием «индийский камень», а сейчас они называются «кэткэнду» или каменный сахар в отличие от обычного, тростникового. Из пальмового сока делают, или делали раньше, и настоящее пальмовое вино арак, с большим содержанием спирта. Сейчас из сока в большом количестве готовят первосортный уксус.

Сравнительно мелкие плоды пальмиры (их бывает очень много) поспевают в апреле — мае. Перед полным созреванием их можно использовать в пищу.

Превосходная древесина пальмиры служит для поделок, а из листьев делают (кроме кровли) ограды, верера и зонты от солнца, корзины и циновки. Из волокнистой части черешков листьев изготавливают веревки, щетки, грубые ткани. Молодые побеги пальмиры используются в пищу как салат, настойка из плодов пальмиры и отчасти ее сок — признанное тонизирующее лекарство, используемое также при болезни селезенки и почек.

Наш монолог о пользе пальмиры будет неполным, если не сказать еще об одной области, в которой когда-то использовались листья этого дерева. Они были наряду с листьями талипотовой пальмы главным материалом древних писцов. На них записывались религиозные гимны, мифы, велась деловая переписка. До нашего време-

Прибрежный храм. Махабалипурам, VII в. н. э.

ни сохранились древние списки с политическими, религиозными текстами, со стихами и прозой. Многим из этих документов по несколько сотен лет. Об использовании листьев пальмиры для письма говорил еще Плиний. Для того чтобы писать на листьях, их специальным образом обрезали и распрямляли. Процесс письма заключался в выдавливании букв специальными костяными, бронзовыми, серебряными или золотыми палочками. Написанный таким образом текст держится вечно и не стирается. Свернутые в трубку и запечатанные, пальмовые грамоты пересылались в древности как письма.

Вот мы и приехали в Махабалипурам — большую деревню рыбаков и крестьян, с полицейским участком, почтой, районной библиотекой, размещенной в небольшом доме вроде клуба, с двумя гостиницами на окраинах.

Этот маленький поселок на берегу Бенгальского залива известен во всем мире.

На самом берегу моря стоит величественный храм Шивы — храм Кайласанатха. В бурю его стены становятся влажными от брызг. Многоступенчатая высокая кровля храма, сделанная из резных монолитов, завершается коротким шпилем на круглом основании. Над входом в храм (фасад его обращен к побережью) сооружена башня поменьше. Входим в небольшой вымощенный каменными плитами дворик, изгородью которому служат десятки каменных бычков, лежащих один подле другого на низком постаменте. Вокруг храма и во дворике — остатки незавершенных каменных скульптур, какие-то развалины. Этот храм стоит на месте бывшего огромного порта Маммалипурама, известного всему цивилизованному миру в начале нашей эры. Об этом порте — воротах славной столицы Паллавов — писал еще Птолемей. Здесь швартовались арабские и китайские корабли. Сейчас кругом тихо и пустынно. Нет даже обычных для храмов сегодняшней Индии толп молящихся, важных и веселых монахов. Морские волны, песчаный пляж, уходящий по обе стороны от храма на сколько хватает глаз, тишина.

Стремясь побольше увидеть и хоть сколько-нибудь времени уделить животному миру этой части страны — ведь мы впервые попали на побережье Бенгальского залива, — разбиваемся на группы, чтобы потом обменяться впечатлениями. Начать хотим с моря, посмотреть, кто и как здесь живет.

Но это оказалось невозможным. Волны, одна за другой, взбирались на крутой песчаный берег, с грохотом передвигали с места на место тонны гальки и раковины. Это и есть обычный океанский накат. Мы попытались собирать моллюсков, но волна способна перевернуть и утащить в море не только человека, но и слона. А в воду попадать и здесь нельзя. Акулы в некоторых местах почему-то особенно опасны. Известно множество случаев, когда акулы нападали на сборщиков раковин в илистых бухтах Желтого моря вблизи Циндао. Хищницы на мелководье, где человеку по пояс, бросались на людей. Часто их жертвы погибали от потери крови там, где вода едва доходит до колена. Наши друзья из Института океанологии в Циндао очень опасались акул у стен сво-

его родного города. Зато на Хайнана спокойно плавали вместе с нами, хотя акул там не меньше.

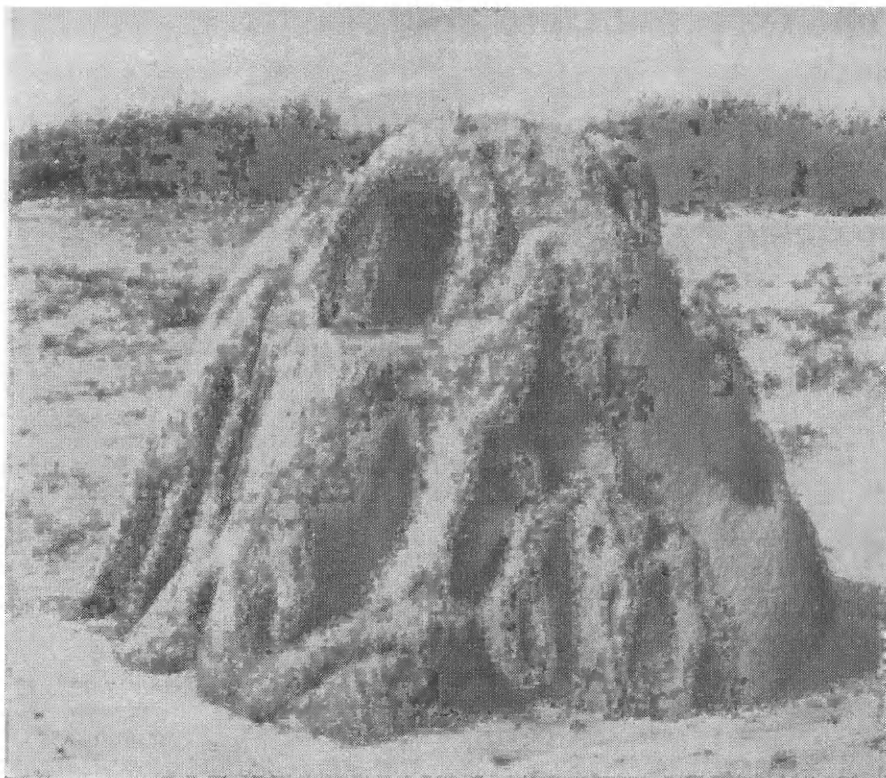
Вдвоем мы бродили по пляжу, собирая выбросы. Постоянный океанский прибой все время выбрасывает на песок различные предметы, в том числе раковины моллюсков. Они-то и составляют основную массу выбросов. Мягкий песок хорошо сохраняет хрупкие раковины, и они могут лежать неповрежденными очень долго. Лишь глянцева поверхность раковин тускнеет и стирается. Собирая выбросы, можно составить себе довольно полное и верное представление о видовом составе моллюсков, живущих вблизи пляжа и даже на значительных глубинах.

Не прошло и получаса, как два полиэтиленовых мешка оказались доверху наполненными различными раковинами, и мы принялись их разбирать. Очень много попало белых створок пластинчатожаберных моллюсков с тонкой скульптурой наружной поверхности и совершенно гладких. Отдельно на песке разложили причудливые, ярко окрашенные раковины брюхоногих моллюсков. Тут и шипатые мурексы (значит, на глубине морское дно образовано здесь илистым грунтом), и тонкие, как китайский фарфор, долиумы, и конические стромбусы. Вот высокая остроконечная турителла, а рядом с ней кубаревидная харпа с нежным палевым рисунком. Отбираем только неповрежденные экземпляры. Хорошо бы найти раковину наutilusа — этот головоногий моллюск отличается очень красивым перламутром. Кстати, раковин головоногих моллюсков мы собрали довольно много, но все они принадлежат каракатицам. Да, у каракатиц — этих подводных ракет — есть раковина. Правда, она лежит под кожей и играет не защитную, а опорную роль. Состоит она почти из чистой извести и имеет губчатое строение — сплошная массивная раковина сильно утяжелила бы животное. Легкие раковины каракатиц лежат на песке пляжа. Солнце выбелило их до снежной белизны. Раковинки эти очень хрупкие — найти совсем целую трудно. Особенно нежен пленчатый край и небольшой шипик на конце, так называемый рострум, а для зоологов нужен как раз этот рострум, по нему легче всего определить вид.

Здесь, на песчаном холме, перебирая раковины каракатиц, мы вспомнили о любителях канареек. Каждый из

них мечтает достать для своих питомиц такую раковину. Канарейки нуждаются в извести и охотнее всего выкле- вывают кусочки мягкой раковины этого моллюска. Не- ожиданно замечаем, что за нами внимательно наблюда- ет белый краб величиной с маленький кулак. Это оципо- да, прибрежный краб тропиков, роющий свои норы в песке. Оциподы очень осторожны, при малейшей опас- ности краб стремительно бросается к норе. Роют они свои жилища очень искусно, и иногда глубина их быва- ет более метра. Теперь один из этих крабов вылез из убежища и идет боком на высоко поднятых ногах. Про- бежит направо, потом немного налево, все время наблю- дая за нами. Один из нас, заметив краба, делает знак другому, тут же оципода бросается к своей норе и так же боком стремительно влезает в нее. Наружу торчат теперь только два глаза, сидящие на длинных стебель- ках. Все это напоминает действия солдата на войне. Успокоившись, оципода снова выбирается из-за укры- тия и, обойдя бруствер — у его норки есть и бруствер, — под косым углом направляется в нашу сторону. Давно известно, что поймать такого краба почти наверняка не удастся. Даже если отрезать ему путь к отступлению — спасительной норе, краб стремглав помчится к морю и, описав по пляжу широкую дугу, пропадет в набежав- шей волне. Там он станет на мелководье и выставит из воды свой «перископ». Поэтому решено вначале сделать несколько снимков и кинокадров, а лишь потом попы- таться изловить его. Извлекая камеры, мы снова спуг- нули краба, но ненадолго. Вскоре он опять дефилирует, теперь уже перед объективами. Мы застыли в ожидании, когда он подойдет поближе, и вдруг видим, что перед нами не один краб, а целая армия.

Стоило нам притаиться за бугром на несколько ми- нут, и берег ожил. Крабы снуют во всех направлениях многие подходят к нам очень близко. Но вот кончилась пленка, нужно перевернуть катушку в кинокамере — и... моментальное паническое бегство. Один из крабов бросается в ближайшую нору, но там — уже ее хозяин. Изгнанный мечется вправо и влево и вдруг скрывается из глаз, значит, нашел свободную норку. Еще несколь- ко минут мы проводим в засаде за песчаным бугром, и крабы появляются опять. Вот ближайший к нам схва- тил что-то короткой клешней, старательно жует, помогая

Слака на берегу моря с изображениями людей и животных.
Махабалипурам, IX век

себе клешнями, а глаза все время направлены в нашу сторону и покачиваются, как локаторы, на высоких стебельках. Всканиваем и гоним краба в сторону от берега, где нет ни норок, ни воды. Он заметался по песку, забежал за сухой куст и там притаился в маленькой песчаной ямке. Пытается зарыться, не получилось. Больно щиплет за пальцы, упирается длинными ногами. Чтобы сохранить краба в целости, необходимо его сперва усыпить. Если живую оциподу посадить прямо в консервирующую жидкость — спирт или формалин, он непременно отбросит несколько конечностей.

Направляемся обратно в сторону Прибрежного храма. Что же это такое? Серая каменная глыба (она полусыпана песком и, гоняясь за оциподами, мы ее не заметили) вдруг словно по волшебству обретает новые формы. Оказалось, это слон и на нем женские фигуры и контуры каких-то силуэтов, стертые временем, песком и морем. На вершине камня в круглом углублении — прямоугольное отверстие, ведущее внутрь. Заглядываем — пусто. То ли древний ваятель не окончил начатого, то ли изображения, которые здесь были поставлены, исчезли потом. Через несколько часов, осматривая великолепные тысячефигурные барельефы, мы узнали тот же почерк древних мастеров, свободно и легко снимавших «лишние» части скалы. И тогда возникали образы героев легенд, в которых ваятель увековечивал свое восприятие жизни и понимание своего места в природе. Четыре года прошло с тех пор, как мы побывали в Махабалиपुरаме, но эти неожиданно открывшиеся нам скалы на пустынном берегу моря и сегодня живы в нашей памяти.

А тогда мы отошли подальше, обернулись к этой глыбе — нет ни изображений, ни маленького храма наверху. Отсюда не видно теней в углублениях барельефов, вот и кажется скала просто серой обыкновенной глыбой. А может быть, это всевидящий Шива на наших глазах вдохнул душу в эту волшебную скалу?

Потом мы еще раз обошли Прибрежный храм и внимательно осмотрели его со стороны моря, теперь уже высматривая, кто живет в щелях между камнями. Так и есть — среди невысоких водорослей пристроились раковины моллюсков, а вот глубоко в щель забился настоящий крабик.

Подходим к большим черным валунам, наполовину скрытым водой. Здесь действительно нет такого сумасшедшего наката, как на открытом берегу, и можно без особого риска зайти в воду. И тут видим, что в самой большой скале, на ее стороне, обращенной к морю, по бокам небольшого отверстия стоят две искусно вырезанные фигурки. Пещерный храм в миниатюре! Здесь, оказывается, кругом потрудились камнерезы!

Если пойти от Прибрежного храма на запад, все дальше от моря, мимо поселка, повернуть по асфальтированной дороге на юг, то через полчаса вы попадете в

Дворцы Балъзар Саманда
Окрестности Джодхпура

Дели, Тибетский базар —
бронза, дерево, камни...

Обручение Минакши и Шивы
Мадура XVI в

У ног Гоматешвары
Шравана Белгола, Майсур

Размышления

На острове Крусадай

Фестиваль в храме Шивы,
Эрнакулам

Странствующий садху

небольшую песчаную долину, на плоском дне которой стоят пять ратх (колесниц) *. Специалисты с упоением рассказывают о проявившемся в них сочетании дравидийской архитектуры с поздним буддийским влиянием.

Четыре храма-колесницы, сделанные каждый из огромной скалы, стоят на одной прямой. Рядом еще один храм поменьше. Фигуры слона, льва и священного быка Нанди также вырублены из огромных монолитов. Каждый храм своеобразен. Первый, самый большой, пятиярусный. Этажи идут вверх уступами, и храм завершается небольшим восьмиугольным куполом. Все храмы снаружи украшены сложным скульптурным орнаментом и множеством фигур. Нет и следа того примитивизма в характеристике людей и животных, с которым мы встречаемся в изображениях такого типа. Все выполнено очень реалистично, это видно и на фотографиях Нанди и части скульптур третьей ратхи.

Поймав еще несколько крабов, упаковав нежные раковины моллюсков, возвращаемся к машинам, где наши спутники помогают Николаю Сергеевичу собирать поврежденные насекомыми веточки. В дело пущен запасной секатор, перочинные ножи, маленький топорик. Гора ветвей и ворох листьев уже лежат на заднем сиденье автомобиля. Всю дорогу до следующей остановки Николай Сергеевич будет укладывать сборы по коробкам. Вечером в гостинице все коробки будут раскрыты и поставлены для просушки перед вентилятором. Только совсем сухой гербарный материал можно упаковать для отправки в Ленинград. Но как трудно высушить мясистые тропические растения в этом влажном климате! Хорошо еще, что кокцид не надо сушить — они и так вроде сухих чешуек.

Времени остается в обрез: сегодня мы еще должны посетить заповедник Ведантангал. Но наши товарищи уже осмотрели как следует «величайший и прекраснейший в мире наскальный рельеф» (как сказано в путеводителе по Махабалипураму), и мы отправляемся к ближайшим наскальным изображениям.

---

* Первоначально, очевидно, всякий индуистский храм изображался в виде колесницы бога. От того периода у некоторых храмов сохранились по бокам огромные каменные колеса, как сохранился обычай по торжественным праздникам украшать и возить священные колесницы. Здесь же ратхи совсем не напоминают колесницы.

Тысячу лет простоял на одной ноге великий отшельник Арджуна, прежде чем богиня Ганга сжалилась над ним и сошла с небес на землю, дав жизнь и благополучие индийскому народу. В этом благородном деле принял непосредственное участие и Шива. Чтобы Ганга могла спуститься на землю, пришлось Шиве подставить свою голову с божественными кудрями. По этим кудрям и сошла Ганга на землю Индии. Ганга была прекрасна, и ревность супруги Шивы, грозной Дурги, понятна. И много еще чудес случилось и на небе и на земле благодаря великому подвижничеству отшельника Арджуны. Все эти события и запечатлены в огромном (площадью около 300 квадратных метров) наскальном изображении. Это изображение — главное, но не единственное в Махабалиपुरаме. Здесь есть и сцены, изображающие Вишну в образе Вепря, поднимающего Землю из пучин океана, и сцена боя богини Дурги с демоном Махисасурой, и много других*.

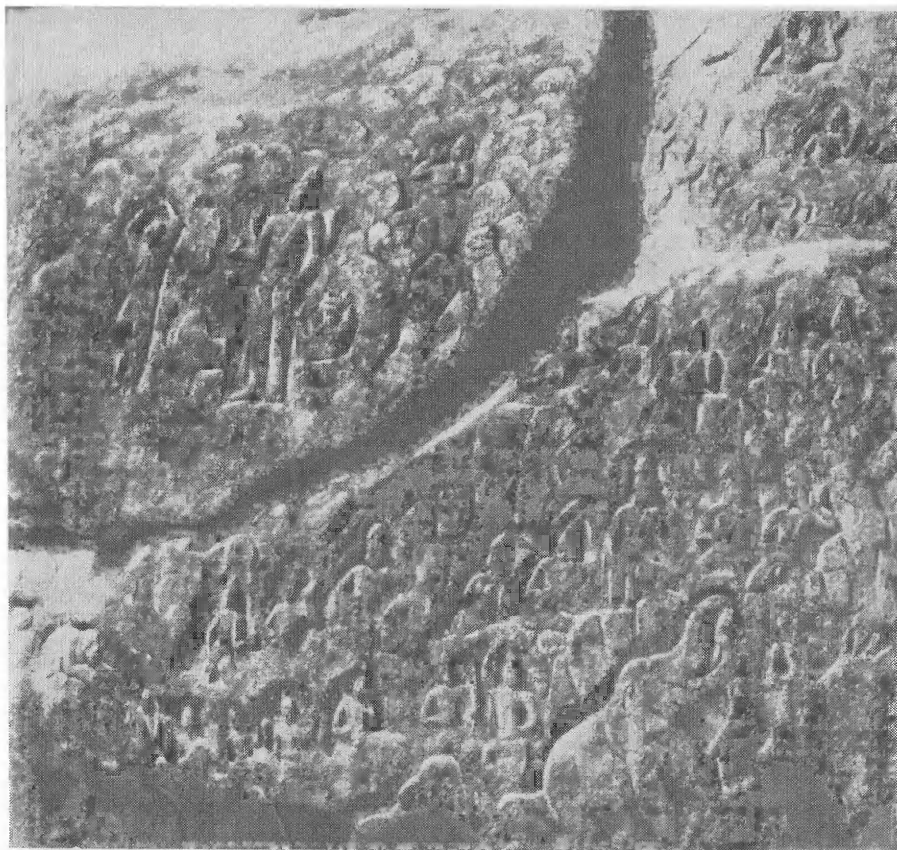
Всего в Махабалиपुरаме около сорока храмов, пещер, наскальных изображений, которые были сооружены в годы правления династии Паллавов — в IV—VIII веках нашей эры. Для одного только осмотра их надо потратить не шесть-семь часов, которыми мы располагали, а несколько дней.

Уже далеко за полдень. Обедаем в роскошном туристском бунгало (вроде Обезьяньего дома в горах Нанди) на окраине Махабалипурама в густой казуариновой роще. Здесь принято обедать за общим столом, и нам не повезло. За столом, накрытым человек на двадцать, — наша группа, молчаливая семья каких-то симпатичных индийцев (потом выяснилось, что это был министр здравоохранения Индии) и без умолку болтающая английская журналистка. Она нас извела окончательно и испортила весь обед. Каждого она принялась выспрашивать о его вкусах и интересах. Не особенно слушая наши медлительные речи, она рассказывала что-то, пока собеседник собирался с духом, но стоило надолго замолчать, как она принималась снова задавать вопросы.

— Доктор Менон, а как же заповедник? Ведь уже поздно?

---

* Ярко описаны эти барельефы в книге В. Крашенинникова, «По Декану» (М., 1963).

Часть самого большого в мире наскального рельефа Махабалипурам, VI в. н. э.

— Не беспокойтесь, друзья, все точно распланировано. Как раз время двигаться к машинам.

Дорога ведет нас в глубь Коромандельской береговой равнины. Пески, рощи казуарин, закрепляющие дюны, тут и там голые пальмы с венчиком листьев на вершинах и хижинами у основания. Постепенно к дороге подбираются рисовые поля — здесь они занимают три четверти всей обрабатываемой площади. Остальное — под баджрой (вид проса) и арахисом. Кое-где низкий кустарник. Часть рисовых полей уже убрана. Наступил

сезон тхай (январь и февраль), и через одну-две недели начнется массовая уборка основного урожая риса. В этот сухой сезон крестьяне спешат совершить паломничество, сыграть свадьбу, починить дом. Впрочем, все эти дела — только после уборки риса. С марта по май местность выглядит здесь совершенно выжженной. С июня начинают выпадать редкие дожди, и крестьяне, как к бою, готовятся к периоду дождей — это то время, о котором у нас говорят: «День год кормит». В июне — июле высеваются суходольные культуры: раги, кунжут, арахис, бобы и специальные сорта суходольного риса — кар. Все эти культуры убираются в сентябре — октябре, когда всю льют дожди. Тут-то и наступает период сева риса — самба. Урожай уберут в начале января. Таков сельскохозяйственный год у здешних жителей.

Незаметно проехали 30 километров. Дорога на Канчипурам взбирается по плавным холмам. Где-то здесь, рядом, есть храм на знаменитом во всей Индии холме Тирукаликундрам. Ежедневно в полдень на этот холм прилетают огромные чернокрылые коршуны (*Elanus caeguleus*) и берут пищу из рук монахов. По преданию, они отдыхают здесь на своем ежедневном пути от Варанаши в долине Ганга в Рамешварам — островок в начале Адамова моста (от Индии до Цейлона) *.

Не доезжая до столицы Паллаво — Канчипурама — одного из семи священных городов Индии, посещение которых обязательно для истинного паломника, — сворачиваем на боковую дорогу. Машины останавливаются на небольшой асфальтированной площадке около невысокой длинной насыпи, поросшей деревьями. Это и есть знаменитый, едва ли не самый старинный из современных индийских заповедников — птичий заповедник Ведантангал. Сто пятьдесят лет назад крестьяне окрест-

---

* На самом деле чернокрылые коршуны, так же как и другой вид, обычно встречающийся у храмов, — брахманские коршуны (*Haliastur indus*), обитают постоянно в одном и том же месте. Основная пища первых — крупные полевые насекомые, мелкие ящерицы, мышевидные грызуны. Брахманские коршуны обычно живут в местности, где достаточно воды, питаются лягушками, ящерицами, небольшими змеями и даже рыбой. На территории храмов эти коршуны действительно непугливы и позволяют приближаться к себе на 1,5—2 метра, а иногда и кормятся из рук монахов. Мы сами видели такие сцены во время посещения Джайнского святилища с Гоматешварой в штате Майсур.

ных деревень сделали эту запруду длиной в полкилометра и задержали воду после очередного муссонного периода. Образовалось неглубокое, но обширное озеро площадью свыше 30 гектаров. Тут и там из воды растут большие деревья — баррингтонии, все ветви которых стали белыми от птичьего помета. Особенно много деревьев в центре озера, там они образуют целые острова.

Но где птицы? Видим лишь несколько цапель да змеешеек, знакомых нам по Кеоладео Гхана, которые быстро отплыли при нашем появлении.

— Подождите немного,— говорит нам М. А. Бадшан, встретивший нас здесь и сопровождающий по заповеднику офицер службы охраны природы.— Скоро вы увидите нечто необычное.

Пока мы бродим по плотине, всматриваясь в деревья посредине озера, Бадшан все что-то высматривает в свой двенадцатикратный бинокль. Наконец он спешит к нам и показывает рукой вдаль:

— А ну-ка, посмотрите туда!

Поочередно смотрим в бинокль. Над рисовыми полями, ставшими мгновенно близкими и четкими, повисли какие-то темные линии или черточки. Проходит две, три минуты. В бинокль уже можно хорошо различить, как каждая такая черточка распадается на десяток стремительно летящих ибисов или молниеносных бакланов. А вот высоко в небе сразу штук двадцать колпиков. Разворот над озером, посадка на деревья в центре. Еще и еще. Бакланы и ибисы подлетают низом и скрываются в деревьях лесистых островков. Цапли и колпики идут на высоте и по-хозяйски усаживаются на ветвях. Еще 20 минут назад едва населенный, островок полон птиц. Они кругом: в воздухе, на воде и особенно на ветвях. Крик, гам. В бинокль хорошо видно, как подлетевшая стая цапель размещается на верхних ветвях сухого дерева, шумно хлопая крыльями и заставляя потесниться соседей — квакв.

— Сюда собираются птицы со всех окрестных полей на ночевку,— поясняет М. Бадшан.— Вы приехали в самое хорошее время к вечеру, когда можно видеть эти тянущиеся со всех сторон к озеру тысячные стаи птиц. И время года хорошее: в декабре — январе здесь собирается больше всего птиц. Многие цапли, бакланы, ибисы выводят здесь потомство.

— А не мешает соседство деревни существованию этого заповедника?

— Нет, что вы, наоборот. Здесь только один платный служитель, да и он, собственно, не охраняет птиц, а следит за состоянием дамбы: чтобы не размыло случайно. Охраняют птиц все жители деревни, ведь построили их предки эту дамбу не зря: птицы — гарантия их богатого урожая.

— Как так?

— Все очень просто. Птицы удобряют воду своим пометом. А вода из озера идет на поле. Больше птиц — больше удобрений попадает на поля. А почва здесь плохая, суглинки, и без удобрений хорошего урожая не получишь.

Поздно вечером дремлем в мягко несущихся к Мадрасу машинах...

Совсем рядом с Мадрасом, фактически в одном из его пригородов, расположена губернаторская резиденция. Окружающие резиденцию леса объявлены заповедными, и там же, недалеко, расположен великолепный детский парк. Было радостно оказаться в роли ребят, осматривающих этот чудесный уголок. Так же как ребята, мы с удовольствием покормили больших пятнистых сленей, которые ходят по дорожкам парка (весь детский парк обнесен проволочной изгородью). Мы вдоволь налюбовались дикобразом: он здесь потерял всю свою осторожность и злость, бегает по клетке, нисколько не боясь любопытных зрителей. Видели очень добродушного гималайского медведя и говорящих попугаев. Но больше всего нам понравились огромные малабарские белки (*Ratufa macroura*) размером со здорового кота, с красно-коричневой спинкой и беловато-серым брюхом. К ним можно зайти в клетку, и они сами мягко прыгают вам на плечо и начинают искать что-нибудь вкусненькое. Нам так и не удалось сфотографировать этих милых зверят с большущими усами и крупными, на выкате, глазами: стоило кому-нибудь поднять фотоаппарат, как одна из любопытствующих белок немедленно подбиралась к самому объективу гораздо ближе, чем нужно.

Вместе с ребятами мы с интересом листали в светлой читальне комплекты научно-популярных журналов о природе и ее обитателях, как и ребята, немножко побе-

У дороги в окрестностях Мадраса

гали по лужайкам следом за разгуливающими на свободе чернобокими оленями, посидели на берегу небольшого искусственного водоема, в котором плавают утки.

В детском парке много ребят, большинство из них — с родителями.

Этот детский парк — одно из мест, где проводит свою работу среди ребят мистер М. А. Бадшан. Но нам кажется, что не лекции или нравоучения действуют на ребят, а само по себе непринужденное общение с природой.

Детский парк — часть Оленьего парка Ганди. Это огромный участок нетронутой природы, прорезанный поперечными просеками. Территория парка громадна — 57 гектаров, и первую нашу экскурсию для общего знакомства с парком пришлось начать на автомашинах. Кругом светлый тропический лес с пальмами, лиственными деревьями, густым и колючим подлеском. Кое-где небольшие влажные низины, иногда заполненные водой, еще сохранившейся после осенних муссонных дождей.

Из машины легче, чем пешеходу, увидеть многих зверей. Позже, в предгорьях Гималаев, мы поняли еще одну простую истину — со спины слона в природе можно увидеть еще больше. Животные, видимо, не боятся человека в таком «сочетании» со зверем.

Вот совсем рядом с дорогой, в тени густого и высокого кустарника, — молодой самец пятнистого оленя. Он стоит неподвижно и не трогается с места до тех пор, пока машина не тормозит прямо напротив него, метрах в пяти. Неуловимо легкое движение — и только колеблются ветви, задетые им. Во он остановился среди кустарников, посмотрел в нашу сторону и уже помедленней, так же спокойно, скрылся.

— В этих местах водится и множество мышинных оленей, но, так как это животное в основном сумеречное, увидеть их днем можно только случайно, — рассказывает М. А. Бадшан.

Второй раз мы приехали в парк рано утром, когда низины были еще подернуты туманом. Искали-искали насекомых — нет нигде, ни на цветах, ни около, только под корой старых деревьев какие-то личинки копошатся да кокциду за кокцидой Николай Сергеевич снимает отовсюду. Но стоило подняться туману, стоило солнцу чуть-чуть пригреть, просушить очень теплый, но влаж-

ный ночной воздух, как замелькали везде бабочки. А к полудню мир ожил.

Как ни осторожно шагаешь по лесу — тебя слышат. Вспугнули несколько стад чернобоких оленей. Эти маленькие олени, хоть и пугливее пятнистых, но тоже не особенно боятся нас. Остановятся метрах в 100—150 от нас, и мирно пасутся, лишь изредка поглядывая в нашу сторону. Удалось как-то подобраться поближе к такой группе и сквозь кусты сфотографировать ее. Самое удивительное — и это мы увидели, лишь вернувшись домой и напечатав фотографии, — у каждого из них свое выражение. В зоопарке вы таких выразительных «лиц» не увидите!

В этом парке мы наблюдали образец «плодотворного сотрудничества», как бывает иногда в природе. Несколько раз нам встречались олени под большими акациями. Они подбирали и ели их огромные стручки, длиной сантиметров 20—30 каждый. Почему столько зеленых стручков — на земле? Оказывается, на вершине дерева — обезьяны. Они обрывали стручки, надкусывали, ломали и бросали их вниз. Вероятно, и обезьяны и олени уже привыкли приходить к акациям в эту пору, потому что все вокруг было усеяно остатками стручков и всюду виднелись следы маленьких копыт.

Сразу после обеда — пресс-конференция для мадрасских журналистов. Николай Сергеевич произнес краткую речь о целях нашего визита и о пользе контактов между нашими странами, а потом журналисты, которых собралось человек двадцать, задавали вопросы.

— Говорят, в Сибири нашли зверя, который пролежал миллионы лет в снегу и потом ожил, так ли это?

— Нет, не так, — отвечает Д. В. Наумов, по долгу службы стремящийся знать все о всяких диковинных зверях. — В Якутии нашли не зверя, а сибирского углозуба, тритона, да и давность пребывания его в мерзлоте вызывает сомнения. Очевидно, он просто залез в яму для зимовки.

— Почему в России до сих пор поддерживают работы академика Лысенко?

Тут уж очередь отвечать К. А. Бревева, за время жизни в Индии специализировавшегося на ответах о мичуринской биологии и Лысенко. Объясняет: у нас в стране сейчас дана возможность всем ученым доказывать свою

правоту делом, на экспериментальных полях, на животноводческих фермах; кстати, большинство биологов в нашей стране никогда не разделяли взглядов Лысенко.

— А как вам понравился наш зоопарк и детский парк, который вы посетили?

Отвечаем хором. Звери в зоопарке очень понравились, и понравилось, как за ними любовно ухаживают. Но сидят животные в тесноте, не то что в парках других городов, в которых мы побывали в Индии.

— Детский парк очень понравился, побольше бы таких парков было в окрестностях городов.

— А что вы можете сказать о нашем музее? А как вам понравился заповедник Ведантангал?

Мы только успевали удивляться расторопности и осведомленности корреспондентов.

Прямо с пресс-конференции поехали в городскую магистратуру: мэр Мадраса устроил в нашу честь прием.

В большом ярко освещенном зале были накрыты столы на сто персон. В числе приглашенных все члены магистрата, ответственные чиновники правительства штата. В аппарате городского управления оказалось довольно много женщин, некоторые занимают высокие посты в магистратуре. Мэр, седой, очень подвижный, уже немолодой человек, представил нас собравшимся и сказал несколько теплых слов о культурном сотрудничестве между Индией и СССР.

Затем выступил Николай Сергеевич Борхсениус.

Подали крепкий черный кофе, соленые орешки кешью и, что особенно приятно, мороженое. За столом завязалась очень интересная беседа. Мэр познакомил нас со своими четырьмя заместителями, которые представляют крупнейшие политические партии, в том числе и коммунистическую. Один из заместителей мэра оказался за столом рядом с нами. Нас, конечно, интересовало, легко ли работать вместе людям столь разных убеждений.

— Нам очень легко работать вместе,— сказал он,— каких бы политических воззрений ни придерживались представители отдельных партий. Магистратура города в любом составе будет решать все равно одну и ту же задачу — снабжение Мадраса водой. Мадрас задыхается от недостатка пресной воды. Город растет, в нем уже два миллиона жителей, и воды катастрофически не хватает. Пробуем даже опреснять морскую воду, но пока только

экспериментируем. Эта проблема всех нас объединяет, так как других столь же важных проблем для города не существует.

Вода, несомненно, очень нужна Мадрасу, но снабжение города свежей и чистой водой не единственная проблема, которую еще предстоит решить городской магистратуре.

В конце официальной части приема под аплодисменты мэр вручает Николаю Сергеевичу знак почетного гражданина Мадраса. Для этой церемонии мэр надевает специальную мантию и шапочку. Выяснилось, что этот наряд предназначен лишь для «малого» выхода.

После чая мэр у себя в кабинете показывает свое полное торжественное одеяние: мантия, цепь с бляхой, огромный жезл — символ власти. Делал он это с удовольствием, и мы с удовольствием слушали и рассматривали его. Расстались очень довольные друг другом.

Поздно вечером, накануне отъезда из Мадраса, занялись упаковкой багажа. Часть собранных коллекций, приобретенных и полученных в подарок книг и оттисков научных статей, часть экспедиционного снаряжения упаковываем в ящики и отправляем в Калькутту. Другую часть, которая понадобится для работы в море и на побережье, отправляем поездом в Мандапам, где мы должны быть через несколько дней. С удовлетворением смотрим на объемистые ящики: несмотря на суматошную жизнь и, кажется, вечную занятость приемами, встречами, визитами, уже собрано немало интересного. А впереди еще главные места, сулящие нам интересные сборы — морское побережье у Адамова моста, Гималаи и Ассам.

Легли далеко за полночь, а в 4.30 — подъем, так как по расписанию самолет в Коимбатур вылетает в 6.00. Неожиданную передышку получаем в аэропорту: закрыт Бангалур, через который должен лететь наш самолет, и полтора часа в нашем распоряжении. Мы уже привыкли ловить и полностью использовать эти драгоценные часы свободного времени. Вот и сейчас — все члены делегации сидят с записными книжками и дневниками: кто пишет домой, кто записывает свои мадрасские впечатления.

Невольно вспоминаем виденное раньше и сравниваем с Мадрасом. Это, конечно, своеобразный город, и он не похож на те два огромных города, которые мы уже

знаем,— ни на Дели, ни на Бомбей. В Мадрасе более спокойная жизнь, здания пониже, на улицах поменьше бездомных, но много — очень много — рикш. И настоящих беговых рикш, которые, наваливаясь грудью, тянут огромную двухколесную тележку, да иногда не с одним, а с двумя-тремя пассажирами. И велорикш, и грузовых рикш, занятых на перевозке больших и тяжелых тележек. На такой тележке навалено не меньше 3—4 тонн груза, и ведут по пять-шесть человек спереди и сзади.

В городе есть и моторикши, а на улицах часто встречаются повозки, запряженные светло-серыми горбатыми зебу. Кончики рогов у них обычно оправлены в небольшие медные наконечники. Иногда наконечник кончается маленьким блестящим шариком, иногда он украшен тонким чеканным орнаментом.

Время, однако, убирать авторучки — нас приглашают на посадку.

ГЛАВА VI

КОИМБАТУР

Снова в самолете — Лори недоволен — Сколько стоит обучение в колледже? — Сбор коллекций в лесу Марутомала — Голубые горы — Утакамунд — Плодовая станция — Муравьи-портные — Индуистский храм в горах — Лестница или молитвенник?

Через час после вылета из Мадраса садимся в Бангалуре. Аэропорт нам хорошо знаком, мы здесь уже третий раз. Идем к газетному киоску, проходим мимо смешного ярко раскрашенного гипсового человечка в чалме. С низким поклоном он любезно приглашает воспользоваться услугами Индийской авиакомпании. Эта своеобразная эмблема фирмы имеется на всех индийских аэровокзалах и даже в аэропорту Шереметьево. Доктор Менон распорядился о нашем завтраке: из Мадраса мы вылетели утром и успели выпить лишь по чашке чая с молоком. Садимся за столики на веранде.

— Какой стол вы предпочитаете — индийский или английский?

— Конечно, индийский! — храбримся мы.

На столе появляются блюда с чапати — очень вкусными жирными лепешками — и масса приправ. Конечно, мы еще не вполне освоились с местными блюдами: желтый перец — чили, который в изобилии имеется во всех приправах, жжет неимоверно.

— Доктор Менон, попросите у них поскорее «тханда пани» (холодную воду)!

Менон с сожалением смотрит на нас.

Не забыть бы оставить по банану для наших лори, купленных накануне. Они отправились сегодня в свое первое большое путешествие. При выезде из отеля на клетку был надет белый запасной мешок воздушного сачка. Это защищало зверьков от волнений, а нас — от лишних расспросов персонала аэровокзалов. Вначале лори недовольно шипели, но вскоре затихли. Теперь клетка стояла недалеко от нас рядом с грудой портфелей, сумок и фотоаппаратов, но мешок был как-то подозрительно сдвинут. Так и есть, один сбежал! Э, вот он: осторожно пробирается, согнувшись, под рядами стульев. Старается, видно, найти уголок, потемнее, ведь зверек ночной и света не любит. Долго рассуждать некогда. Маленький лори, схваченный за ногу, вонзается в палец острыми, как иголки, зубами. Повисшего на пальце лори доставили в клетку. Он сразу уселся рядом со своей подружкой и засунул голову себе между задних ног — лег спать. Так и проспали оба до Коимбатур.

Мы снова в воздухе. Курс — на юго-юго-запад, в Коимбатур. Пролетаем над гористым массивом, покрытым густым лесом. Это те самые Голубые горы — Нилгири, которые мы безуспешно пытались разглядеть с одного из холмов около дома С. Н. Рериха. Теперь они медленно плывут под нами, кроны деревьев сливаются в сплошной зеленый ковер. Поселков почти не видно. Но вот горы резко кончаются, и сразу стало видно, что они довольно высокие. Ровное, слегка всхолмленное плато покрыто множеством беспорядочно разбросанных домиков — Коимбатур.

Аэродром маленький, с одной взлетной полосой. Наш самолет — единственный на летном поле. Останавливаемся в «Инглиш Клабе» — небольшой комфортабельной

гостинице, размещенной в нескольких одноэтажных корпусах посреди сада. В ней всего около двадцати номеров, но есть поле для игры в гольф, бар, кинозал, веранды для танцев и прочих клубных развлечений. Располагаемся в удобных плетеных креслах на веранде и начинаем обсуждать с хозяевами — учеными из старейшего в Индии Сельскохозяйственного колледжа — программу нашего пребывания в районе Коимбатура. Посещение колледжа, Сахарного института, энтомологической лаборатории Лесного института, в каждый из пяти дней продолжительные полевые экскурсии, в том числе 200-километровая экскурсия в Голубые горы! Никто и не вспоминает о бессонной ночи.

Сразу же отправляемся в Коимбатурский сельскохозяйственный колледж. Он основан в 1880 году в Мадрасе, а после окончания строительства большого здания в 1909 году функционирует здесь. Вместе с ботаническим садом, опытными полями и фермами институт занимает огромную площадь — 350 гектаров. Основная цель работы института — перевод сельского хозяйства страны на научную основу. 126 научных сотрудников работают на кафедрах агрономии, генетики, патологии растений, вирусологии, энтомологии, почвоведения, садоводства, экономики сельского хозяйства. В институте ежегодно готовят 160 хлопководов, рисоводов, садоводов, специалистов по выращиванию масличных и бобовых культур.

Мы интересуемся, как организовано обучение студентов, много ли приходится им платить за учебу.

— Студент должен платить за обучение 350 рупий в год и еще 20 рупий за каждый экзамен, которых бывает по одному в году, — объясняет секретарь ученого совета.

— Но ведь это очень дорого! Значит, в вашем институте могут учиться только дети состоятельных родителей?

— Нет, что вы! Правительство штата выдает стипендии примерно половине учащихся, не говоря о том, что они освобождаются при этом от платы за учебу.

— А каковы размеры стипендии?

— Они зависят от материального положения студента и колеблются от 300 до 900 рупий в год, — терпеливо рассказывает наш сопровождающий.

Из дальнейшего разговора выясняется, что примерно треть студентов — женщины, что студенты платят за

питание по 55 рупий в месяц, что примерно 10 процентов выпускников работают в частных фирмах и столько же — в научно-исследовательских учреждениях.

Осматриваем учебные помещения, знакомимся с музеями при кафедрах. В одном из них запомнилась оригинальная ловушка для вредных полевых грызунов: на длинной палке вверху укреплен бамбуковый лук, тетива которого соединена с двумя деревянными плашками. Плашки прочно укреплены в нижней части сооружения. Если слегка тронуть приманку, лук с силой распрямляется — и зверек оказывается зажатым между крепкими дощечками. Такие ловушки легко настраиваются и могут быть быстро установлены на полях. Их можно делать либо большими — до метра высотой, либо совсем маленькими — сантиметров по 30.

После обеда, несмотря на усталость, мы отправились осматривать небольшой ботанический сад, расположенный на территории Сельскохозяйственного колледжа. Осмотр продолжался три часа, и наши коллекции пополнились несколькими великолепными сериями папиллиогектор и некоторыми другими насекомыми.

Рабочий день закончился около полуночи. Мы проявили два десятка фотопленок последних дней. Так надежней: не получилось — переснимешь, получилось — пометишь.

С утра следующего дня отправились во Всеиндийский институт сахарного тростника. В институте ведется большая работа по гибридизации и селекции тростника. В коллекциях института — сотни сортов сахарного тростника из всех стран мира. Особым успехом в этом районе страны пользуется сорт «Коимбатур-244», полученный от скрещивания пяти культурных сортов из Северной Индии и Явы с дикорастущей в окрестностях Коимбатура разновидностью.

В Индии, даже в маленьких научных учреждениях, всегда есть комнаты, занятые экспонатами, разъясняющими суть проводимых исследований. Наши коллеги всегда находят место для ярких и убедительных цветных таблиц, панно, позволяющих быстро и толково рассказать о ведущейся в институте работе. Чувствуется, что все ученые понимают важность проводимых исследований для развития народного хозяйства страны и с удовольствием рассказывают об этом.

Есть небольшой музей и в Сахарном институте. В

уголке музея пирамидка, на вершине которой находится банка с сахарным песком. Под ней надпись: «Сахар — это стопроцентная пища» и мельче — «Сравнительная ценность сахара и других пищевых веществ характеризуется ниже». А на полочках разложены разные продукты в количестве, эквивалентном по пищевой ценности этим 200 граммам сахарного песка: три буханки хлеба, восемь больших куриных яиц, килограмма три-четыре картофеля, килограммов пять-шесть разных овощей (огурцов, капусты, помидоров), примерно такое же количество фруктов, большая килограммовая банка крупы.

Мы осматривали здание института с величайшим вниманием и интересом. Под деревянными балками в длинной щели шириной 1,5—2 сантиметра тонкой палочкой выковыряли около десятка мелких летучих мышей двух видов. Остальные с писком выпорхнули из-под рук и, не пугаясь яркого солнечного света, исчезли в кронах ближайших деревьев. Пока ловили летучих мышей, упустили огромного паука. Честнее сказать, не просто упустили, а прямо-таки испугались неожиданно появившегося волосатого существа очень грозного вида и поддались панике, охватившей наших помощников — лаборантов института. Те уверяли, что укус этого паука очень опасен и болезненно переносится человеком. Пока бегали за пинцетом, паук, конечно, исчез под балкой кровли.

После раннего обеда отправляемся в первую большую загородную экскурсию. Наш путь лежит к подножию невысоких лесистых гор, с трех сторон окружающих Коимбатур, — в лес Марутомала. Кругом много хлопковых, рисовых полей, заросли сахарного тростника, рощи кокосовых пальм. У фикусов, которые стоят вдоль дорог, разлапистые листья и множество тонких и длинных воздушных корней, с «главных» веток свисают длинные «бороды».

Одежда прохожих изменилась, почти все женщины носят сари без кофточек, оставляя обнаженными одно плечо, часть спины и живота, а у пожилых женщин обнажена и грудь.

Постепенно леса обступают дорогу, правда, все это посадки, старые и молодые. Небольшой шлагбаум и несколько домиков. Здесь живут рабочие, обслуживаю-

щие водосборные бассейны, расположенные у подножия гор. Отсюда по подземному трубопроводу вода течет в Коимбатур. Отсюда начинается нетронутый, густой и очень высокий многоярусный лес. Самые высокие деревья достигают 30—40 метров (стволы их в два-три обхвата), потом идут средние ярусы — деревья диаметром около метра. Вершины их можно разглядеть только в прогалинах — по долинам ручьев либо вблизи недавно рухнувших больших деревьев. Подлесок под стать нашему обыкновенному лесу — высотой 10—15 метров, диаметром 20—30 сантиметров. Поднимаемся по долине ручья. Огибая толстые стволы и каменные завалы, пробирается едва заметная тропка. Внизу, у земли, полумрак, и поле зрения ограничено 10—15 метрами. Всюду кустарники. К счастью, колючек мало и у земли почти нет лазающих и ползающих растений. Отойдя немного в сторону от ручья, ставим линию плашек-давилок — капканчиков, рассчитанных на мелких грызунов и похожих на обыкновенные мышеловки, только побольше размером. Посмотрим, кто соблазнится здесь на приманку, многократно опробованную в лесах нашей страны, — кусочки поролоновой губки, хорошо пропитанные подсолнечным маслом.

Теперь поскорее подалее от наших ловушек: пусть встревоженное лесное население успокоится. Спускаемся вновь к бассейнам и начинаем подъем в гору по другой дороге. Хочется добраться до вершины, где, как говорят, лес становится совсем редким, много полян, солнца и насекомых. Лес действительно изменяется. Дорога идет в зеленом тоннеле — по обеим сторонам поднимается сплошная стена бамбука и каких-то тонких и высоких растений. Свернуть с дороги немислимо. Огромные деревья пропали, много солнца. Но проходим один километр, другой, третий... Все остается по-прежнему: две колеи старой дороги в красном грунте и зеленые стены справа и слева. Пришлось повернуть обратно, не добравшись до вершин: время близится к вечеру, а нам не терпится проверить капканчики.

Мы были разочарованы: за три часа ни одна из ловушек не сработала. Велик соблазн оставить здесь данилки на ночь, с тем чтобы завтра с утра приехать и снять их. Советуемся с доктором Меноном. Кажется, получается, если перенести отъезд в Утакаунд. Так и

решаем. И тут, словно в награду за наши сегодняшние неудачи, к нам в руки попадает настоящее чудо. Да-да, именно чудо, иначе трудно назвать эту фантастическую гестию — огромную серо-коричневую с темными прожилками бабочку (*Hestia lupcea*). Два крыла — как две ладони, округлые, эластичные. Откуда она взялась под кронами деревьев, на окраине поляны? Место ей — среди цветущих вершин деревьев на высоте десятков метров. Именно оттуда добывали натуралисты первых таких бабочек, и добывали совсем как птиц — стреляя по ним мелкой дробью.

А все получилось очень просто. Пока мы стояли, обсуждая детали утренней поездки, Наумов неожиданно сорвался с места и бросился за чем-то огромным и светлым, похожим на лист бумаги, мелькавшим на высоте 2—3 метров над землей. Пока мы соображали, что произошло, он с победным кличем возвращался к нам, размахивая сачком.

А когда двинулись назад и вновь остановились у домиков со шлагбаумом, то оказалось, что во время нашей экскурсии здесь рядом побывали дикие слоны. Впервые в этот день они появились часа за два до нашего приезда. Потом, когда мы ушли в горы, они вновь вышли из леса полакомиться молодыми деревцами. Мы видели эти поломанные и вытоптанные деревца. На опушке леса, на одиноком огромном дереве сделан махан — небольшая площадка, укрепленная на высоте около 10 метров над землей. Когда нам несколько часов назад говорили, что на этой площадке ночуют сторожа соседних крестьянских полей, отпугивая криками диких зверей джунглей, как-то не очень верилось. А после того как посмотрели на только что поломанные посадки, махан перестал казаться нам игрушечным.

На другое утро встаем затемно. В 6.30 уже мчимся по знакомой дороге к насосной станции. Рассветает, но еще темновато. Вчера вечером по обочинам дорог цепочки людей шли с полей и многие женщины несли на голове вязанки хвороста. Сейчас люди идут на поля и несут небольшие кувшины — глиняные, медные.

Наконец добрались до лесной тропинки.

В двух давилках были бандикуты (*Bandicota mala-bagica*), их называют еще кротовыми крысами за привычку рыть большие норы и выбрасывать землю кучка-

ми на поверхность. Нам попались не особенно большие экземпляры — длиной около 18—20 сантиметров и весом не более 250 граммов. Встречаются бандикуты весом более килограмма при длине тела до полуметра. Эти крысы с одинаковой легкостью живут и рядом с человеком в городах и в джунглях и саваннах. Их основная пища — зерно и зелень. Любят они и мягкие нежные корешки, в поисках которых роют глубокие норки.

В лесу, где стоит линия давилок, совсем пасмурно, влажно. Чувствуется, что вот-вот может пойти дождь. (Так и случилось, небольшой дождик все же зашуршал около десяти часов утра, когда мы собирались уезжать). С надеждой посматриваем на то место между деревьями, где вчера поймали гестию. Но в такую пасмурную погоду нет даже самых обычных бабочек.

После ленча отправляемся в самую дальнюю и продолжительную поездку — в Голубые горы — с ночевкой в Утакаунде. Дорога от Коимбатура к Голубым горам — очень хорошее асфальтированное шоссе. Едем быстро. Проехали мимо фабрик, мелькают сельскохозяйственные фермы. Все заняты работой в поле. Людей на улицах опрятных поселков мало. Создается впечатление, что в этой части страны люди живут несколько зажиточнее.

Начинается небольшой подъем, который становится все круче, и дорога петляет настоящим кавказским серпантинном. У подножия гор раскинулись необъятные рощи кокосовых и арековых пальм. Арековые пальмы по сравнению с кокосовыми очень миниатюрны, хотя по высоте и не уступают им. Тонкий и гладкий ствол кончается на высоте 12—17 м пышной и густой кроной.

Арековая, или бетелевая, пальма (*Areca catechu*) дает очень много небольших, величиной с яблоко, плодов. Внутри них мелкие семена. Эти семена перетираются и, смешанные с толченым порошком гашеной извести, гвоздики, табака, пряной сердцевинной одной из акаций, завертываются в виде небольших пакетиков или фунтиков в сочные листья бетеля (*Piper betel*). Все вместе называется паном и распространено по всей Индии как жевательная резинка. На улицах всегда можно видеть небольшие лотки торговцев паном, а у многих индийцев губы неестественно красного цвета от ярко-красного сока, выделяемого паном, когда его жуют. Пан обладает

некоторым тонизирующим и, вероятно, слабым наркотическим действием, и отвыкнуть от привычки постоянно жевать пан бывает очень трудно.

Дорога очень живописна. Пальмы и сандаловые деревья остались внизу, здесь — рододендроны, тик, лавр, мирт, розовое дерево. У небольших поселков места, отвоеванные у джунглей, используются для посадки банановых рощ, хлебных деревьев, грейпфрутов. Очень хочется остановиться где-нибудь, чтобы познакомиться с своеобразной природой тропического леса на высоте 1000 метров над уровнем моря, но доктор Менон торопит: мы и так задержались с выездом из Коимбатура.

Ближайшие к дороге склоны теперь покрыты не дикой, а культурной растительностью — в основном кофейными плантациями. Кофейные деревья, а лучше сказать, большие кусты, не любят прямого и яркого солнца, и поэтому растут они в тени других, более высоких деревьев. При расчистке джунглей большие деревья оставляют, и в их тени хорошо развиваются кофейные кусты. Поднимаемся еще выше, становится прохладнее. Лес здесь реже, появляются открытые поляны. Все вокруг занято бескрайними чайными плантациями. По индийскому климату чай — холодолюбивая культура, которая может успешно развиваться только в горах. Этот район — один из важнейших в чайной промышленности Индии. Видим, как работницы хлопчут на плантациях, вдали там и тут разбросаны низкие приземистые здания, вроде жестяных сараев — небольшие фабрики по первичной обработке чайного листа.

Высота — около 2000 метров над уровнем моря. Похолодало, и гораздо меньше стало бабочек. На высоте 500—1000 м насекомых было очень много, особенно дневных бабочек.

Через 80 километров от Коимбатура — Кунур — небольшой курортный городок, живописно раскинувшийся на террасированных безлесных склонах Голубых гор. Кругом на полях растет картошка, пшеница, ячмень. Необычны на вид австралийские эвкалипты, широко распространенные здесь на местах вырубок. У них совершенно гладкие светло-серые стволы и крона, не дающая тени (все листочки повернуты ребром к солнцу).

Еще несколько поворотов — и Утакамунд, или, как его здесь все коротко называют, Ути. Этот город был ос-

нован 150 лет назад англичанами, спасавшимися от невыносимой для них тропической жары. Температура здесь в самое жаркое время года не поднимается выше 25°C, опускаясь зимой до +7°C. Ути — типичный курортный городок, с апреля по июнь самый веселый курорт в Индии. Сейчас большинство магазинов закрыто. Пустуют теннисные корты и ипподром. Сразу же отправляемся в ботанический сад. Здесь на каждом шагу чувствуется английское влияние — декоративные дорожки, посыпанные красным песком, подстриженные газоны. Сад заложен в середине прошлого века экспертами из известного лондонского Кью Гарден. Сюда свезено более 1500 различных видов растений из всех бывших английских владений. В саду, в гостинице, где мы остановились, — пусто. Сейчас самый холодный месяц года, и жителей в городе мало. Ставим линию давилок в глухом уголке ботанического сада, где, как нам рассказали местные работники, встречается особенно много бандикут, повреждающих корни растений, и с удовольствием затапливаем предусмотрительно приготовленные в номерах камины. Холодно.

Совсем вечером, когда стемнело, отправляемся в город. Пожалуй, нигде в Индии ни до, ни после мы не видели такого количества посудных магазинов, битком набитых ярко сияющими в электрическом свете россыпями, шеренгами, горами и гирляндами начищенных медных, латунных, алюминиевых и жестяных кастрюль, бидонов, мисок, сосудов и сосудовиков.

Утром оказалось, что в наши давилки попались лишь три землеройки и ни одной бандикуты, причем землеройки были наполовину съедены оставшимися на свободе. Мы не рассчитывали на такую добычу и не проверяли ночью капканов — и вот результат.

Договариваемся разделиться. Доктор Менон, сопровождающий нас энтомолог доктор Дэйвисон из Коимбатура и К. А. Бреев отправляются в Пастеровский институт и большой ветеринарный госпиталь. Мы вчетвером на другой машине медленно двигаемся вниз по вчерашней дороге, с остановками через каждые 10—15 километров для сбора коллекций и наблюдений. Встреча назначена внизу, у подножия Голубых гор, на территории опытной плодовой станции, дорогу на которую мы видели вчера, проезжая мимо.

Все сложилось как нельзя лучше. Мы успели сделать четыре или пять остановок по 30—50 минут каждая, побродить по склонам Голубых гор в разных природных зонах, увидеть и услышать знаменитых нилгирийских лангуров, черных хануманов, о которых уже слышали в Мадрасе.

В окрестностях Ути и Кунура в лесах по склонам гор и «шолах» — лесистых долинах — сохранилось много диких млекопитающих, слонов, пантер, пятнистых, лающих и мышинных оленей, встречаются тигры, кабаны и гиены. Но никого из этих животных мы не видели, так же как не пришлось нам встретиться и с интересными местными племенами охотников и скотоводов — тогда, мигна, кота; некоторые из них до сих пор живут, устраивая жилища на деревьях и охотясь с помощью лука на крупных зверей*.

Наконец попадаем на небольшую опытную плодовую станцию. Каких только растений здесь нет! И авокадо, и знаменитый мангустан — «король плодовых», и хлебное дерево (джакфрут) с висящими у самого ствола крупными — величиной с дыню — пупырчатыми плодами. Нас угощают соком только что сорванного кокосового ореха. Тут-то мы почувствовали, как хорошо освежает его сок в жару. Предлагают попробовать разные сорта бананов, увесистые гроздья которых быстро принесли из сада. Станция славится гостеприимством. Вспоминаем только что прочитанный рассказ Д. В. Тер-Аванесяна о том, как ему через полчаса пребывания на станции «стало трудно дышать от съеденного и выпитого», и, от души поблагодарив радушных хозяев станции, отправляемся в экскурсию по ее окрестностям. На окраине станции растут несколько великолепных экземпляров баньянов. Их воздушные корни, отходящие от ветвей на высоте 10—15 метров, серыми нитями спускаются почти к самой земле. Каждая «нить» толщиной 2—4 сантиметра, а не достают они до земли потому, что их регулярно подрезают. Если этого не делать, воздушные корни превратятся в стволы.

---

* Наша соотечественница Л. В. Шапошникова в 1963—1964 гг. провела несколько месяцев в горах Нилгири, изучая жизнь и быт племени тогда, в котором теперь осталось всего несколько сотен человек. Ее увлекательный рассказ об этом племени помещен в журнале «Вокруг света» (1966, № 11).

Попробовали покачаться на этих «гигантских шагах» — корни оказались очень крепкими, небольшой пучок их вполне выдерживает тяжесть человека.

Недалеко от этих качелей, на листьях лимонного дерева, мы увидели то, что давно уже хотели найти в лесах страны, — гнездо древесных муравьев (*Oecophylla smaragdina*), сшитое из нескольких листьев. Три листа, плотных, зеленых, растущих на одной ветке, сложены краями таким образом, что между ними образовалось пространство с пригоршню размером. Листья не просто сложены, а прочно скреплены по самым краям. Хозяева — светлые муравьи, на длинных тонких ножках, с высоко поднятым брюшком и с очень длинными усиками-антеннами. Несколько муравьев стояли по краю одного листа, а другие — в том же ряду на противоположном листе. Чтобы «сшить» листья, и те и другие должны крепко схватить челюстями края противоположных листьев и притянуть их друг к другу. В это время изнутри другие муравьи нанесут выделяемый личинками клей на оба листа. Клей быстро затвердеет, и прочный шов готов. На некоторых деревьях буквально все листья бывают использованы муравьями для строительства своих жилищ. Вероятно, дерево от этого не особенно страдает, так как листья — стенки муравьиного дома — остаются все время живыми и не засыхают.

Вечером на шоссе уже знакомая картина: от лесов и рощ к деревням тянутся цепочки крестьян, несущих на голове связки хвороста, сухие пальмовые листья, охапки травы. Так они пройдут много километров. С некоторыми рядом бредут две-три козы, связанные одной веревкой, или корова.

Нам казалось, что мы хорошо знаем теперь окрестности Коимбатура или во всяком случае знакомы со всеми основными типами естественных и культурных ландшафтов этой части страны. Как выяснилось, мы ошиблись. Утром следующего дня мы отправились в последнюю экскурсию. Путь наш лежал мимо опытных полей Сельскохозяйственного колледжа, по проселочной дороге, к одной из невысоких гор, хорошо видных из города. Кругом почти нет пальмовых рощ. Насколько хватает глаз тянутся сухие поля, кое-где их пересекают неглубокие и тоже сухие русла ручьев. По краям дороги редко-редко стоят небольшие, почти без тени, деревья.

Границы сухих полей угадываются по вытянувшимся цепочкой агавам. Встречаются участки, покрытые низкорослым кустарником, колючим даже на вид.

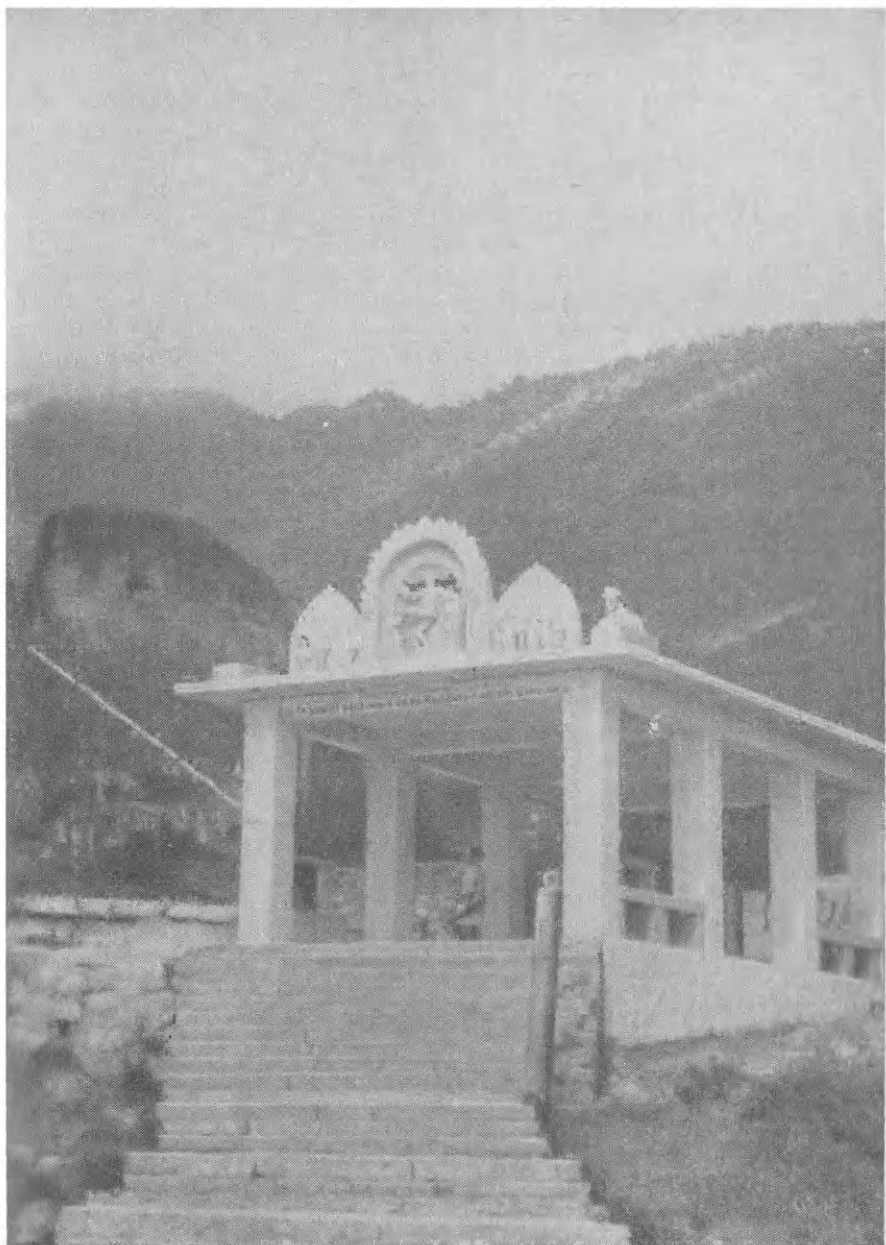
Гора, которая хорошо видна из города, находится в 18 км от Коимбатура. У ее основания, по обеим сторонам от невероятно пыльной дороги, по которой мы приехали (благо, нам не встретилась ни одна машина), расположен маленький поселок. Вверх от него по совершенно безлесному каменистому склону горы идет недавно сооруженная широкая каменная лестница. Проходим через небольшую арку и поднимаемся выше. На бетонных ступеньках, на окрестных камнях, на сухих ветвях низенького кустарника тут и там попадаются коричневые и зеленые ящерицы, вроде наших агам. Нам за ними не угнаться — жара и они легко скрываются в щелях между камнями.

Проходим еще одну арку над лестницей. Сверху она украшена фигурами богов и героев, выполненными почти в человеческий рост и раскрашенными яркими красками. В центре, конечно, многорукий Шива, танцующий свой бесконечный танец на извивающемся маленьком демоне Раване, с левой стороны головы у него прикреплен месяц, а на одну из рук надета засохшая гирлянда цветов с серебряной мишурой. Слева от Шивы его несравненная супруга богиня Кали, с иссиня-черным пучком волос на голове и в ярко-красном лифчике — цивилизация! Рядом сидит пузатый Ганеша, со слоновой головой и аккуратно обломанным правым клыком — бог мудрости*. Слева от Шивы под такой же раковиной, как и Ганеша, сидят еще какие-то боги и герои, пользующиеся здесь, видимо, большей популярностью, чем Ганеша, — у них на руках гирлянды цветов. Рядом, по краям всего сооружения сидит неизменный белый бычок — Нанди и расставлены павлины.

Недалеко от вторых ворот растет дерево. В это время года у него все ветки голые, а может быть, оно и вообще засохло от бесчисленного множества белых тря-

---

* По индийской мифологии Шива, отец Ганеши, однажды ударил его за непослушание, и у того отвалилась голова. Рассерженная Кали приставила мальчику голову первого встреченного существа, которым оказался слон. Повзрослев, Ганеша остался очень озорным и однажды ударил Луну, обломав при этом один из своих клыков.

Ступени храмовой площадки исписаны молитвами.
Окрестности Коимбатура, XX в.

почек и мешочков с завернутыми в них какими-то твердыми предметами — талисманами, повешенными «на счастье». Под деревом и под небольшим навесом рядом — уродливые фигурки людей и животных, лежащие как попало на земле и прислоненные друг к другу. Некоторые из них вымазаны ярко-красной краской, и все они почернели от растительного масла.

В этом храмовом комплексе все, очевидно, принято поливать маслом. В центре верхней площадки расположен небольшой храм, а с трех сторон от него — полуоткрытые дхармшалы — помещения для паломников. Небольшая металлическая колонна перед храмом тоже оказалась вся залита маслом. Густые масляные потеки видны и на фантастических изображениях полузверей-полуптиц, высеченных на камнях у храма.

По всему чувствуется, что здесь временами бывает много народу, но просторные дхармшалы сейчас совершенно пусты. Невдалеке от храма, на площадке, вымощенной крупными плитами, несколько полуголых мужчин в толпе ребят чинят тяжелую — с железными осями и коваными колесами — священную колесницу — рахту. Другая колесница, раза в три больше, чем обыкновенная телега, стоит под навесом. Мы попали в один из тысяч индуистских храмов южного типа. Здесь нет тысячелетних построек и нет туристской сутолоки. Это, так сказать, «рабочий», а не парадный храм. Сюда приходит много окрестных крестьян так деловито, как на уборку урожая. Здесь особенно чувствуется, что в этой стране религия не столько догма, сколько «рабочая гипотеза человеческого поведения, приспособленная к различным стадиям духовного развития и к различным условиям жизни» *.

Снаружи храм — внутри мы не были — представляет собой четырехугольное сооружение и окружен высокой, метра в четыре, каменной сплошной стеной. Под небольшим каменным навесом вход в башню — небольшой гопурам, как обычно на юге, ступенчато поднимающийся вверх и украшенный множеством фигур — сидящих, идущих, едущих на лошадях, стоящих и разговаривающих, жестикулирующих. Храм электрифицирован — над вершиной гопурама металлический кронштейн, на

---

* Дж. Неру, *Открытие Индии*, М., 1955, стр. 288.

котором укреплена большая электрическая лампочка. А над позолоченным шпилем другого небольшого гопурама, поднимающегося в углу двора, укреплен огромный фонарь. Полуголые бородатые и усатые фигуры на этом втором гопураме соседствуют с многочисленными фигурами павлинов. Все фигуры раскрашены, хотя на многих краска потрескалась и отваливается.

Выше храма дороги нет. Отсюда начинается крутой, весь заросший редким кустарником каменистый склон. Место выбрано удачно. С парапета площадки открывается панорама бескрайней ровной низменности. Совсем вдали в дымке жаркого дня угадывается Коимбатур, справа — пологие зеленые холмы.

Спускаемся по той же новенькой лестнице, на вертикальной плоскости каждой из ступеней вырублены и раскрашены зеленой, красной, синей краской какие-то изречения. Внизу, в окрестностях маленького поселка, где стояли наши машины, попытались ловить насекомых и ящериц в сухих руслах ручьев. И только когда собрались уезжать, обнаружили, что бабочки со всей округи собрались к неглубокому колодцу и, сидя на влажной земле, лениво шевелят крылышками и работают хоботками. Мы долго стояли над ними, забыв про сачки.

ГЛАВА VII

МАДУРА — МАНДАПАМ — КРУСАДАЙ

Гекконы на потолке — В древней столице Пандиев — Храм Минакши — Дорога к океану — Живые дюгоны — Прием в панчаите — Обживаем остров Крусадай — Коралловый риф — С фонарем за крабами — Спящие бабочки — «Разговоры» лори — В зарослях мангров — Ящерица под водой

После обеда начинаем укладываться. Доктор Менон, отлучившись куда-то часа на полтора, принес и роздал всем надувные резиновые подушки.

— Они вам пригодятся сегодня вечером, не убирайте их далеко в чемоданы, — предупреждает он.

И они действительно пригодились. Если бы не эти подушечки, неуютно пришлось бы нам на кожаных полках вагона. Поезд то еле-еле полз, то несся со страшной скоростью. Вздрагивал и дребезжал наш вагон. Утром, в 4.15, точно по расписанию оказались у перрона вокзала Мадур. Спешим в отведенные нам номера гест-хауза, которые помещаются здесь же, на втором этаже вокзального здания. Но поспать не удалось: неожиданно представилась возможность пополнить наши коллекции пресмыкающихся. Как только мы зажгли свет в комнатах, то увидели на побеленных стенах множество небольших существ, быстро скрывшихся в щелях. Через несколько минут они снова вылезли и стало ясно, что постоянными жильцами наших комнат являются небольшие гекконы — темно-серые ящерицы, великолепно умеющие бегать по вертикальным стенам и по потолку. Они могут двигаться даже по совершенно гладкому камню и стеклу благодаря присасывательным подушечкам на пальцах. За эту способность их даже выделяют в особое семейство цепкопалых ящериц (Geckonidae). Гекконами их зовут за довольно громкие звуки, которые они могут издавать и которые отдаленно напоминают слово «гекко».

Все тропические гекконы — ночные животные, и при ярком свете они немедленно забиваются в самые глубокие щели и трещины.

Итак, мы в Мадуре, знаменитой и славной столице древнего государства Пандиев, никогда — до установления господства англичан — не бывшую под иномземным игом, в Мадуре, где происходит действие древних тамильских легенд... Мадур — город с полумиллионным населением и огромным количеством текстильных фабрик.

Текстиль тысячелетиями был одним из основных статей индийского экспорта. Сохранились даже древние индийские названия сортов тканей: муслин, коленкор, тафта, нансук. Сейчас в независимой Индии текстильная промышленность интенсивно развивается. Мы по приглашению наших хозяев посетили одну из современных текстильных фабрик в пригороде Мадур, видели там длинные ряды современных станков, содержащуюся в образцовом порядке заводскую территорию, рабочий поселок при фабрике. Видели мы и красные флаги на

длинных бамбуковых шестах, реющие над крышами тут и там. Значит, окрестные жители — сторонники Коммунистической партии Индии.

Центр города — величественный Минакши-храм — выдающееся произведение средневековой южноиндийской архитектуры. Наиболее древние части храма построены около 100 лет назад, но в современном виде храм отстроен при династии Наяков в XVI веке. Храм Рыбглазой Минакши — супруги Шивы — по существу представляет собой небольшой город. Высокая каменная стена, покрашенная вертикальными бело-красными полосами, с четырьмя гопурамами, поднимающимися на высоту десятиэтажного дома, включает еще шесть концентрических оград.

В них расположены дворы, дворики, подсобные помещения, огромные крытые залы, большой священный водоем и даже крытые торговые ряды — «Пуду мантамам», где кроме ароматных палочек для обкуривания — агрбатти — продается множество пластмассовых и бронзовых безделушек и украшений.

Самые внутренние, самые «священные» части храма доступны только избранным. Мы не попали в их число, хотя и разулись еще на улице. Фотоаппараты нам предложили оставить в машине — почему-то в этот день до обеда нельзя было фотографировать внутри храма. А фотографировать было что...

«...И Вадавуран удалился в храм Минакши славной,
Здесь совершил он
В священном водоеме омовенье,
Склонился перед Ганешей, потом
Пред рыбглазой Парвати склонился
И поклонился несравненной линге * Шивы».

Все, что видел в храме Минакши-Парвати Вадавуран ** тысячу лет назад, то видели и мы, осматривая этот удивительный храм. Видели мы и знаменитый водоем «Золотых лотосов», полный темно-зеленой воды;

---

* Линга — фаллос, символ созидательной силы. Изображения линги очень распространены в Индии, где среди шиваистов — почитателей Шивы — есть секта лингятов. Есть среди шиваистов и секта шактиитов — почитателей женской силы его супруги Парвати.

** «Повесть о заколдованных шакалах и царском советнике Вадавуране». Перевод с тамилы А. М. Пятигорского, М., 1963, стр. 29.

десятки людей на лестницах-гхатах вокруг, или уже искупавшихся, или готовящихся к священному омовению. Видели и блистательно изваянные из каменных монолитов скульптуры слоголового Ганеши, и большую скульптурную группу, многократно повторенную и на наружных гопурамах: Вишну отдает в жены Шиве свою сестру Минакши.

Побывали мы и в тысячеколонном зале — большом храме, своды которого поддерживаются лесом колонн, каждая из которых сделана из монолита и украшена оригинальным скульптурным изображением. Тут и вздыбленные всадники, и мифические существа, и герои индийского эпоса. Этот тысячеколонный храм был почему-то закрыт для посетителей, и только благодаря тому, что с нами был какой-то крупный чиновник, дверь его открыл перед нами босоногий монах. На потолке храма, между колоннами и в их капителях в полумраке гнездились множество летучих лисиц (*Megachiroptera*). Потом нам пришлось вплотную познакомиться с этими удивительными созданиями. Но не забыть первого впечатления от огромных — более метра в размахе крыльев — темных существ, срывающихся с потолка и исчезающих среди бесчисленных колонн храма, не забыть их резкого крика.

В других внутренних храмах — или частях большого храма — есть немало интересных мест. Смешавшись с толпой паломников, идем не спеша, очевидно обычным маршрутом, вместе с группой индийцев. У некоторых руки заняты кокосовыми орехами, которые продаются при входе в храм. Подходя к повороту каменной галереи, наши спутники один за другим, с силой размахнувшись, бросают кокосы о каменный пол. Из разбитых орехов по полу, по священным камням храма течет мутный сок. Время от времени деловитый монах сметает остатки кокосов, освобождая место для следующих приношений Рыбоглазой.

У нас нет кокосов, и потому спокойно проходим дальше. Недалеко от священного водоема в одной из многочисленных галерей стоит довольно объемистый каменный четырехугольный ящик со светло-серым пеплом (значительно позже мы узнали, что для приготовления такого пепла используется отборный навоз от священных коров, смешанный с кусочками ароматических де-

ревьев). Рядом стоит небольшая, всего в полметра, грубая каменная фигурка Сундерешварара — именно того воплощения Шивы, в образе которого он и стал супругом божественной Минакши. Вся фигурка густо усыпана пеплом, и все новые и новые люди, проходя мимо ящика с пеплом, бедут горсточку, посыпают голову Шиве, а потом мажут себе лоб остатками пепла.

Доктор Менон ушел вперед и помешать нам не может. Осторожно берем горсть пепла, посыпаем как можно аккуратнее на затылок Шиве, а остатками мажем себе лбы. Окружающие настолько поглощены тем же, что или не обращают на нас никакого внимания, или, напротив, принимают все как должное. Лишь монах, наблюдающий за порядком в этой части храма, одобрительно посматривает в нашу сторону. Идем дальше.

В многочисленных темных уголках за решетками (чем священнее место, тем больше решеток) стоят скульптурные группы, светлеют настенные росписи. Подходим к знаменитым звучащим колоннам. Из монолита вырезаны небольшие каменные столбики высотой около 35 см и диаметром 3—4 см. Ловко ударяя металлическим прутиком, стоящий здесь монах извлекает из них музыкальные звуки, составляющие полную гамму; с беломраморной галереи, окружающей водоем, можно видеть несколько высоких колонн на плоской крыше внутренних залов храма. Эти колонны поставлены богатыми жертвователями. Обычай ставить колонны в честь какого-либо события несомненно пришел из Индии. До сих пор во многих частях страны сохранились величественные каменные колонны, поставленные императором Ашокой (III век до нашей эры); одна из таких колонн поставлена на месте рождения Гаутамы Будды.

В некоторых частях свод храма поддерживается монолитными колоннами, изображающими фантастических животных — тигроженщин, слонольвов и т. п. У одного из таких чудищ, высеченных, как и все другие, из единой глыбы камня, в полураскрытой пасти можно покатавать рукой большой каменный шар. Древние ваятели, вырубая из камня морду зверя, оставили шар в пасти таким образом, что его можно там легко перемещать, но нельзя вытащить. В некоторых частях храма скульптуры искусно передают позы классических танцев, имеется и серия аватар — воплощений — Шивы.

Последнее, что мы видели в храме Минакши, — огромный светлый зал бракосочетаний. В самом дальнем конце этого зала, освещаемого ярким солнечным светом (одна из стен образована несколькими колоннами), на возвышении стоит нечто вроде деревянной беседки. За ней нарисована на стене яркая картина, кажется, опять та же сцена обручения Шивы с Минакши. На этом возвышении располагаются обычно жених с невестой. Гости и родители заполняют длинный зал, стены его украшены цветными яркими изображениями Шивы и Лакшми *. В двух местах зал от пола до потолка перегороден зеркалами, и создается впечатление бесконечной протяженности помещения. В этой части храма много солнца, свежий воздух, высокие потолки, чистота.

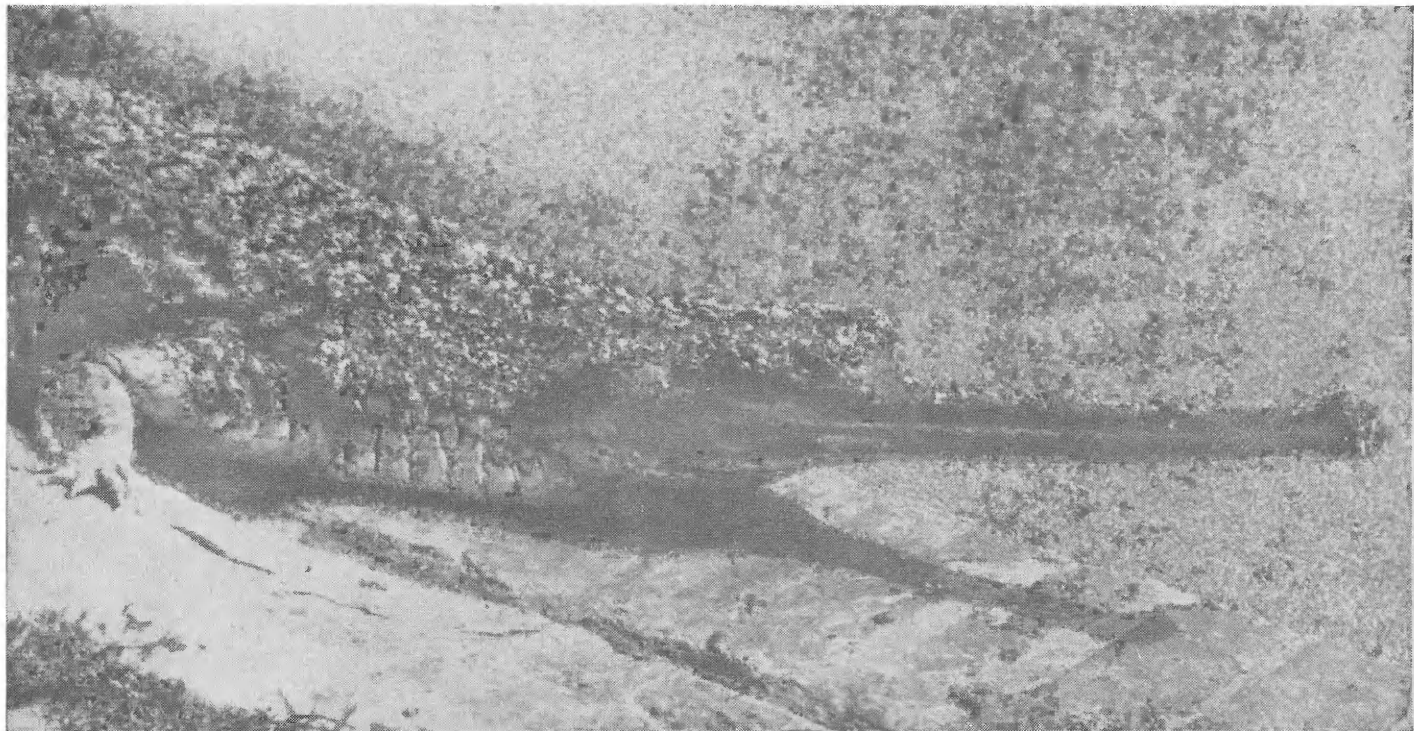
Столько хотелось фотографировать в храме Минакши! А пришлось ограничиться только храмовыми слонами, весело болтавшими хоботами в одном из наружных помещений храма, и съемками наружных гопурмов, богато украшенных разноцветными фигурами героев «Рамаяна».

Но посещением храма Минакши наш день только начался. Мы побывали в небольшом, но уже давно существующем сельскохозяйственном колледже, во дворе которого в неглубоком бассейне, затянутом сверху сеткой, грелись на солнышке два крупных гавиала (*Gavialis gangeticus*), которых всегда можно безошибочно распознать по длинному и узкому пинцетообразному рылу с булавовидным расширением на конце. Несмотря на свой грозный вид, гавиалы не опасны для крупных млекопитающих и человека, хотя могут достигать длины свыше 5 метров. Единственная их пища — рыба, которую они с ловкостью хватают в мутной воде тропических рек. Очень интересно, что челюсти гавиала удивительно сходны с челюстями гангского речного дельфина — платанисты. Нет сомнения, что в данном случае это сходство объясняется одинаковым способом охоты на крупных рыб.

Над входом в небольшой музей висит огромная морская звезда, а под ней на черном фоне яркими белыми и

---

* Лакшми — популярный в индуистской мифологии образ богини счастья и удачи. Появилась на свет в образе прекрасной четырехрукой женщины при пахтании богами и демонами океана. Часто изображается сидящей в цветке лотоса.

Гавиал питается только рыбой

розовыми раковинами выложено: «Welcome» («Добро пожаловать»).

В этот день мы успели еще познакомиться с работой каферды профессора Кришнасами. В новом здании помещаются все отделения Мадрасского университета: физики, химии, математики и биологии. Однако правительство штата и местные власти стремятся развивать систему высшего образования: в ближайшее время филиал университета будет расширен и превращен в самостоятельный Мадурский университет.

В Мадуре было еще одно учреждение, в которое нам хотелось попасть, чтобы познакомиться с постановкой биологических исследований,— Американский колледж. Но доктор Ф. Абрахам, с которым мы познакомились, сразу же заметил, что в колледж мы смогли бы приехать только через несколько дней. Вечером, просматривая газеты, мы выяснили причину такой отсрочки: в краткой заметке сообщалось, что забастовка студентов Американского колледжа продолжается. Нам осталась неясной причина забастовки, но стало понятно, почему доктор Абрахам не смог пригласить нас в колледж.

Выкраиваем время, чтобы успеть съездить в Алагар Койл — известное место паломничества в Южной Индии, в 18 километрах от Мадур.

Храм стоит у подножия небольшого, покрытого густым парком холма. На деревьях, на плитах дворика — великое множество макак. Развит и особый вид дохода — кормление этих животных. У ворот, ведущих во внутренний храмовый двор, можно купить арахис, бобы и взять напрокат плошку. С полной плошкой всякой снеди идут паломники к храму, где их с откровенным нетерпением ждут стайки обезьян. Здесь мы впервые видели, как обезьяны мирно уживаются с самыми обыкновенными бродячими собаками, которые тоже не прочь полакомиться бобами.

На холме в парке наконец-то вновь существенно пополнилась коллекция кокцид Николая Сергеевича. Видя, что времени в обрез, он попросил о помощи, и мы все бросились искать их на траве, на корнях, на ветвях. В машине, на ходу разбирая нашу добычу, он изредка довольно урчал, а за ужином объявил, что найдены новые интересные виды.

На перроне вокзала в Мадуре страшная суета. Стан-

ция узловая, поезда приходят с севера, юга и юго-востока. У нас билеты в вагон международного поезда Мадрас — Коломбо. Поезд опаздывает, и мы уже целый час бродим по перрону. Сидеть негде — все скамейки заняты спящими или сидящими транзитными пассажирами. Снуют носильщики — их видно издали по красным тюрбанам. Вещи они носят только на голове, лишь изредка придерживая рукой. По виадукам, лестницам и асфальту перрона шлепают тысячи босых ног. Продавцы фруктов разносят свой товар в корзинах; горячие лепешки и овощные острые приправы развозят в тележках. Красивая молодая женщина в красно-зеленом сари несет на голове большой латунный сосуд с водой. Томящиеся жаждой за гроши пьют по очереди из маленького начищенного латунного стаканчика. Невдалеке от места, где сложены на перроне наши вещи, расположилась на отдых семья переселенцев. Глава семейства спит, прислонившись к узлу с вещами, его жена кормит грудного, совершенно голого ребенка. Впрочем, вокруг талии младенца повязана тоненькая веревочка с каким-то талисманом. Два малыша постарше с восторгом смотрят на бананы, которые несет доктор Менон. Бананов много — две большие связки. Доктор Менон очень озабочен: в дороге трудно получить привычную для европейцев пищу, и бананы должны компенсировать как-то наш скромный завтрак. Заметив две пары внимательных глаз, доктор протягивает малышам по банану.

Большая белая корова медленно идет по рельсам между двумя высокими платформами. Откуда она взялась и что ей здесь нужно? Банановые корки полетели вниз, и корова спокойно слизнула их шершавым языком. Вдали показалась вторая корова, по соседним путям прошла еще одна. Железнодорожные служащие не проявляли никакого беспокойства. Приближающийся поезд еще километра за два до станции включил сирену и на самом малом, «черепашьем» ходу подполз к перрону. Впереди паровоза прикреплена огромная наклонная решетка (может быть, это специальное приспособление для скидывания зазевавшихся коров с пути?). Но до этого, очевидно, никогда не доходит: сирена предупреждает скот об опасности. Быстро находим табличку с надписью: «Русская зоологическая делегация». Проводник отпирает дверь. Усаживаемся и сразу включаем вентиляторы. Шестиме-

стное купе наполняется ровным гудением электромоторов.

У окна сидеть никому не хочется. Окна в вагонах индийских поездов — это целый набор различных решеток. Снаружи толстые металлические прутья — от воров, затем опускающееся стекло, опускающиеся деревянные жалюзи из косо набитых реечек — защита от солнца, наконец, можно поставить еще мелкаячеистую металлическую сетку от москитов. Снова оглушительная сирена, и поезд начинает медленно двигаться. Полуголый человек со связкой сахарного тростника на голове, бредущий по дороге, движется все же быстрее поезда. Только на значительном расстоянии от города, где нет опасности задавить корову, машинист выключил сирену и начал набирать ход.

На остановке к нашему купе подходят трое молодых людей, нагруженных тарелками и судками. Доктор Менон, оказывается, успел-таки заказать обед! Блюда все индийские, как всегда в железнодорожных ресторанах. Все очень вкусно, хотя и наперчено на совесть. На следующей станции в купе вошел мальчишка, собрал всю посуду и выставил прямо на асфальт перрона. Со встречным поездом ее отправят назад.

За окнами плывет Южная Индия. Пальмы, пальмы, пальмы, рисовое поле, снова пальмы и снова рис. Буйвол по шею в воде, буйвол, на котором полуголый крестьянин пашет рисовое поле, идя за плугом по густой жидкой грязи, снова молодой зеленый рис, снова пальмы, ток, по которому кругами ходит буйвол, молотя собранный рис. Через три часа мы в Мандапаме. Дальше поезд пойдет по Адамову мосту — цепи островов, связанных дамбами и мостами, а потом на пароме переплывает на Цейлон. Но наш путь кончается здесь.

В Мандапаме нас уже ждут сотрудники центрального исследовательского института морского рыболовства; он расположен в здании, построенном для госпиталя союзников в период второй мировой войны. Длинные одноэтажные бараки с тенистыми навесами по обеим сторонам соединены друг с другом такими же тенистыми переходами. Между строениями уютные зеленые дворики. В многочисленных лабораториях темновато: окна хотя и большие, но выходят не прямо на улицу, а под своды боковых галерей. Народу в лабораториях мало — многие

научные сотрудники разъехались либо в экспедиции, либо в отделения института по побережью Бенгальского залива и Аравийского моря.

Огромные коллекции морской фауны тропических морей свидетельствуют о большой исследовательской работе. В этом еще раз убеждаешься, посетив великолепную библиотеку, которая выписывает около 400 научных журналов всех стран мира, в том числе и из СССР.

В Индии настоящее товарное рыболовство в океане развито пока слабо. Поэтому правительство страны одобряет и поддерживает всякие перспективные исследования промысловых запасов рыб и беспозвоночных. Уже несколько лет действует индо-норвежский договор, по которому норвежские ученые помогают индийцам освоить огромные промысловые запасы рыб в водах океана.

Домики института расположены в полукилометре от берега океана среди густой зелени. Ближе к побережью небольшое светлое здание аквариума, где в проточной морской воде живут местные рыбы. Аквариум построен, конечно, не для демонстрации морских обитателей, а для научной работы. Рядом с этим зданием — бетонный бассейн, в котором вот уже три года живут два дюгоня (*Halicore dugong*). Индийский дюгонь — одно из редчайших млекопитающих мира, представитель о-чень немногочисленного отряда сиреновых, или морских коров. Еще не так давно тысячные стада морских коров обитали и в наших водах на Дальнем Востоке. В середине XIX в. последние экземпляры этих доверчивых и беззащитных животных были уничтожены промышленниками в водах Командорских островов. Сирены — единственные травоядные морские млекопитающие*.

Понятно поэтому, с каким интересом наблюдали мы за этими огромными — метров до трех длиной — животными. Их поймали рыбаки. Самец и самка запутались случайно в рыбацких сетях в нескольких километрах от Мандапана. С тех пор дюгоня живут в бассейне. Он соединен с морем небольшой трубой, по которой с по-

---

* Сейчас осталось всего несколько видов сирен. Два из них — ламантины — живут по берегам Атлантического океана и в африканских реках и озерах, три вида дюгоней населяют прибрежные воды Юго-Восточной Азии, Индонезии, Тасмании и Австралии. Везде или почти везде численность их сокращается, хотя почти во всех странах они входят в число охраняемых животных.

мощью бензиновой помпы накачивается вода. Кормят дюгоней два раза в день. На обед им приносят по охапке свежей травы.

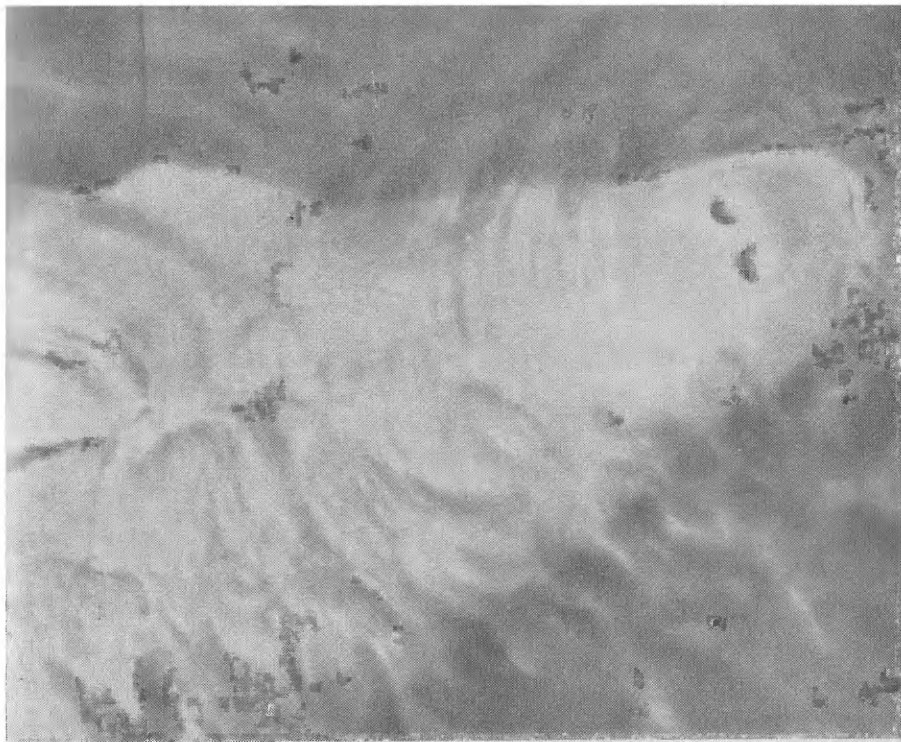
Дюгони очень светлого серого цвета. Это важно. Важно потому, что долгое время не было — и нет до сих пор — достаточно убедительного объяснения, почему большинство видов тропических речных дельфинов очень светлого цвета. То, что и тропические прибрежные дюгони столь же светлого цвета, наводит на мысль об общности причин такой окраски. Быть может, дюгони, проводящие большую часть жизни у поверхности воды, медленно передвигаясь и неглубоко ныряя в поисках морских растений, своей светлой окраской предохранены от перегрева?

Небольшая голова, массивное туловище, резко сужающееся сзади, хвостовой плавник, повернутый в горизонтальной, как у китов, плоскости, длинные передние конечности (и отсутствие задних!), голая кожа, покрытая редкими жесткими волосками, подвижная верхняя губа с усами-вибриссами и два дыхательных отверстия на голове — вот, пожалуй, на что обращаешь внимание, рассматривая этих интересных животных.

Ближе к вечеру прием в панчаяте. Панчаят — это древнейшая форма самоуправления в Индии, существующая по крайней мере несколько тысяч лет. Раньше в панчаят входило пять старейшин (отсюда и само слово «панчаят»), теперь же число руководителей может быть и больше пяти и не обязательно они только старейшие — в этом мы убедились на приеме. В объединенный панчаят входят представители 30 прибрежных деревень, в которых живут 68 тысяч жителей. Нас встречают на широкой деревенской улице, поперек которой натянута плакат «Welcome, to our Russian friends!»*. Ведут в просторную комнату, где накрыты простые деревянные столы. Всего за столом оказывается человек пятьдесят. Разносят по два банана, чашке крепкого чая, по пирожку со страшным индийским перцем — чили и по несколько кусочков желтоватого сладкого не то творога, не то сыра. Короткая теплая приветственная речь председателя панчаята, еще не старого энергичного человека, в белом бумажном пиджаке и таких же брюках. Через плечо перекинута белое полотнище. Наши хозяева не говорят по-английски,

---

* «Добро пожаловать, наши русские друзья!».

Морская корова — дюгонь

и Менон переводит нам с тамили. Маленькие девочки, смущаясь, дарят нам цветы. На этом прием заканчивается. Но он запомнился каждому из нас, этот маленький праздник далекой индийской деревни в честь нашей страны.

Утром мы отправляемся на островок Крусадай — один из многочисленных островов архипелага Адамова моста. Весь вечер и часть ночи проходят в сборах. Ночью на яркий свет наших окон слетается всякая живность. С тяжелым гудением прилетел первый крупный жук. Это был пластинчатоусый красавец эухлора из рода *Apomala*. Спина и брюшко у него яркого золотисто-зеленого цвета. Потом полетели богомолы, ночные бабочки, снова не-

сколько зеленых жуков и множество мелких двукрылых. Вместо сна началась охота за насекомыми, только под утро удалось заснуть на два-три часа.

Наверное, все коралловые острова издали похожи друг на друга. Из моря показываются верхушки пальм, потом зеленая полоса колючих кустарников у берега и белая линия пляжа. Волны накатываются на невидимый подводный риф и раскалываются в белую пену. Таким нам представился и крошечный островок Крусадай, когда ранним утром мы подходили к нему на белоснежном катере, принадлежащем институту в Мандапаме.

Островок этот обитаем: на нем живут две или три семьи сотрудников Морского института. Нас никто не ждал, но все население острова, конечно, вышло на берег: приход катера — важное событие в размеренной и однообразной жизни «островитян». Не доходя до острова, катер стал на якорь, а от берега к нему устремился на долбленой лодке темно-коричневый парень в белых трусиках. Он греб одним веслом, стоя на корме.

Маленькая лодочка вмещала не более трех человек, и пришлось совершить немало рейсов, пока мы сами и наш багаж оказались на берегу. Стоявший босиком молодой человек в белой рубашке и таких же шортах представился нам как хозяин островка и просил чувствовать себя как дома. Это был доктор К. Саббиях. Почти напротив места, где на коралловом песке сложили наши вещи, в тени кокосовых пальм, окруженных стеной колючих кустов пандануса, виднелся маленький домик. Он был построен из известняка — единственного строительного материала коралловых островов — и покрыт пальмовыми листьями. Этот домик и стал нашим жилищем.

Доктор Саббиях убрал кривую ветку, подпиравшую дверь, и пригласил нас осмотреть помещение. В домике оказалась всего одна тенистая комната, потолка не было, его заменяла пальмовая кровля двускатной крыши. Четыре оконных проема не были застеклены, и ветер хозяйничал в домике. Днем это, конечно, было большим достоинством, но ночью, когда появятся москиты, придется плохо. Ни стола, ни стульев, ни кроватей не было. Так как трое из нас (авторам этой книги и Е. В. Жукову) предстояло жить и работать здесь в течение нескольких дней, нужно было немедленно приниматься за благоустройство. Через час катерок ушел в Мандапам, увозя Николая Сер-

гефвича и Константина Александровича, местные жители занялись своими делами, и мы, оставшись одни, почувствовали себя вполне робинзонами.

На песчаной дорожке перед домом начали распаковывать ящики, достали инструмент: молоток, клещи, ножовку. Шваброй из кокосового волокна обмели стены и пол, оконные проемы затянули марлей. Из ящиков соорудили стол, большие обломки кораллового полипняка отлично сошли за кресла. Из досок и кольев соорудили три топчана. Несколько пальмовых циновок мы нашли тут же, а надувные подушки у нас были с собой. Одеял здесь не требуется.

Едва мы создали хоть какой-то «интерьер», появился доктор Саббиях с большим чайником, полным горячего чая. Пить его, однако, не захотелось. На острове, оказалось, нет пресной воды. Местным жителям приходится довольствоваться солоноватой жидкостью, которая скапливается в большой яме в дождливый период. Чай был и душистым и сладким, но и соленым он тоже был. В первый день мы предпочли кокосовое молоко, благо, весь остров зарос пальмами.

Кокосовая пальма плодоносит круглый год, и влага, находящаяся в ее недозревших орехах, — отличный напиток. Орех вырастает до величины среднего арбуза. Снаружи он покрыт толстым слоем волокнистого вещества — койрой, которую срезают топориком или серповидным ножом. Под койрой — очень плотная скорлупа, выстланная изнутри слоем белой мякоти — копры. Самую середину ореха занимает прозрачная, чуть мутноватая жидкость — это и есть молоко. Вкус у молока своеобразный: и солоно, и сладко, и кисловато.

С нами была большая корзина с хлебом, фруктами, яйцами и жареным мясом. Наскоро закусив сандвичами и выпив по целому ореху, отправились осматривать лабораторный дом. По узкой тропинке, проложенной между пальмами, очень приятно идти босиком.

Лаборатория в пяти минутах ходьбы. В ней две большие комнаты с рабочими столами. В застекленных шкафах коробки и банки с животными, обитающими на острове и в море у его берегов, — очень хороший маленький музей. Видно, здесь поработало немало ботаников и зоологов. Для Евгения Витальевича освободили один из столов: здесь он будет заниматься паразитологическим

вскрытием рыб. Забегая вперед, следует сказать, что эта работа была очень успешной. Е. В. Жуков сейчас же развернул свою походную лабораторию. Ежедневно ему доставлялась свежая рыба, пойманная тут же у Крусадая, и Евгений Витальевич с утра до позднего вечера просиживал за рабочим столом.

Мы, оставшись теперь вдвоем, решили осмотреть весь остров. Сделать это в общем было не так уж трудно, так как длина Крусадая едва достигает 2 километров, а ширина — и того меньше. Нагрузившись коробками, банками, сачками, взяв полиэтиленовые ведра, мы пересекли остров и вышли на западный берег. Тропинка привела нас к широкой лагуне со слегка заиленным песчаным дном. Здесь мы увидели тощего загорелого рыбака, который ловко бросал накидку.

Ловля рыбы накидкой распространена во всем мире, но ловить ее имеет смысл, когда рыбы много. Взяв обеими руками сеть, особым образом сложенную, рыбак выбрасывает ее перед собой. По краям сети имеется множество грузил, благодаря чему уже в воздухе сетка расплывается в виде большого круга и плашмя падает в воду. Правильно сложить и бросить накидку — большое искусство, требующее и навыка, и ловкости, и физической силы. Когда накидка ляжет на дно, ее начинают медленно поднимать за веревку, привязанную к середине сетки. Грузики при этом сползают к центру, и рыба оказывается пойманной. При нас было поймано несколько рыб средней величины и одна очень крупная карангида (так называемый морской карась), более полуметра длиной. Оказалось, что весь улов предназначался нашему паразитологу, и еще трепещущую добычу рыбак понес в лабораторию.

Зайдя в воду лагуны, мы увидели в мелком месте на дне тонкие бороздки: как будто кто-то проводил по песку пальцем. Иногда такая бороздка, извиваясь, тянулась шагов пять-шесть и заканчивалась маленьким бугорком. Раскопав в этом месте песок, легко находим красивого брюхоногого моллюска — оливу (*Oliva*). Оливы — типичные обитатели песчаных отмелей тропических морей. За красивый цвет и изящную форму блестящей раковины оливы всегда собирают и используют как украшения и сувениры. Набрав десятка полтора олив величиной с большой палец, отправились вдоль берега к выдающемуся

мысу. Как нам сказали, этот мыс оканчивается отмелью с живыми мадрепоровыми кораллами.

Мадрепоровые кораллы — особая группа колониальных кишечнорастворимых животных, к которым относятся также медузы, актинии и наша пресноводная гидра. Но у мадрепоров развит прочный известковый скелет. Именно они и составляют основу коралловых рифов. Рифообразующие кораллы могут жить и размножаться только в чистой, прозрачной морской воде нормальной солености. Они очень теплолюбивы и быстро погибают, если температура воды опустится даже на короткий срок ниже 20°. Кораллы нуждаются также в солнечном свете и обильной пище — мельчайших планктонных животных. При благоприятных условиях мадрепоровые кораллы образуют на мелководье тропических морей сплошные заросли.

Одному из нас (Д. В. Наумову) уже довелось поработать на коралловых рифах у берегов острова Хайнань в Южно-Китайском море. Теперь появилась возможность сравнить риф у берегов Индии с рифами Южного Китая.

Риф, то расширяясь, то сужаясь, уходил далеко в море. Вначале мы шли по песку, потом стали попадаться выступающие наружу известняковые плиты, большие обломки полипняка. Берег снижался, и появились лужи, промоины, протоки. Море совершенно спокойно, вода в протоках почти неподвижна и прозрачна. Перевернув большую глыбу отмершего коралла, находим под ней нескольких черных голотурий — животных типа иглокожих, к которым относятся также морские ежи и звезды. Здесь же прячутся мелкие крабы и змеехвостка-офиура — тоже иглокожее. Все виды уже известные, они встречаются и на других рифах.

Ближе к концу мыса обломков кораллов и известняковых плит стало больше, их нагромождения скрывают различных морских беспозвоночных животных и рыб. Почти под каждой плитой можно найти что-то новое. Особенно интересны моллюски. Через несколько минут в нашей коллекции появились очень красивые крупные коричневые раковины ципрей, получившие научное название «арабика» за нежный рисунок, напоминающий арабскую вязь. С азартом собираем маленьких монетарий, которых здесь целых три. Раковины монетарий под названием «каури» не так давно служили в тропических странах мелкой разменной монетой — отсюда и их

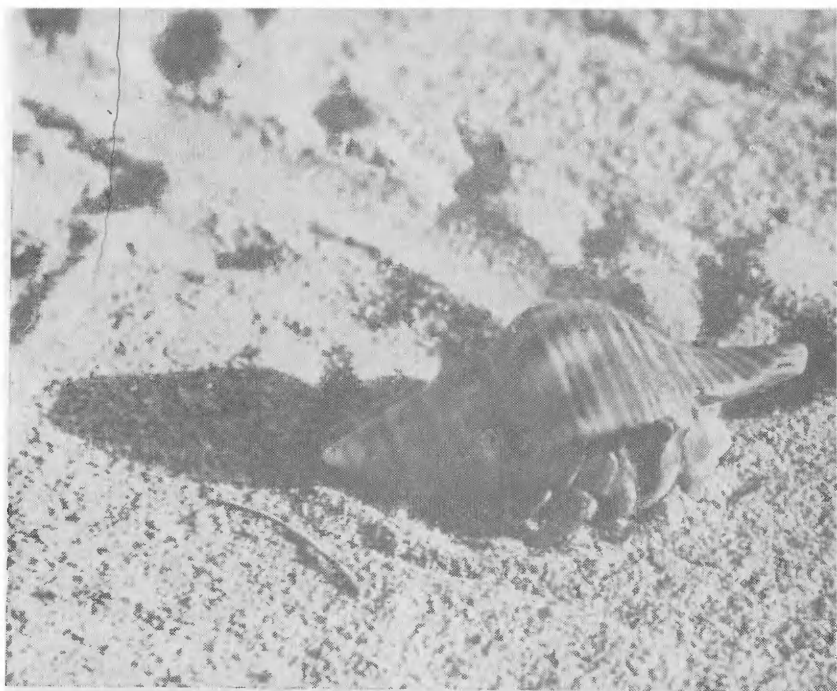
название. Нам попались желтая с двумя серыми полосками монетария-монета, беловато-серая с желтым кольцом монетария-колечко и более крупная коричневая «змеиная голова». Раковина последнего моллюска по форме действительно напоминает голову змеи.

Нашлись под плитами и в глубоких лужах также моллюски турбо и трохус. Их перламутровые раковины покрыты снаружи слоем темного органического вещества. В щелях разрушающихся полипняков прячутся небольшие черные морские ежи с толстыми тупыми иглами.

Мыс уходит в воду, и нам приходится раздеваться. Спустившись в воду, мы наконец дошли до пояса живых кораллов. Их здесь оказалось совсем немного — семь-восемь видов: два вида похожи на елочки колоний акропора, оба буроватые с сиреневыми полипами; телесного цвета причудливые колонии козлорогой поциллопоры с розовыми кончиками ветвей; листовидные коричневые с синими мелкими полипами монтипоры. Кроме этих видов удалось обнаружить еще 2—3 вида зеленоватых шаровидных фавитес и поритес. Все говорило о том, что риф чем-то угнетен. Лишь в одном месте удалось напасть на сплошной массив из колоний мадрепоровых кораллов диаметром около 10 метров. Чаще же попадались лишь группы колоний или отдельные колонии.

Причину угнетения долго искать не пришлось. Она заключается в сильном заилении и мутности воды. Мадрепоровые кораллы в заиленных местах никогда не образуют больших скоплений. Взвешенная в воде муть нарушает питание колонии. Однако весь мыс, несомненно, состоял из кораллового известняка. Об этом свидетельствовала его известковая основа, то тут, то там выступающая из-под тонкого слоя песка. Все побережье острова устлано типично коралловым белым песком — продуктом разрушения колоний. Значит, в недалеком прошлом мадрепоровые кораллы здесь процветали. Из их отмерших колоний сложился целый остров (и другие соседние острова), а затем наступили какие-то изменения в водном режиме, на материке увеличился речной сток, несущий с собой ил, и кораллы стали погибать. Теперь на Крусадае остались лишь самые неприхотливые виды, да и тем грозит гибель. Нам часто попадались совсем небольшие, молодые колонии, уже начавшие от-

Сухопутный рак-отшельник — ценобита. Крусадай

мирать. Изучение коралловой отмели заняло у нас всю вторую половину этого дня.

Коллекционные сборы на этот раз доставить к дому не удалось — вес собранных нами кораллов оказался под силу только паре Власов — Жаботинский. Поэтому мы решили собранные образцы оставить на берегу, чтобы они подсохли. А сами, тяжело нагруженные, с полными рюкзаками и ведрами, медленно пошли к нашему домику. В небе уже светились яркие звезды, и среди них знаменитое созвездие Южного Креста, когда мы увидели огонек керосиновой лампы в окне — это Евгений Витальевич сидел над дневником.

Ужинали мы с удовольствием, благо корзина была еще полна. Запивали ужин содовой водой с апельсиновым соком — в чудо-корзине нашлись и драгоценные здесь бутылки.

После трапезы мы отправились на прогулку по берегу. Здесь, так же как вблизи Махабалипурама, во множестве водились песчаные крабы-оципода. Только здесь мы изобрели эффективный способ ловли крабов. Попав в луч света, краб застывает на месте и, настожившись, замирает. К нему можно подойти довольно близко и накрыть его сачком. Никто из нас раньше не слышал о таком способе добычи пугливых крабов. Он — наше открытие. Мы наловили на выбор десятков самых крупных крабов. Пленников поместили в большую картонную коробку, на крышку которой положили тяжелый обломок коралла.

Еще днем мы обратили внимание, что весь песок между зарослями опунций и панданусов испещрен какими-то странными следами. Как будто игрушечный гусеничный трактор, петляя, ездит по белому песку, оставляя между колеями длинную борозду. Кто же мог оставить на песке такие необычные следы? Днем мы установить этого не смогли и теперь, воодушевленные успешной охотой на оципод, отправились в заросли колючих опунций. Вскоре в луч фонаря попался довольно редкий тропический рак — ценобита. Подобно ракам-отшельникам, ценобита прячет мягкое брюшко в пустую раковину брюхоногого моллюска. Живут ценобиты на суше, питаясь различными растительными и животными остатками. В море уходят только раз в год для размножения. Яйца ценобиты развиваются в морской воде, где живет и личинка, совсем не похожая на взрослого рака.

При ночной ловле ценобит сачок оказался излишним. Попав в луч света, ценобита высовывается из раковины еще больше, быстро перебирает ножками — пытается убежать. На песке остается сложный след, озадачивший нас. Раки довольно проворны, но все же уйти от человека они не могут. К тому же, вместо того чтобы скрыться в колючих зарослях пандануса, откуда их достать было бы почти невозможно, преследуемый ценобита прячется в свой домик-раковину и остается неподвижным. Возможно, такая реакция спасает рака от его обычных врагов, но для нас она была очень выгодной. Вторая коробка быстро наполнилась ценобитами. По пути в коробку рак высовывается из раковины и яростно впивается клешнями в пальцы.

Возвращаясь к домику, мы обратили внимание на совершенно необычную картину. Когда луч света случайно попадал на колючий кустарник, густо растущий вдоль тропинки, на ветвях видны были крупные дневные бабочки — гекторы (*Parillio hector*). Днем эти красивые бабочки очень подвижны. Они быстро перелетают от цветка к цветку и в случае опасности стремительно летят в кустарник, где сразу же пропадают благодаря темной окраске сложенных крыльев. Поймать гекторов поэтому очень трудно. Оказалось, что ночью они спят на нижних ветвях колючих кустов и низких деревьев. Свет фонаря вовсе их не беспокоит, и бабочек можно собирать с куста. Среди бабочек были не только гекторы, но еще два или три вида того же семейства.

Собираясь на другой день встать пораньше, мы отправились спать.

Ночью сквозь шум прибоя можно было различить какой-то слабый, очень высокий звук. Вначале казалось, что это чей-то писк или стрекотание долетают откуда-то издалека, настолько слабы они были. Но прислушались внимательнее, и стало ясно, что пищит кто-то внутри нашего домика. Более того, создалось впечатление, что какие-то два существа ведут между собой переключку. Вот заверещал один и замолк. Через секунду ему отвечает другой. Звуки были очень похожи, но все же, несомненно, между первым и вторым имелось какое-то еле уловимое различие.

Звуки были похожи на писк летучей мыши, но в такую пору летучим мышам нечего делать в помещении. Свет фонарика, направленный в сторону таинственного источника звуков, выхватил из темноты четыре яркие красные точки, горящие как драгоценные камни. Это же наши лори, о которых мы совсем забыли. Зверьки с наступлением ночи принялись лазить по веточкам, поставленным в клетку, в поисках пищи. Конечно, они сразу получили банан, и вот оба сидят рядышком и, держа в передних лапках по половинке плода, аккуратно едят.

Многие животные, ведущие ночной образ жизни или живущие в пещерах либо вообще в условиях плохой видимости, способны издавать ультразвуки и воспринимать их отражение от окружающих предметов.

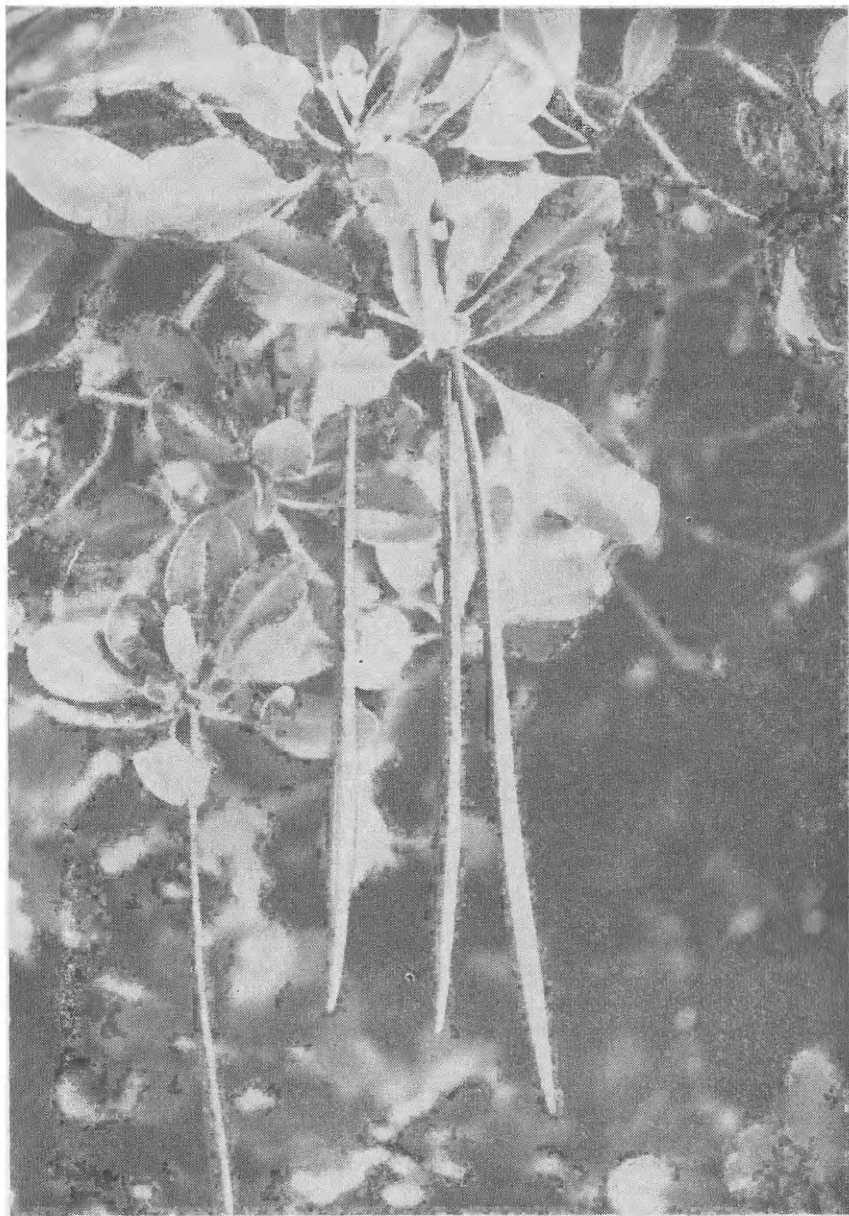
Такое локационное устройство помогает ориентироваться в пространстве. Тончайший писк, сопровождающий ультразвуковую локацию, особенно характерен для летучих мышей и дельфинов. Точными исследованиями установлено, что некоторые из наземных млекопитающих — крысы, собаки, кошки — могут улавливать ультразвуки, не слышимые человеком. Несомненно, и лори, ведущие ночной образ жизни, ориентируются с помощью ультразвука, который периодически сопровождается тонким писком. Странно, что до сих пор на эту особенность лори ученые, по-видимому, не обращали внимания. А мы слышали самые громкие моменты «разговора» наших лори.

На следующее утро, встав с восходом солнца и наскоро позавтракав, мы отправились вдоль берега с намерением вернуться домой лишь к середине дня, когда ожидалось прибытие катера из Мандапама. Нам должны были привезти пресную воду и продукты, которые были совсем не лишними: корзина опустела, и взять с собой в поход по острову было нечего.

Нагруженные рюкзаками и ведрами, с сачками в руках идем по тропинке, проложенной между пальмами, направляясь к северо-западной оконечности острова. Вначале дорога совсем ровная, затем начинают попадаться небольшие песчаные холмики. Всюду, где только пальмы уже не могут расти из-за обилия песка, густо разрастаются панданусы. Их мясистые, зазубренные по краям, длинные листья покрыты восковым налетом, придающим зелени матовый, белесоватый оттенок. Плоды пандануса ярко-оранжевые, похожие по форме и цвету на зрелый ананас, висят довольно высоко над землей. Их сладкую мякоть часто расклеывают птицы.

Никаких интересных наземных животных нам не попадалось, видели лишь норы, принадлежащие какому-то мелким грызунам, скорее всего крысам. Крысы в изобилии живут почти на всех коралловых островах, хоть раз посещавшихся человеком. Конечно, здесь, вблизи от большого пути из Индии на Цейлон, крысы обитают уже давно.

Тропинка, постепенно отклоняясь влево, выходит на берег моря и теряется в прибрежном песке. Мы оказались на северной стороне той бухты, к югу кото-

Стрелы мангров. Крусай

рой вышли накануне, когда собирали олив. Поворачиваем направо и идем вдоль берега по еще негорячему песку, собирая раковины из выбросов. Северо-западную оконечность острова образует пологая коса, уходящая в море. Проходим довольно далеко по мелкой воде, поднимая густую муть. Здесь дно хотя и песчаное, но со значительной примесью ила. Олив тут совсем нет, но зато можно набрать много различных двустворчатых моллюсков, живущих на илистых грунтах.

Следуя вдоль береговой линии, огибаем оконечность острова и за одним из мысов попадаем в густые заросли мангров.

Ярко-зеленая глянцевая листва мангров нависает над мутноватой водой. Массу зарослей, как обычно, составляют кусты ризофоры (*Rhizophora*). Их легко узнать по многочисленным воздушным корням, отходящим от стволов и дугообразно спускающимся в воду. Куст на этих корнях стоит как на высоких подпорках. Среди кустов ризофоры много цветущих, и крупные желтые, розовые, красные цветы выделяются на фоне листвы. На многих кустах есть уже и плоды.

Ризофора, если можно так выразиться,— живородящее растение. Ее семена прорастают, пока плод еще висит на ветке. Проросток имеет вид стрелы, оперенной на хвосте парой листочков. Такие проросшие плоды висят острием вниз, раскачиваясь на ветру. Оборвавшийся плод падает строго вертикально (листья при этом служат стабилизатором) и втыкается острым концом в ил. Вокруг каждого куста ризофоры всегда имеется молодая поросль, образовавшаяся из таких «живых стрел». Если плод оторвался от ветви во время прилива, когда весь нижний этаж мангрового леса залит водой, его унесут волны. Где-нибудь его прибьет к илистому берегу, и вдали от материнского растения появится новый мангр.

Нарвав почти созревших плодов, мы не удержались от соблазна испытать, сколько из них воткнется в грунт. Выпущенная из руки «стрела» в 9 случаях из 10 неизменно втыкалась глубоко в ил. Зрелище было настолько эффектным, что мы сняли все это на киноплентку. Впоследствии цветные кадры с манграми оказались одними из наиболее удачных.

Кроме ризофоры в зарослях мангров были растения авицении (*Avicenia*) — низкие кусты, окруженные торчащими из ила короткими вертикальными воздушными корнями. Несколько поглубже в зарослях стояли невысокие деревья бругиеры (*Bругіега*). Мангровые растения относятся к различным систематическим группам. Их объединяет лишь общность приспособления к обитанию на границе моря и суши на илистых грунтах.

Пробраться в глубь мангровых зарослей мы не смогли, так как стволы и воздушные корни стояли сплошной стеной. Воспользовавшись отливом, пошли по колено в воде вдоль мангров со стороны моря.

Мангры являются средой обитания целого сообщества тропических организмов. Здесь держатся особые, специфические виды животных. Один из наиболее характерных жителей мангров — маленькая рыбка илистый прыгун, с которой мы познакомились еще в Тарополевал-аквариуме, — был замечен и здесь. Но поймать его так и не удалось. Сероватые рыбки, плотно прижимаясь к воздушным корням ризофоры, становились совершенно незаметными. Стоило протянуть к ним руку, как они спрыгивали в воду и исчезали среди корней.

Пока мы бродили вдоль стены мангров в поисках хоть какого-нибудь прохода в заросли, отлив достиг своего предела. Перед мангровыми кустами обнажился довольно широкий илистый пляж, на котором осталось много мелких луж. Обычно в таких лужах во время отлива сосредоточивается много различных животных, не переносящих обсыхания. Переходя от лужи к луже, мы собирали рачков, моллюсков и мелких иглокожих и отошли в сторону моря метров на двадцать. Грунт повсюду был илистый, очень вязкий, поэтому мы шли медленно, с трудом вытаскивая ноги из жидкой грязи. Неожиданно один из нас (А. В. Яблоков), шедший несколько мористее, провалился почти по пояс и начал медленно погружаться еще глубже. Поблизости не было ни палки, ни ветви, ни другого предмета, на который можно опереться.

— Рюкзак! Снимай скорее рюкзак!

В дело пущены сачки, брошенные в ил крестом, и с помощью протянутой руки потерпевший с большим

трудом был извлечен из ила. Пришлось идти обратно, чтобы слегка отмыть себя и сачки от налипшей грязи. Только когда мы дошли до более твердого дна и выкупались, появилась возможность взять в руки фотоаппарат и полевой дневник. Снова отправились к манграм и уже с большей осторожностью продолжали их обследование. Заросль тянулась вдоль берега на расстояние около полукилометра. Затем дно стало более песчаным, появились обломки кораллов, мангры на берегу стали редеть, и мы вошли в заросли. Если на берегу, где дул легкий ветерок, было просто жарко, то внутри мангровых зарослей стояла духота. Накаленные солнцем темно-зеленые листья, казалось, сами источали зной, как калориферы. Воздух был совершенно неподвижен, до предела насыщен влагой. Вокруг цветущих кустов ризофоры на берегу порхало множество разнообразных бабочек.

Наступило самое жаркое время дня, все живое в это время старается спрятаться в тень. Пройдя еще около полукилометра вдоль песчаного пляжа, мы подошли к нашему домику одновременно с Е. В. Жуковым, который вышел из лаборатории встретить катер, уже приближавшийся со стороны Мандапама.

После обеда, выпив чуть не ведро настоящего, несоленого чая, мы продолжили обход острова. На этот раз пошли вправо от дома, на юго-восток. Берег здесь слагается из мелко крошеного кораллового известняка почти без примеси песка и ила. Зайдя в воду, можно найти отдельные колонии живых кораллов, между которыми снует масса маленьких коралловых рыбок. Большинство из них питается мягкими тканями кораллов и потому имеет клювовидный маленький рот с острыми челюстями. Действуя ими как кусачками, коралловые рыбки откусывают полипы и могут разгрызать твердую известь скелета кораллов. Как в огромном аквариуме, здесь можно было встретить беложелтого с черными полосками хениохуса (*Heniochus acuminatus*), зеленого в черных пятнах и с оранжево-красными плавниками скатофага (*Scatophagus argus*), продольно-полосатую, плоскую, как ладонь, рыбу-бабочку (*Chaetodon colluris*) и совершенно фантастического морского нетопыря (*Platax teira*). Спинной и анальный плавники нетопыря разрастаются настолько силь-

но, что сбоку рыбка становится похожей на летящую летучую мышь. Каждый вид держался отдельной стайкой, но временами все смешивалось в пестром кружащемся хороводе.

Собрав образцы кораллов и разложив их на берегу для просушки, мы двинулись к оконечности острова, сложенной из массивных глыб известняка. Здесь хозяйничал океанский прибой. Волны с шумом разбивались о высокий берег и перекатывали довольно большие обломки отмерших колоний кораллов.

Складываем все имущество повыше на берегу, надеваем маски и спускаемся в прозрачную теплую воду. Дно круто уходило вниз. Всюду завалы из обломков колоний и белые глыбы полипняка. Здесь живут очень красивые совершенно черные морские ежи величиной с апельсин, с длинными иглами — ежи-диадемы (*Diadema*). Лучше не прикасаться к таким ежам: их тонкие иглы имеют множество направленных назад зазубрин. Игла легко входит в тело, и ее кончик обламывается. Зазубринки мешают ее удалению, и всякая попытка вынуть обломок приводит только к его дальнейшему погружению. Зная это, мы подцепляли ежей прямо ведром и набрали довольно много. Попалось несколько интересных морских звезд и маленький осьминог, а также много моллюсков и раков-отшельников. Пришлось сделать перерыв для размещения и консервирования сборов.

Тщательно обследовав оконечность острова, пошли дальше по берегу и, обогнув небольшой мыс, оказались на коралловой отмели, которую уже посещали накануне. Таким образом, за один день мы обошли весь остров и познакомились почти со всеми его уголками.

Выбор места для биологической станции несомненно был удачными. На островке имеются и песчаные и илистые пляжи, есть мангры, небольшой коралловый риф и довольно глубокие лагуны и бухточки. Приехавший сюда специалист может получить животных из разнообразных биоценозов моря и постоянно иметь нужный для исследования живой материал.

Остаток этого дня и первая половина следующего посвящены этикетированию и упаковке собранных животных. Пальмовыми ветвями обкладываем нежные колонии кораллов и бережно упаковываем их в ящики. Сухие мад-

репоровые кораллы очень ломки, они звенят, как настоящий фарфор, и так же легко бьются.

После обеда на небольшой долбленной лодке вышли в пролив между Крусадаем и соседним островом Адамова моста. Драга — металлическая рама с привязанным в ней мешком из мелкаячейстой сети — принесла обильный улов крабов, актиний и морских червей — полихет. Переплыв пролив, вышли на песчаный остров для сбора морских выбросов.

Не прошли мы и нескольких шагов, как перед нами, взметая сухой песок, промчалась крупная — сантиметров 40 длиной — ящерица с длинным тонким хвостом. Конечно, мы погнались за ней, предполагая, что на ровной песчаной отмели без единого кустика ей негде будет скрыться. К нашему удивлению, ящерица быстро пробежала вдоль берега и... скрылась в воде. Так как в этом месте было мелко, вода была очень прозрачной, и можно было видеть, как ящерица продолжает бежать по морскому дну. Вскоре ей, однако, пришлось всплыть, чтобы вдохнуть. Она, видимо, собиралась снова нырнуть, но была схвачена за длинный хвост и вынесена на берег. Ящерица шипела, угрожающе открывала рот и в полиэтиленовом мешке все еще продолжала сопротивляться.

Собрав большую коллекцию пластинчатожаберных моллюсков и поймав несколько крабов, вернулись на Крусадай.

Следующий день в киносъёмках. Нашими героями были актинии, осьминоги, морские ежи, крабы и ценюбиты. Ночью крабы, находившиеся в коробке за дверью нашего домика, подняли, как обычно, страшную возню, пытаясь убежать. Вероятно, это-то и привлекло внимание какого-то небольшого четвероногого хищника. Он скинул с крышки коробки обломок коралла и съел всех крабов, оставив нам только их панцири. Рыхлый песок позволял судить лишь о размере лап ночного вора, но кто это был, установить, к сожалению, не удалось. Во всяком случае собак на острове не было. Пришлось следующей ночью вновь ловить крабов с фонарем.

Последний день на Крусадае ушел на сборы. Мы снова побывали на рифе и еще раз полюбовались живыми кораллами. К вечеру за нами пришел катер, и с наступлением темноты мы уже были в Мандапаме.

КЕРАЛА

Тривандрум — Летучие лисицы — Перелет в Кочин — Над чем работают ученые Эрнаулама — Жук на вертеле — Иисус маскируется Шивой — На берегах Перияра — Слоненок Захир — Как работают слоны — Национальный парк Тхеккади — В Индии есть дикие слоны — Птица-носорог — Парад слонов в храме Шивы.

В просторной столовой институтского гест-хауза в Мандапаме завтрак подан в шесть часов утра. Впереди — поездка через Мадuru в Тривандрум, и времени до отхода поезда остается мало. Сто километров от Мандапамы до Мадuru пассажирский поезд преодолел почти за пять часов, останавливаясь на каждом, даже маленьком полустаночке. Но народу в этом поезде меньше, чем в том, на котором мы прибыли в Мандапам.

Мадuru встретила нас предпраздничной суетой. Тепам-фестиваль — один из самых популярных в этом городе праздников. Везде — во всех двориках, прямо на улицах — красят коровам рога, по улицам бегают раскрашенные яркими красками собаки, овцы. Встречаются коровы, перевитые пышными и яркими бело-желтыми гирляндами цветов с вплетенными в них серебряной и золотой мишурой. Жаль, нельзя задержаться в Мадуре на день: судя по всему, праздничные процессии и торжества должны быть очень красочным и необыкновенным зрелищем. Но нам пора ехать на аэродром, где уже готов к вылету маленький «фоккер-френдшип».

Сверху видны бесконечные ровные поля, поля... Поля совсем зеленые, чуть-чуть зеленые, желтые и залитые водой. Тут и там зияют широкие круглые отверстия колодцев. Но вот под нами уже знакомые тропические горы, покрытые вечнозелеными лесами. На этот раз мы пересекаем Кардамоновы горы. Незаметно горы переходят в холмы, тоже покрытые лесами, но не такими непроницаемо густыми. На склонах холмов и по доли-

нам кое-где опять появляются поля. Деревень нигде не видно, лишь усадьбы из двух-трех больших домов. Как-то незаметно естественный лес сменяется рощами кокосовых пальм, местность становится ровнее, и кругом, куда ни взглянешь,— пальмы, пальмы...

Тривандрум — цель нашего путешествия — появился среди зелени кокосов как-то неожиданно. Тут и там стали проступать среди деревьев большие здания, показался стадион, бассейн с вышкой, большой, шестиэтажный дом с колоннами. А кругом те же пальмы.

Сверху город почти не виден. Только когда оказались на его улицах, убедились, что Тривандрум совсем не маленький городок и действительно столица штата Керала. Керала в переводе значит «кокосовый орех», и это как нельзя более удачное название. Кокосовые пальмы — всюду, на сравнительно небольшой территории штата растет более 42 процентов всех кокосовых пальм Индии. При этом надо учесть, что Индия по площади, занятой кокосовыми пальмами, — на втором месте в мире после Филиппин.

Керала — один из самых своеобразных штатов Индии. Здесь, в этом «вечном саду юга», на «драгоценной земле востока» очень высокая плотность населения — более тысячи человек на квадратный километр, местами в сельских местностях выше 400 человек, это самая высокая плотность населения даже для густонаселенной Индии. Коренное население Кералы — дравидийские племена малаяли и тамилы. Здесь наиболее высокий процент христиан — свыше 30 процентов населения, и здесь же развит культ шиваистов. В жизни этого штата очень заметно влияние коммунистической партии. В Керале почти 40 процентов населения — грамотные, что во много раз выше, чем в других штатах республики. Это все мы узнали из путеводителя. А проезжая по тенистым улицам Тривандрума, мы видели на стенах домов огромные надписи, призывающие голосовать за коммунистическую партию, и не видели нищих. Даже на центральных улицах встречаешь места, не застроенные бесчисленными магазинами, как во всех городах других штатов. Люди на улицах, занятые своими заботами, практически не обращают внимания на иностранцев — действительно, Керала отличается от всего того, что нам пришлось увидеть до сих пор в Индии.

Отправляемся в центр города, к стенам индуистского храма, около которого заметили огромную колонию летучих лисиц. На нескольких больших деревьях висят, пищат, двигаются не менее 5—6 тысяч огромных летучих лисиц (*Pteropus giganteus*). Они относятся к подотряду плодоядных рукокрылых, или летучих собак. Как ясно уже из названия, питаются эти создания в основном плодами растений, чем и отличаются коренным образом от наших летучих мышей, основная пища которых состоит из насекомых. Хотя крыланы — и летучие лисицы, и летучие собаки — могут летать и днем, все же это преимущественно сумеречные и ночные животные. Целыми стаями нападают они на созревшие плоды бананов, манго, винограда. Как мы потом узнали в Кокосовом институте, летучие лисицы с помощью своих сильных челюстей умудряются даже прогрызать оболочку молодых кокосовых орехов и высасывать из них молоко и мякоть.

Колония над нашей головой живет своей жизнью. Пока одни лисицы спят, уцепившись одной ногой за ветку и закутавшись в крылья (тогда они похожи на черные кульки), другие ползают по деревьям. При лазании пользуются цепкими задними лапками и единственным свободным пальцем на крыле. Глаза у большинства зверьков широко открыты. Это можно видеть даже без бинокля, прямо с улицы — они висят на высоте около 10 метров над проезжей частью дороги. Хорошо, что на широкой улице редкие телеги и двухэтажные автобусы не мешают нам осматривать со всех сторон это замечательное поселение. В действие приведены все наши кино- и фотоаппараты.

Попадая в косые лучи утреннего солнца, лисицы лениво обмахиваются как веерами то одним, то другим крылом, перепонки которых поблескивают своей внешней стороной. Когда голова зверя повернута в сторону, хорошо видны длинные вытянутые зубастые мордочки.

Вот от какого-то шума сотни лисиц с громкими отрывистыми криками взлетают в воздух. Тут же, сделав два-три круга над деревьями, шумно усаживаются обратно. Взлетают легко, без видимых усилий, так же легко мажут своими широкими крыльями. Когда садятся на ветку, то сразу хватаются за нее мощными когтистыми лапами и решительно складывают крылья, не охораши-

ваясь, как птицы. Висят и на зеленых и на сухих ветвях, причем на сухих их больше и висят плотнее. С дороги хорошо видны во дворе храма несколько фикусов, сухие ветви которых сплошь увешаны лисицами. Десятки крыланов висят на ближайших пальмах, вцепившись снизу в их длинные листья.

Поймать бы десяток-другой таких страшилищ! Но об этом нечего и думать. В отличие от других частей Индии в индуистские храмы штата Керала европейцев не пускают, а все лисицы, как будто зная, что на территории храмов им обеспечена безопасность, гнездятся именно здесь. Да и как поймать этих подвижных, сильных животных?

Вид колонии летучих лисиц был настолько захватывающим зрелищем, что мы не заметили, как простояли около них часа полтора. В оставшееся до отлета из Тривандрума время осматриваем город. Он весь прорезан многочисленными судоходными каналами, которых мы не могли заметить с самолета из-за густых кокосовых пальм. Здесь берега превращены в длинные причалы, где стоят большие плоскодонные лодки, нагруженные выше человеческого роста огромными связками спелых кокосов и койрой.

Аэродром в Тривандруме совсем недалеко от города. Старенькая «дакота» почему-то долго не заводится; наконец после манипуляций с левым винтом она ожила и бодро понесла нас вдоль побережья Кералы. Кроме нас в самолете несколько христианских священников. Летим все время над берегом моря. Видны огромные квадратные «пауки» — сетки для лова рыбы, поднимающиеся из воды системой блоков. Здесь их называют «китайскими сетями». Пролетели Куилон, с его изрезанным заливами побережьем, под нами Алеппи, от которого начинается огромная, вытянутая вдоль берега моря до самого Кочина лагуна. А вот и цель нашего путешествия — Кочин и Эрнаулам, расположенные рядом по берегам бухты, третий по величине после Калькутты и Бомбея морской порт Индии. Мягкий тропический климат — он ближе к экваториальному, чем в любой другой части Индии, — в сочетании с прекрасной естественной гаванью и плодородной низменностью делает район Кочин — Эрнаулам важнейшим жизненным центром штата Керала.

В Эрнауламе, сравнительно небольшом городе с

населением 50 тыс. человек, находится несколько интересных учреждений, ведущих работу в области биологии моря. Первый наш визит был на кафедру морской биологии и океанографии университета Кералы. Заведующий — профессор Г. Куриан недавно вернулся из Югославии; он работал на морской станции в Сплите, где встречался с Д. В. Наумовым. Профессор много рассказывал тогда об Индии и своей кафедре и теперь был очень рад подробнее познакомить вас со своей работой. Основная тематика исследований — биологическая продуктивность моря у Малабарского побережья. В Керале много солоноватых водоемов — заливов, лагун и каналов, в которых в изобилии водятся крупные креветки, кстати, очень вкусные. Изучение биологии солоноватоводных организмов является существенной частью научной работы кафедры. Эти исследования важны и потому, что большая часть населения побережья Кералы живет рыболовством.

Из беседы с профессором Курианом узнаем, что основная масса добываемых креветок экспортируется в Бирму, так как большинство местных жителей — убежденные вегетарианцы. Транспортируют креветок на такое большое расстояние, почти не применяя никаких мер для сохранности продукта: говорят, этот товар в любом состоянии находит сбыт. Не менее странным нам показалось и использование добытой рыбы: значительная часть улова идет на удобрение.

Под одной крышей с кафедрой морской биологии находится Индийский биологический центр по изучению океана. Этот центр основан в связи с работами по программе международного года изучения Индийского океана. Заведующий центром — доктор Л. Р. Катуриранган провел нас в большую светлую комнату, где за огромным общим столом сидели 12 сотрудников, занятых разбором планктонных проб. По международному договору все исследовательские суда, работавшие в 1959 — 1960 годах в Индийском океане, передавали в Центр каждую седьмую планктонную пробу. Накопился огромный материал, потребовавший серьезной научной обработки. Работа Центра ведется при значительной помощи ЮНЕСКО, куратор от этой международной организации постоянно работает в Эрнауламе. При нас этим куратором был норвежский планктонолог доктор Хансен, а

вскоре после нашего отъезда в Эрнакулам прибыл сотрудник Института океанологии Академии наук СССР М. Е. Виноградов.

В Центре ведется предварительная разработка планктонных проб, после чего материал посылается для определения крупнейшим планктонологам мира. Мы осмотрели коллекции Центра и ознакомились с документацией. Все было в образцовом порядке.

Очень интересной была встреча с доктором Р. Прасадом, заведующим морской станцией в Эрнакуламе, которая принадлежит Рыбохозяйственному институту в Мандапаме. Доктор Прасад, планктонолог по специальности, был одним из трех индийских ученых, работавших в 1960 году на «Витязе». До этого доктор Прасад принимал участие в известных международных экспедициях на «Галатее» и «Альбатросе».

Станция в Эрнакуламе создана совсем недавно — в 1961 году. Основные ее задачи — изучение биологии промысловых рыб и беспозвоночных (в первую очередь ракообразных) и анализ лова в прибрежных водах.

— Сейчас промысловый лов рыбы у берегов Кералы ведется на глубинах до 30 метров, — рассказывает доктор Прасад, — более глубокие, очень богатые рыбой части Аравийского моря только начинают осваиваться. Но в экономическом отношении нам пока наиболее выгоден промысел ракообразных — креветок и лангустов, — продолжает он. — Вы, наверное, слышали, что более 15 процентов общей морской продукции в Индии приходится на морских беспозвоночных? И девять десятых этих беспозвоночных добывается на Малабарском побережье.

17 января. Наш рабочий день начался в 8 часов. Нам предстоит проехать около 100 километров по побережью до станции Центрального кокосового института. От Кочина до Алеппи дорога проложена по длинной песчаной косе. Кругом все те же пальмы. Среди пальм разбросаны домики из пальмовых листьев, но встречаются и вполне современные коттеджи. То и дело встречаются пруды с пологими берегами. Сначала непонятно, почему вода не уходит — держится в этих песчаных берегах, но после того как несколько раз среди пальм заблестело море, становится ясно, что уровень грунтовых вод здесь очень низок. Наверное, именно поэтому на таком безжизненном песке, где даже трава не должна расти, шумят

роскошные пальмовые рощи, хорошо растут бананы. В небольших долинках с более темной илистой почвой — рисовые поля. На большинстве из них кипит работа — либо пашут на буйволах, либо рыхлят землю мотыгами.

До полудня еще далеко, но уже очень жарко. Большинство встречных — с большими черными зонтами. Народу здесь живет действительно много. Трудно сказать, где кончается одна деревня и начинается другая. Ориентируемся только по границам районных блоков, отмеченных табличками на шоссе.

Среди встречных — очень много монахинь и монахов. В деревнях, пожалуй, чаще, чем индуистские храмы и святилища, встречаются небольшие фигурки девы Марии и Христа. Индуистские храмы в этой части страны невыразительны: одноэтажные глухие здания, рядом с которыми стоит обычно священное дерево, одинокая каменная колонна и на лежащих у храма камнях вырезаны грубые фигуры.

Иногда дорога подходит к самому берегу моря и видны огромные черные лодки, стоящие на песке, группы стройных мужчин и женщин, тянущих невод из моря. Часто дорога пересекает небольшие каналы. Район Алеппи называют «Венецией Востока». На любом из каналов, даже на самых маленьких, видны джонки, большие, высоконосые, крытые посередине. Прямо на берегу моря — небольшие рыбные рынки. Здесь же рыбаки выбирают из сетей еще трепещущую сардину, а у шоссе уже стоит целая вереница велосипедов с прилаженными впереди и сзади большими плетеными корзинами. Их наполняют рыбой, перекладывая ее кусками льда и песком. Говорят, что таким образом даже при здешней жаре можно перевозить рыбу на велосипедах на 40—50 км. На шоссе часто встречаются телеги с горами койры кокосов, изредка проходят и грузовые рикши, втроем-вчетвером толкающие нагруженную койрой тележку.

Кокосовая станция института занимает большую площадь на побережье недалеко от Куилона. Главные ее задачи — поиски эффективных способов выращивания кокосов, борьба с вредителями пальм. Здесь нас угостили копррой — вкусной мякотью зрелого кокосового ореха. Понравилась она, впрочем, не всем; кому-то копра показалась похожей по вкусу на сырую картошку.

Просим показать и рассказать, как ухаживают за

Группа школьниц на прогулке в окрестностях Эрнакулама

пальмами. Тут же молодой индеец — один из технических служащих станции, едва прикасаясь ладонями к стволу пальмы, начал ловко взбираться наверх. Почти бегом взлетел на двадцатиметровую высоту и специальным железным прутиком с зазубриной на конце извлек из середины пучка листьев на вершине крупного жука. Других способов борьбы с жуками-носорогами ориктами (*Oriectes*) пока не придумали. Эти вредители уничтожают нежную мякоть еще не развернувшихся листьев на вершине дерева.

Другой бич пальм — личинки жука-долгоносика, обитающие в древесине и подтачивающие деревья. Мы увидели страшные результаты хозяйничанья этих личинок в роще.

На кокосовой станции наши коллекции пополнились не только жуками. Нам удалось с большим трудом поймать огромную древесную агаму *Calotes versicolor*, живущую на стволах деревьев и кустарников. Калотесы — одни из самых распространенных ящериц Южной Азии, обыкновенно буроватого, серо-оливкового или желтоватого цвета с поперечными неясными темными полосками. Короткое туловище, длинный — три четверти общей длины тела — хвост, голова в виде четырехгранной пирамиды, тонкие ноги, высокий гребешок из чешуек по спине — вот как выглядит эта ящерица, длина которой более 40 сантиметров.

Замечательная способность калотеса — резкое изменение окраски тела. Из серого он может быстро стать черно-красным с пятнами, розовым или интенсивно-коричневым. По быстроте движений эта агама не уступает нашим обыкновенным ящерицам. Потребовалось немало прыти, чтобы загнать ее в щель между корнями кустарника и схватить там.

Гордые добычей, мы вернулись к зданию станции, и тут тот же самый ловкий служащий, который умеет бегать по пальмам, увидев наш трофей и узнав, что мы будем очень рады получить еще таких же животных, предложил свои услуги. Недалеко от здания станции стояла небольшая хижина из пальмовых листьев, окруженная изгородью из сухих сучьев. Дав нам сигнал замереть, наш провожатый подобрал с земли черешок пальмового листа, оторвал от него длинную нить, ловко свернул ее удавкой и на цыпочках двинулся вперед,

к изгороди. Мы с интересом наблюдали за ним, стараясь обнаружить на изгороди ящерицу. Можно было поклясться, что на сухих ветвях ничего живого не было. Короткое резкое движение — и в затянувшейся петле из пальмовой нити бьется великолепный экземпляр калотеса. Через короткое время мы и сами научились обнаруживать агам, затаившихся на изгороди и слившихся окраской и формой тела с сухими ветвями.

Наши коллекции позвоночных пополнились на территории станции еще двумя видами. Это были местные виды настоящих летучих мышей. Используя опыт, накопленный в Коимбатуре, нам удалось и здесь выгнать около полутора десятков мышей из щелей между балками. Узнав, что мы интересуемся и летучими лисицами, гостеприимные хозяева отвезли нас к местному деревенскому храму километрах в 3—4 от станции. Здесь, внутри ограды, на большом баньяне висело несколько сотен крыланов. Висели эти звери и на стоящих рядом деревьях у ограды рыночной площади, но поймать их все равно не было никакой возможности.

Вернулись в Кочин уже затемно, проехав в этот день по дорогам кокосового штата более 300 километров.

Другая интересная экскурсия была проведена в предгорную часть Кералы, в противоположную сторону от моря, к самой большой реке Кералы — Перияру, текущей с вершин Кардамоновых гор. Стоит проехать от Эрнаулама несколько километров в сторону от моря, как местность заметно меняется. Исчезают песок и кокосовые пальмы. Появляются долины, а в пальмовых рощах — подлесок из небольших деревьев. После Альвайе, небольшого городка, раскинувшегося на невысоких холмах, сворачиваем с асфальтовой дороги, едем по уютному проселку мимо пальмовых рощ, чередующихся с плантациями каучуконоса — гевеи, перца, бамбука, мимо деревьев кешью — орешки кешью излюбленное лакомство индийцев.

В долинах — рисовые поля.

Километров через 50 от Эрнаулама на высоком берегу Перияра стоит поселок местного лесничества — Коданад. В лесничестве на заготовке леса используют прирученные слоны. Нам очень хотелось посмотреть их работу, и мы попытались добраться до лесоразработок в горах. Туда ведет, как нам объяснили, хорошая

тропинка. Однако, проблуждав несколько часов по огромным плантациям салового дерева и тика, мы так ничего и не нашли. Но со слоненком Захиром мы познакомились. Он был пойман несколько месяцев назад при очередном отлове диких слонов. Сейчас Захир — удивительно симпатичное, добродушное и послушное существо, высотой метра в полтора, покрытое редкой темной шерстью. Стоит он в открытом загончике, привязанный толстой веревкой за ногу, и с удовольствием жует бананы, которые мы ему даем, вперемешку со свежей травой. Мягкий и нежный хобот так и норовит ощупать все новое и интересное. Потом мы наблюдали, как работник лесничества водил его на водопой, сильно зажав его нежное ухо в руке. Слоненок, как послушная собака, шел туда, куда указывал проводник, даже не делая никаких попыток освободиться. Лет через шесть-семь пойманные слоны могут использоваться на настоящей работе в лесу. А пока Захир постепенно начинает понимать людей, которые с любовью относятся к нему.

На очищенных от леса участках по берегам Перияра мы видели посадки тапиоки — небольшие, метра два-два с половиной высотой, тонкие деревца, с продолговатыми клубневидными съедобными корнями. Тапиоку едят и в сыром виде (мы тоже ее пробовали, изрядно проголодавшись) и изготавливают из нее муку. Как образно пишет О. Х. К. Спейт, тапиока может расти на бедных латеритовых почвах, «так же пригодных для сельского хозяйства, как железнодорожный балласт». По вкусу тапиока напоминает сочную, но грубую кочерыжку капусты. В этот день наши сборы пополнились несколькими большими скорпионами, которых удалось поймать под камнями в лесу.

Самая значительная и интересная наша поездка в Керале состоялась 19—21 января в Кардамоновы горы, в крупнейший из индийских заповедников — Тхеккади. Дорога проходит через городок Коттаям — центр деятельности христианских миссий. В этом районе в каждой деревушке обязательно стоит небольшая церковь. Правда, Христос в Индии изображается в индийском варианте: он экспрессивен, размахивает руками и изда- лека можно принять его за танцующего Шиву.

Выше в горах за Коттаямом начинаются плантации кофе, чая, эвкалиптов и перца — мы примерно в том же

природном поясе, что и при путешествии в горы Нилгири. Очень живописная дорога вьется по краям ущелий на высоте километра над уровнем моря. В одном из небольших поселков по дороге наблюдаем работу ручных слонов. Они перетаскивают бревна. Слон ловко берет в рот и зажимает зубами толстенный канат с узлом на конце, к другому концу каната цепью (чтобы не терся о землю) прикрепляют огромное бревно. Для этого в каждом бревне со стороны комля сделано сквозное отверстие. Слон перетаскивает волоком бревно на нужное место и там ловко укладывает бивнями и головой в штабель. Погонщик негромко командует: «направо, налево, стой, иди, опустишь на передние колени, толкай лбом вперед, возьми веревку в зубы» — и эта громадина послушно двигается.

На границе штатов Керала и Мадрас, в самом центре Кардамоновых гор, берет начало река Перияр. В 1900 г. в горах была построена высокая плотина, перегородившая русло Перияра, в результате чего образовалось обширное водохранилище с поверхностью водного зеркала около 30 квадратных километров. Береговая линия водоема очень сильно изрезана, много бухт, протоков, далеко выдающихся мысов и полуостровов. Пологие, покрытые лесом горы спускаются прямо к воде. Часть приозерной территории представляет собой саванну. Теперь здесь на площади свыше 670 квадратных километров организован заповедник — Национальный парк Тхеккади. Осмотр заповедника совершается с небольших катеров. Благодаря этому можно близко видеть много разнообразных животных и не беспокоить их. Заповедник, расположенный не так уж близко от основных дорог, в год посещает до 50 тысяч человек. Для обслуживания такого потока посетителей имеется десятков катеров по 16—20 мест в каждом.

В три часа дня, в сопровождении офицера лесной службы мы отправляемся осматривать заповедник. Уже через 10—15 минут наш провожатый показывает трех диких слонов, пасущихся на откосе горы между редкими деревьями. Слоны отошли от берега километра на полтора, и рассмотреть хорошенько их можно в бинокль. Плыдем дальше. Неожиданно наш катер резко меняет направление, и офицер указывает в сторону деревьев совсем недалеко от берега. Под одним из них

В заповеднике Тхеккади

виднеется огромный буровато-серый камень. Вдруг этот «камень» зашевелился, стали ясно видны хобот, бивни, розовые раковины ушей, и перед нами предстал большой слон. В первый момент нас больше всего поразило то, что на совершенно открытом месте, на расстоянии всего 50—70 метров слона можно не заметить. Мы подъехали еще ближе. Слон не обращал на нас никакого внимания, продолжал мирно пастись: отошел от дерева, встал на берегу боком к катеру, перешел через поляну к другому большому дереву, схватил хоботом толстую ветвь и начал ее обламывать. В зоопарках, где слоны получают траву, сено, корнеплоды, они берут корм всегда кончиком хобота. На воле слон, отломив хоботом ветку, наступает на нее ногами, затем ведет хоботом по ветке, пропуская ее, как сквозь кулак, сквозь

мягкий конец хобота. Собрал листья в пучок, слон отправляет его в рот.

В тот вечер и на другой день утром во время экскурсии по заповеднику мы видели вблизи еще нескольких слонов. Один из них залез по брюхо в озеро и поливал себя водой. Затем он подошел к берегу и стал хоботом вырывать пучки сочной прибрежной травы. Перед тем как отправить такой пучок в рот, он тщательно полоסקал траву в воде, чтобы смыть с корней прилипшую землю.

Нам рассказали, что в Тхеккади живет около 3000 слонов, 50 тигров, много замбаров, мышинных оленей, кабанов, леопардов, медведей, индийских бизонов — гауров. Этим бизонам мы увидели рано утром, когда от воды еще поднимался густой туман. На освещенной первыми лучами солнца небольшой полянке у берега спокойно паслось стадо гауров голов в 50, среди них были и взрослые огромные самцы и совсем маленькие детеныши. В густой и высокой траве виднелись лишь темные спины и настороженно направленные в нашу сторону головы животных с лировидными рогами. При нашем приближении стадо организованно отступило в глубокую тень прибрежного леса.

Но действительно редкое животное мы увидели спустя несколько часов в дальнем районе заповедника. Это была птица-носорог (*Dichoceros cavatus*), или гомрей,— одна из самых крупных птиц Индии, до полутора метров в длину. Огромный клюв с костными наростами сверху дал ей имя. Удивительна ее манера гнездиться. На время высиживания птенцов самка забирается в глубокое дупло старого дерева, а самец замуровывает его глиной. Остается лишь узкая щель, через которую самец кормит самку. Питаются птицы-носороги различными плодами. Когда птенцы выводятся, самка, кончившая к этому времени линьку, с помощью самца разбивает замурованный вход. Дупло вновь заделывается, и теперь уже и самец и самка принимают участие в выкармливании потомства. Полагают, что замурованный вход надежно защищает самку и неуклюжих птенцов от крупных четвероногих хищников, в первую очередь от леопардов, которые ловко лазают по деревьям.

На обратном пути из Тхеккади мы снимали цветущий бомбакс. Голые серые деревья, ветви, покрытые острыми

и крепкими шипами, и по ветвям ярко-алые крупные цветы. А внизу, в долинах — сплошные леса, лишь кое-где плантации кофе и чая. Бомбакс растет здесь только на высоте не ниже 1000 м над уровнем моря, и его голые ветви с цветами кажутся на вершинах гор символами весны.

Посещением Тхеккади можно было бы и закончить описание нашего знакомства с Кералой, но оно будет неполным без рассказа о знаменитом фестивале в храме Шивы, свидетелями которого мы были. Узнав из газет о нашем прибытии в Кочин, капитан Кришна Айяр, бывший министр коммунистического правительства штата, пригласил нас к себе. Сад дома примыкает к высокой стене храма Шивы, внутрь которого, как и обычно на Юге, чужеземцев не пускают. Сам храм представляет собой несколько приземистых зданий под черепичными крышами, стоящих посередине и по краям огромного двора. Мы заняли места вдоль каменной стены, уцепившись за какие-то выступы и высунув головы с фотоаппаратами над ее верхним краем. Вот наконец в дальнем конце двора появились семь слонов разной величины.

Самый большой, темно-серый слон занимает место в центре, самые маленькие — по краям. На головах всех слонов — треугольные золототканые попоны с круглыми золотыми бляхами и красно-синими кистями по бокам. На загривке каждого слона укреплен ручка высоченного зонтика, под которым сидят по три человека. На крайних слонах зонты синего цвета, ближе к середине — оранжевые и красные, а средний зонт на самом большом слоне — сочного зеленого цвета. Каждый зонт оторочен длинной золотой бахромой, переливающейся в солнечных лучах. Зонты украшены большими золотыми вензелями и бляхами. На среднем слоне рядом с ручкой зонтика укреплен большой золотой щит.

Впереди каждого слона появляется бритоголовый полуголый монах, собирается большая толпа. По какому-то знаку сидящие на спинах слонов раскрывают белые веера и начинают одновременно размахивать ими. Движения вееров чередуются с ритмичными взлетами больших белых кругов с золотой серединой. Все это сопровождается непрерывным глухим барабанным боем. После выстрела маленькой старинной пушки слоны делают 5—6 шагов вперед и замирают. Через несколько минут — еще 5—6 шагов вперед и опять замирают неподвижно. Вновь

начинается движение вееров и бело-золотых кругов. Часа за полтора вся процессия продвинулась не более как на 100 метров по длинному двору. Судя по темпам движения, это шествие должно продолжаться по крайней мере всю ночь. Хозяева подтверждают, что действительно фестиваль, часть которого мы наблюдали, продолжается не один день, а целую неделю, и это шествие — лишь одна его часть.

Красочный фестиваль был для нас финалом знакомства с Южной Индией. На другой день утром мы уже ехали в аэропорт. На придорожный плакат «Good bye! Come again!» все мы посмотрели с пониманием. Действительно, хорошо бы побывать здесь еще раз!

ГЛАВА IX

ХАЙДАРАБАД — ВАЛТАИР

В сердце Индостана — Человек со словновыми ногами — Древняя Голконда — Летучие лисицы пойманы! — А не заразились ли мы бешенством? — Весна в лесу — Куда Брахма спрятал строительный мусор при сотворении мира? — Валтаир — На берегу Бенгальского залива — Путь в Калькутту

Весь день 23 января мы в пути. В 12 часов вылетели из Кочина, через два часа пообедали в знакомом нам аэропорту Коимбатура, долго ждали самолета в Бангалуре, где была пересадка, и в полной темноте прилетели в «Сердце Индостана» — Хайдарабад. По пути еще раз, как на большой географической карте, под нами промелькнули пальмовые рощи и лагуны побережья Аравийского моря, полоса рисовых полей в предгорьях, холмы с каучуковыми плантациями, лесистые горы. Горы плавно поднимаются от моря и огромным уступом обрываются в долину Поннани. Через Палгхатский проход мы попадаем на Деканское плато. Поля, редкие группы пальм, посадки казуарин, колодцы. Вспоминаем экскурсии в окрестностях Коимбатура и Бангалура. Кажется, что с тех пор прошло много-много времени.

Итак, началось наше путешествие с юга Индии на север. Хайдарабад — столица штата Андхра Прадеш — по индийским масштабам совсем «молодой» город. Он был заложен в 1589 году правителем Голконды Мохаммедом Кули Кутб Шахом. Сейчас в городе около 1300 тысяч жителей, он стал выдающимся культурным центром Индии. Такое положение Хайдарабада в Индии определяется тем обстоятельством, что эта территория была единственным крупным государственным образованием из наследства Великих Моголов, центром мусульманской (исламской) культуры в Индии.

Хайдарабадские правители — низам-уль-мульк («устроитель дел государства»), или просто низамы, — в бурной истории средневековой Индии не раз предавали национальные интересы страны, выступая в союзе с англичанами и французами, против национально-освободительного движения. Англичане оценили преданность низама, не тронув формально его княжества Хайдарабад. Впрочем, для обеспечения верности «нашего верного союзника низама» в 10 километрах от города был создан огромный военный город Сикандарабад с английским гарнизоном, едва ли не самым большим в Индии. Сейчас последнему низаму, как говорят, самому богатому человеку в мире, за девяносто лет. Правительство Республики Индии лишило его всех политических прав, оставив ему награбленные у народа богатства и установив солидную ежегодную пенсию в несколько миллионов рупий*.

Профессор Сингх появился у нас рано утром, и сразу после завтрака мы посетили его кафедру в Османском университете. Эта кафедра зоологии — одна из крупнейших в Индии. Здесь осуществляются разнообразные исследования по анатомии и развитию рыб, земноводных, пресмыкающихся и млекопитающих, по применению биологических методов борьбы с вредителями сельского хозяйства, но основное направление работ — паразитология. Сам профессор Сингх — крупнейший паразитолог, хорошо известный во всем мире как специалист по болезням, вызываемым круглыми червями — нематодами. Сре-

---

* Более подробно о жизни в Хайдарабаде можно узнать в интересных книгах В. Крашенинникова («По Декану», М., 1963) и Л. Шапошниковой («По Южной Индии», М., 1962). Оба автора долго преподавали в Османском университете Хайдарабада и подробно описывают жизнь города.

ди последних работ кафедры — большое исследование пс нитчатке Банкрофта — паразиту, вызывающему у людей слоновую болезнь.

Жизненный цикл паразита довольно сложен. Взрослые черви, живущие в лимфатических сосудах человека, рожают живых личинок, которые проникают в кровяное русло. Днем они держатся в сосудах легких, в сердце и в аорте, а к ночи сосредоточиваются в капиллярах кожи. Благодаря своим ничтожным размерам (0,2—0,3 мм длиной при толщине не более 10 микрон) личинки вместе с кровью попадают в желудок комаров, нападающих на людей обычно в ночное время. Когда комар сосет кровь здорового человека, то личинки активно пробираются через его хоботок в кожу и далее в лимфатические сосуды. Здесь из маленькой личинки вырастают тонкие (всего 0,1—0,3 мм в диаметре), но довольно длинные черви. Самки достигают длины до 9 см. Взрослые паразиты скапливаются в большом количестве в лимфатических узлах и сосудах, закупоривают проходы и способствуют, таким образом, застою лимфы. К застою лимфы присоединяется болезненное разрастание и отвердение подкожной клетчатки. Конечности сильно увеличиваются в размере, как бы опухают, становясь похожими на толстые ноги слона. Впервые мы увидели больного слоновостью в Три-вандруме. В разгаре наблюдений за летучими лисицами на улице показался такой больной. Это был пожилой мужчина, который медленно ковылял в нашу сторону, волоча толстую, как бревно, ногу, изрезанную глубокими складками в местах сочленений. Другая нога, хотя и не была так страшно раздута, тоже была поражена.

Слоновая болезнь, как это ни удивительно, не вызывает болезненных ощущений, кроме неудобств, связанных с массивностью и ненормальной тяжестью измененного органа. Человек шел медленно, но при этом весело нам улыбался, по-видимому, он уже привык к своему несчастью и смирился с ним. Известно, что слоновая болезнь поддается терапевтическому лечению лишь в начальный период, запущенные формы можно лечить только хирургическим путем, но практически они уже неизлечимы.

К счастью, далеко не у всех людей, в теле которых паразитирует нитчатка Банкрофта, она вызывает слоновость. Часто люди внешне выглядят совершенно здоровыми. Так, обследование показало, что на Коморских ост-

ровах от 80 до 90 процентов населения имеет в крови личинок нитчатки, однако слоновость выражена у очень небольшого числа людей.

Кафедра зоологии ведет большую работу по разъяснению населению необходимости применения профилактических мер, которые в общем довольно легко выполнимы. Необходимо, оберегаясь от комаров, спать под марлевым пологом. Живя на юге Индии и в Хайдарабате, мы, несмотря на жару, старались спать под пологом, чтобы уберечься от комаров.

В Османском университете наука о паразитических червях — гельминтология достигла очень высокого уровня. Здесь хорошо знают и высоко ценят труды наших крупнейших паразитологов академика К. И. Скрябина и В. А. Догеля.

В один из дней после обеда отправляемся в Голконду. Этот «пастуший холм» (голла-конда), превращенный в XVI веке правителями из династии Кутб Шахов в первую по тем временам крепость, привлекал толпы придворных поэтов, торговцев, ремесленников, искавших защиты у сильной власти. Конец существованию Голконды положил Аурангзеб, осадивший город и разграбивший его в 1687 году так, что он больше не возродился.

Сейчас здесь можно видеть хорошо сохранившиеся пояса стен Верхнего и Нижнего форта, развалины дворца и служебных помещений внутри. Камни, серая безжизненная земля, редкие деревья. Может быть, поэтому мы отправились в небольшой парк, расположенный к северо-западу от крепости, с издалика видными куполами огромных мавзолеев.

Здесь похоронены все правители Голконды. Время пощадило их гробницы. Они сейчас стоят, наверное, такие же торжественные и напыщенные, как и 300 лет назад: широкая массивная платформа, как бы приподнимающая все сооружение, арки, галереи, карнизы, а надо всем — огромный купол в венце из стилизованных лепестков, завершающийся острым точеным шпилем. У нас хватило терпения осмотреть только одну, самую большую гробницу, где похоронен Абдула Кутб-Шах. Внутри пусто, ничего нет, кроме мраморных надгробий. Если поверхность надгробия гладкая — лежит женщина, если с клином наверху — похоронен мужчина. Мы думали на этом и кончить знакомство с Голкондой, но вышло иначе.

Доктор Дж. Салем, специалист по паразитам млекопитающих, узнав, что мы давно мечтаем получить в коллекции летучих лисиц, предложил нам принять участие в ловле этих животных. Как—это он обещал показать непосредственно на месте, а пока мы договорились встретиться на следующий же день, с утра. И вот доктор Салем с лаборантом — веселым, уже пожилым, но быстрым в движениях мужчиной — и мы вдвоем забираемся в старенькую машину и катим по уже знакомой дороге в Голконду.

Сразу же идем к высоким Фатех-дарваза — Триумфальным воротам Нижнего форта. За раскрытыми створками трехэтажных ворот, усаженных огромными коваными шипами, прошлый раз мы не заметили совсем маленьких ниш, ведущих в привратные помещения. Сумрачные комнаты с еле пробивающимся откуда-то сверху через узкую бойницу лучиком света дохнули на нас сыростью и прохладой. Под арками сводов на высоте 6—7 метров видим несколько висящих летучих мышей.

— Это не для нас, — замечает доктор Салем. — Посмотрим, что делается в другой башне.

Вылезаем к воротам и едем к другой башне Нижнего форта. С трудом открыв небольшую деревянную дверь за воротами, проникаем в такое же башенное помещение. Здесь, пожалуй, запущенней, на полу горы невесть откуда взявшейся земли, пониже своды. Но зато здесь и больше летучих мышей. С громким писком начинают они носиться над нами, чуть не задевая нас. Не теряя времени, начинаем размахивать сачками, но результаты ничтожны — всего две мыши. И тут вступает в действие метод доктора Салема. Его помощник ловко соединяет несколько бамбуковых колен, и в руках у него оказывается длинный шест с гибким и тонким концом. Этот тонкий конец он тщательно обмазывает густой и липкой массой. Несколько секунд — и к протянутому во мрак шесту приклеились две летучие мыши. Скорее, скорее снимать их и в клетку, предусмотрительно захваченную нашим провожатым. Тут-то дело пошло веселее: не прошло и 15 минут, а в клетке уже сидело по крайней мере полтора десятка небольших летучих собак — розитт (*Rousettus leschenolti*) — единственных из фруктоядных летучих собак, селящихся в пещерах и заброшенных зданиях. Тут уж мы отложили в сторону наши бесполезные сачки и только

помогали снимать прилипших зверьков и сажать их в металлическую сетку. Потом оказалось, что наловили мы в башне Голконды не один, а два разных вида. В обществе летучих собак жили самые настоящие летучие мыши, но более крупные, чем наши.

В конце концов мы разогнали колонию. Встревоженные животные поднялись в верхние, более светлые помещения башни, иные, пользуясь одним им известными ходами, перелетели в соседние полуподвальные помещения, попасть куда мы смогли бы только после основательных раскопок. Но ловля, оказывается, только началась, и главная охота была впереди. Наша машина двинулась в Хайдарабад.

Хайдарабад стоит на реке Муси, которая в январе кажется ручейком. С большого Ная пул («Нового моста») видны два самых красивых здания города, выдержанных в так называемом индо-сарацинском стиле: Османия-госпиталь и здание Верховного суда штата. Недалеко от здания суда стоит четырехэтажный городской колледж. Между ними — тенистый сад с фикусами и акациями. И на этих деревьях висят гроздьями все те же крыланы, птеропусы, или просто летучие лисицы. Висят в густой листве деревьев и, пожалуй, выше, чем в Тривандруме.

Снова из нескольких колен составляется длинная палка. Теперь она по крайней мере 7—8 метров длиной. Ее осторожно поднимают и просовывают между ветвей. До ближайшего крылана остается не меньше метра. С мастерством жонглера наш помощник надставляет еще одно колено. Тихонько сбоку подводит он тонкий верхний конец к шевелящемуся крылану. Легкое, почти невидимое снизу прикосновение — и крылан срывается с ветки и раскрывает свои могучие крылья. Ушел! Нет, одно из крыльев плотно приклеилось к липкому шесту. Скорее вниз! Молниеносно разбираются колена, и вот шипящий, бьющий свободным крылом и угрожающе щелкающий зубами крылан у нас в руках. Для тебя, дружок, есть еще одна клетка, побольше! Вот так, поштучно, нам удалось добыть 11 крыланов, заполнить все наши клетки.

Уже в лаборатории университета, разбирая нашу добычу, мы принялись выяснять у Салема, что это за чудодейственный клей, так здорово «улавливающий» летучих мышей. Оказалось, что в состав этого клея входит смола розового дерева и что таким способом испокон веков ло-

вили птиц в деревнях Телинганы. Большого нам узнать не удалось.

Именно во время нашего пребывания здесь случилось несчастье: околели оба веселых лори, которых мы купили на базаре в Мадрасе. Они безропотно переносили все тяготы путешествия на самолетах, на поездах, на автомобилях, но чего-то им не хватало. Накануне они покусали нас обоих. Это-то и встревожило: не взбесились ли они? Бешенство среди диких животных широко распространено в Индии, особенно в больших городах. Заразиться этой страшной болезнью лори могли на Мур-маркете, где животных содержат в большой тесноте. Но если так, то нам надо немедленно делать прививки против бешенства, здесь каждый час промедления может оказаться роковым. И началось наше непредвиденное программой знакомство с лечебными учреждениями нескольких индийских штатов — ведь прививки надо делать в течение двух недель подряд.

Больница в Хайдарабаде, куда нас привезли для прививок против бешенства, помещалась в нескольких корпусах разной величины. После короткого визита к начальству нас ведут в процедурную. У дверей большая очередь: пожилые скромно одетые мужчины, женщины, дети. Всех их покусали бешеные животные. Люди молча посторонились, повинувшись жесту ведущего нас врача. Чувствуем себя несколько неловко, но отступать уже поздно. Вакцинация производится в небольшой полутемной комнате (полутемной сравнительно с уже ставшим привычным ослепительным наружным освещением). Бесплатная медицинская помощь, кстати была законом у древних индийцев. Первые свидетельства об общественных бесплатных больницах и аптеках относятся к периоду до нашей эры (тогда даже существовали специальные больницы для животных!), а в эпоху династии Гуптов (IV—VII века) такие больницы функционировали уже в каждом городе. Вообще говоря, индийские медики древности могли бы многому научить нас. Вот что по этому поводу пишет Ф. И. Щербатской: «Мы с гордостью, как о большом достижении современной медицины говорим о пластических операциях на лице. Образованные индусы должны встречать такие утверждения с усмешкой. 1,5—2 тысячи лет назад в индийской хирургии были обычными такие операции, как ринопластика (создание искусствен-

ного носа), операции по формированию новых ушей и губ. Общее количество применявшихся при операциях хирургических инструментов превышало 200!».

26 января Индия праздновала День Республики. Учреждения не работали, и для нас наступило время полевой экскурсии. Профессор Сингх предложил нам отправиться в лесной массив Нарасапур. Как мы пожалели, что плохо знаем флору! Здесь растут самые разнообразные лиственные деревья. Кое-где на сучках еще есть листья. Но что это за листья! Огромные, сантиметров в 30—40 длиной, сухие, желтые. Ворохами листья лежат на земле. На них наступаешь, и они трещат как сухой хворост. Повсюду на дороге — грозные надписи, предупреждающие, что курить и вообще зажигать огонь в лесу категорически воспрещается. Если бы не эта сухость и жара, лес был бы очень похож на наш осенний.

В лесу разделяемся на группы. Константин Александрович завел с профессором Сингхом бесконечный разговор на паразитологические темы. Е. В. Жуков принялся помогать Николаю Сергеевичу в сборе кокцид, а мы вдвоем по какой-то тропинке направились к вершине поросшего лесом холма. Вскоре, однако, мы поняли, что треск листьев под нашими ногами должен распугать все живое на километр вокруг. Обычно в лиственной подстилке леса прячется много разнообразных животных — пауков, насекомых, пресмыкающихся, грызунов. Но сколько мы ни ворошили листву, ничего найти не могли. Лишь многочисленные норы и норки говорили о том, что в этот период все живое укрылось от жары глубоко в землю.

По лесу разносится все время какой-то шум и шорох. Это ветер шуршит огромными сухими листьями, временами поднимая их выше верхушек деревьев. И среди такого шуршащего мертвого леса неожиданно встречаем деревья карникакра, сплошь усеянные крупными ярко-желтыми цветами. В индийских легендах появление этих крупных цветов на темно-серых голых сучках связывается с весенним приходом бога любви Камы. Отломив одну из веток такого дерева, мы с удивлением обнаружили, что вся она пропитана влагой, сок каплями падал с излома. Значит, где-то в глубине корни достают воду. Около цветов карникакра и рядом с крупными красными кистями цветов тилака — дерева, растущего в низинке поодаль, вьются миниатюрные

птахи, столь маленькие, что сначала мы приняли их за бабочек. Ну конечно же, это нектарницы, порхающие у сочных цветов и с помощью длиннющего клюва высасывающие нектар.

Проходя мимо одной из каменных гряд, мы обратили внимание на какие-то вертикальные белые полосы, аккуратно нарисованные на камнях. По тропинке, которая еще заметна, поднимаемся между валунами. Они выше человеческого роста. На самой вершине гряды среди огромных валунов сооружен небольшой храм: вырубленная в плоском камне дверь ведет в тесное продолговатое помещение. У дальней стены вертикально стоит каменная плита с изображениями одной большой фигуры и двух поменьше, на чисто выметенном каменном полу в углу стоит свежий веник, а у каменной плиты с барельефами фигур — остатки курительных палочек (агрбатти), подношения богам — яркие тряпочки, узелки с какой-то засохшей снадью. Сквозь многочисленные щели в камнях приятно тянет сквознячок, из каменного проема двери открывается великолепный вид на всхолмленную даль, покрытую невысоким кустарником и блестящими озерами. Ни деревень, ни полей, ни людей кругом не видно. И тем не менее храм не выглядит заброшенным. Кто-то регулярно ходит сюда, подправляет белые полосы на камнях, окружающих святилище, подмазывает красной краской лица высеченных в плите фигур и мажет той же краской голову и хобот сидящего на барельефе у основания холма Ганеши.

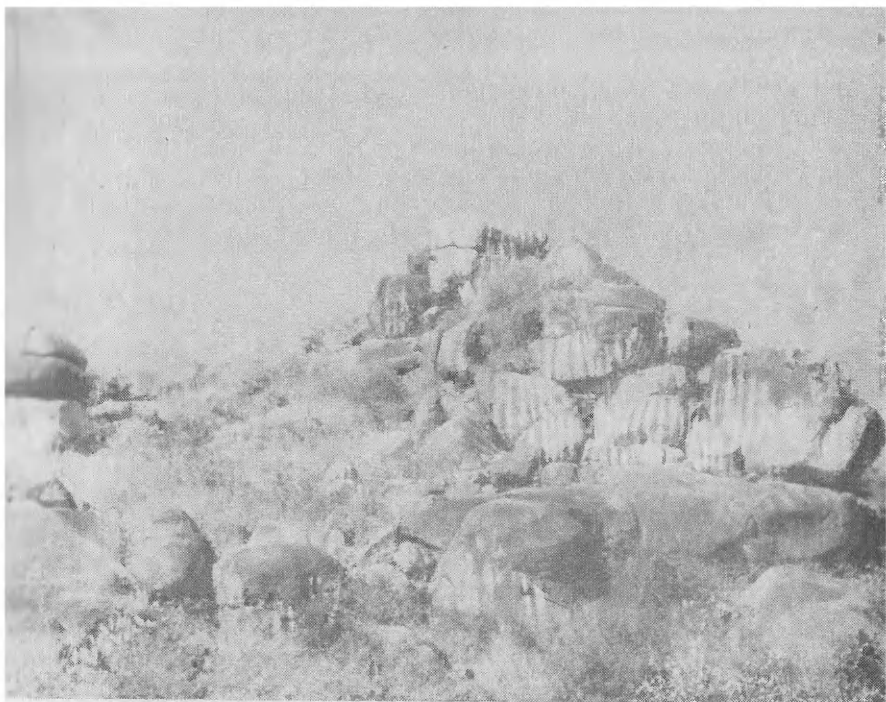
Подъехав ближе к Хайдарабаду, останавливаемся у каменистой гряды с живописно громоздящимися каменными глыбами. Кажется, эти гигантские камни положены друг на друга нарочно. Некоторые из них нагромождены в три-четыре этажа. Многие имеют округлую форму, и их даже можно покачать. Но, подойдя поближе, видишь, что такие огромные каменные глыбы сложить одну на другую не сможет и современный человек с его техникой. Кажется, малейшего движения достаточно, чтобы вот такой огромный камень весом тонн 30—40 покатился вниз, но он лежит неподвижно здесь сотни лет и, наверное, пролежит еще не меньше, если расторопные каменщики, следы работы которых видны у подножия гряды, не сделают из него отличные каменные блоки.

Эти гранитные глыбы неправильной формы производят неизгладимое впечатление. Говорят, когда Брахма — бог-созидатель окончил сотворение мира, то у него осталось много лишнего материала. Он, не зная, куда бы его пристроить, решил все собрать в одно место и сбросить эти глыбы сюда, в окрестности Хайдарабада. Это предание слышала княгиня О. А. Щербатова, побывавшая в окрестностях Хайдарабада в 1891 г. Впрочем, если принять эту гипотезу, остается непонятным, как удалось Брахме, используя только граниты и гнейсы, из которых сложены эти валуны, соорудить такой великолепный мир.

Возвращаемся в город. Сегодня большой национальный праздник Индии — День Республики. На зданиях правительственных учреждений развеваются оранжево-бело-зеленые полотнища флагов, полицейские в наутюженных белых кителях и ярко-синих брюках, всюду в поселках процессии школьников с флажками и небольшие митинги.

На следующий день с центрального вокзала Хайдарабада экспрессом отправляемся в Валтаир, университетский городок на побережье Бенгальского залива. Тепло прощаемся с профессором Сингхом, сопровождавшим нас во всех поездках в Хайдарабаде. Через полчаса прибываем в Сикандарабад. На вокзале в маленьком книжном киоске можно купить книги Золя, Горького, Шекспира. Здесь меньше мусульманских фесок и ширвани. Как символ Хайдарабада вспоминается Чар-Минар с индуистским храмом и мечетью на крыше.

Почти сутки мы провели в поезде, шедшем на восток от Хайдарабада, и прибыли в Валтаир в самую жаркую пору дня. Нас встречал профессор П. Н. Ганапати — известный гидробиолог, заведующий кафедрой зоологии университета штата Андхра Прадеш в Валтаире. Мы разместились в маленьком гест-хаузе университета, где к услугам гостей имеется десяток комнат на двух этажах. В микроавтобусе отправляемся за город осматривать старинный индуистский храм. Он стоит недалеко от города на высокой горе, похожей по форме на сахарную голову. К нему ведет широкая каменная лестница, насчитывающая тысячу ступеней. Николай Сергеевич уже с утра жаловался на сердце и потому, услышав о числе ступеней, решил остаться внизу. К нему присоединился и Евгений

Среди камней — небольшой храм Шивы.
Окрестности Хайдарабада

Витальевич, остальные начали медленно подниматься по крутой лестнице.

Обычно рядом с храмами можно встретить лишь паломников и туристов. Но у этого храма несомненно были и местные жители. Оказалось, что на вершине горы, у самого храма — маленький поселок, жители которого то и дело должны преодолевать эту тысячу ступеней. Внизу у лестницы сидели группы нищих. Нас, уже как будто привыкших к таким зрелищам и как-то притерпевшихся к ним, поразил калека-мальчик с изуродованными, высохшими, скрюченными ногами. Получив от нас монетку, он неотступно следовал за нами по лестнице в надежде получить еще что-то.

На другой день проснулись мы очень рано и, не дожи-

даясь завтрака, отправились вдвоем к морю. Идти надс было около километра, вначале по асфальтированной улице, потом по пыльной грунтовой дороге. У самого моря пересекли небольшую пальмовую рощу и вышли на широкий песчаный пляж. Сперва мы взобрались на грядку больших камней и стали собирать там моллюсков и крабов, а затем решили пренебречь акулами и искупаться. Поплыли в сторону небольшой скалы, выступающей из моря метрах в 200 от берега. Вода приятно освежила. На обратном пути к берегу увидели в море еще двух пловцов. Это оказались К. А. Бреев и Е. В. Жуков, которые тоже решили искупаться до завтрака. Утро действительно было чудесное, и вода очень теплая. Но пришлось торопиться с возвращением, так как предстоял визит на кафедру зоологии университета Андхра Прадеш.

Тематика работ кафедры зоологии университета Андхра Прадеш, как и во многих других университетах, довольно разнообразна. Здесь ведутся исследования и по цитогенетике и по паразитологии, но главное направление работ — морская гидробиология, — вероятно, продиктовано близостью моря. Наиболее интересные работы связаны с особенностями гидрологического режима Бенгальского залива. В сухие месяцы, с января по июль, когда речной сток значительно уменьшается, соленость воды в заливе достигает нормальной океанической, то есть равна 3,5 процента. Но с наступлением дождливого периода реки выносят в море огромное количество пресной воды и опресняют воду вблизи берегов до 1,9 процента. Усиление речного стока и связанное с этим увеличение в море биогенных веществ, приносимых реками, вызывает бурное развитие мельчайших одноклеточных водорослей — фитопланктона, а затем и зоопланктона, главным образом мельчайших рачков. В это время у берегов появляются большие скопления планктоноядных рыб, за которыми следуют хищные рыбы. Недалеко от Валтаира впадает в Бенгальский залив крупнейшая река Южной Индии — Годавари. Кафедра изучает также фауну эстуариев (солонатоводных участков дельты) Годавари.

Нельзя не упомянуть о цитогенетических исследованиях, проводящихся под руководством доктора М. В. Рао. Он изучает особенности наследственности у простейших

Здесь потрудились циклопы

Резная колонна храма.
Андхра Прадеш

организмов. Эта работа требует очень сложной методики, поскольку для получения сравнимых результатов необходимо постоянно иметь совершенно одинаковый (в генетическом смысле) подопытный материал. Для этой цели на кафедре уже более 8 лет содержатся культуры 12 различных видов инфузорий и жгутиконосцев. Не много найдется в мире лабораторий, где эта работа проводится на столь высоком методическом уровне.

Расписание нашей поездки по Индии неутомимо подгоняет нас. И вот мы опять в поезде, идущем теперь на север вдоль побережья Бенгальского залива. Из окон видны лишь прибрежные равнины с полями риса и арахиса. Пейзаж не меняется и после пересечения границы штата Орисса. Справа виднеется большое солончатое озеро Чилка — точнее, это морская бухта, отделенная от Бенгальского залива очень длинной узкой косой. Далее дорога пересекает реки Брахмани и Байтара-

ни, образующие единую очень широкую дельту. Где-то слева от нас остался Пури со знаменитым храмом Солнца.

Наступила душная ночь, и мы долго ворочались на жестких полках вагона. Утром поезд шел уже по Западной Бенгалии, приближаясь к Калькутте. Заметно изменился ландшафт. Хотя кругом равнины и повсюду заливные рисовые поля, но уже не видно деревень. Мелькают усадьбы, хутора. Каждая усадьба состоит из нескольких домиков под высокой двускатной крышей из листьев гальмиры. Задолго до того как показалась сама Калькутта, начались ее пригороды: масса лачуг, стоящих на кривых узких улочках. В воздухе висел сизый дым от тысяч очагов, в которых беднота готовит себе еду.

Г Л А В А X

КАЛЬКУТТА

*Что грозит иностранцу в Калькутте —
Зачем нужна Зоологическая служба Индии? — Священные коровы — Драгоценный подарок русским зоологам — Живые чудеса Калькуттского зоопарка — В дельте Ганга — Слепые дельфины — Самое большое дерево в мире*

На огромном вокзале Калькутты нас встречают старые знакомые — профессора Рунвалл и Мани. Полдень, и, хотя небо безоблачно, солнце тускло пробивается сквозь мглу дыма и пара. От городского чада — смога — сразу начинают слезиться глаза. Едва отъехав от вокзала, попадаем в мощный поток транспорта. На всех перекрестках — «пробки». Особенно долго стояли перед большим мостом через рукав Ганга — Хугли. Короткая дорога до гостиницы заняла у нас более часа. Едва мы разместились по комнатам, как профессор Рунвалл приглашает всех в холл обсудить программу работы в Калькутте и предстоящую поездку в Дарджилинг и Ассам. В Калькутте кроме детального ознакомления с Зоологической службой Индии мы собираемся посетить Ботанический сад, университет, а также два пригородных института — Сельскохозяйственный и Институт рыбоводства,

побывать в зоопарке. Кроме того, договариваемся о выезде в природу, в том числе о коллекционном рейсе по дельте Ганга.

Так как работы по программе должны начаться лишь на следующий день, мы решили посвятить вечер традиционному знакомству с городом. К вечеру количество дыма на улицах, кажется, еще увеличилось. На тротуаре, у самых дверей отеля, толпятся продавцы всяких мелочей — расчесок, бритв, сигарет, игральные карт. Тощий старик, громко крича, чтобы ему уступили дорогу, медленно идет по тротуару. Перед ним, размахивая лапами, бежит какое-то темное странное существо. Оно шныряет то вправо, то влево, и его движения напоминают движения пловца. Устремляемся к старику, чтобы получше посмотреть невиданного зверя, а он вдруг взметнулся, и мы видим его в руках хозяина. К нашему изумлению, «зверь» оказался бумажным. Это искусно сделанная из плотной раскрашенной бумаги водяная черепаха. Внутри — нехитрый механизм из деревянной катушки с накрученной резинкой и длинной ниткой, пропущенной сквозь отверстие в спине. Подтягивая и ослабляя нитку, игрушку приводят в движение. Старик достает из сумки несколько таких черепах, оказывается, они к тому же складные. Цель торговца достигнута — внимание к товару привлечено, теперь уж не так трудно получить и четверть рупии за игрушку. Вечером в номере отеля мы поочередно практикуемся в вождении черепахи.

Кроме торговцев у отеля постоянно шныряют какие-то подозрительные личности: предлагают обменять доллары, продают «драгоценные» камни, готовы вызвать такси или карету. Они же могут познакомить вас с «очень красивой девушкой». Единственный надежный способ избавиться от подобных людей — демонстративно не обращать на них внимания. Пройдя сквозь строй этих «деятелей», поджидающих постояльцев большой гостиницы, оказываемся в уличной толпе. Вот, кажется, спокойный переулочек. Здесь стоят ярко размалеванные извозчичьи пролетки, и возницы наперебой предлагают доставить седоков в любой конец города. В конце переулка большой крытый базар — «New Market». Мы попали в крупнейший торговый центр города, состоящий из многих сотен мелких лавочек, объединенных под од-

ной крышей. Лавочки стоят тесными рядами и очень напоминают наши торговые ряды в пассажах.

При входе в него нам попадается мальчишка.

Ну, это бывалый хлопец! Он секунду изучающе смотрит в наши лица, пытаясь угадать, кто мы. Затем встает по команде смирно, прикладывает ладошку к голове и четко произносит всего одно слово «Отвали!». Все ясно: научился у наших моряков. Он заразительно смеется и через минуту в качестве провожатого ведет по длинным рядам между лавочек к большой надписи, висящей у входа: «Дорогие друзья! Заходите к нам. Здесь говорят по-русски. Имеется большой выбор товаров». Наш гид скромно остается снаружи, пока мы покупаем себе нейлоновые рубашки. Когда мы вышли из магазина, в руках у мальчика уже была корзина, в которой и оказались все покупки. Долше всего задерживаемся в лавочке, где торгуют изделиями резчиков по дереву. Здесь можно увидеть настоящие произведения искусства, которые к тому же доступны нам по цене. Красивые резные столики, полочки, фигурки животных, прежде всего слонов... Каждый из нас выбирает несколько небольших вещей — и в Индии багаж в самолете не должен превышать 20 килограммов.

Сориентировавшись в переплетении улиц, возвращаемся к отелю другой дорогой. На ней — свои «постовые». У перекрестка стоит мальчик лет десяти. Завидев нас, хватается рукой за живот и, хромя на обе ноги, метров 100 плетется за нами с жалобными стонами. «Ба-а-кши-и-ш, бакши-иш, сэр», — тянет он. Ничего не получив и дойдя до следующего угла, «калека» вдруг преображается. Весело гикнув и подмигнув нам очень задорно, он во всю прыть мчится обратно на свой пост на перекресток.

Вернувшись в гостиницу, идем в ресторан и выбираем столик подальше от оркестра. На столах — свечи, полумрак. Но оркестр неистовствует. В освещенном центре зала танцуют две или три пары. Наибольшим успехом пользуется твист, после которого кто-то вяло аплодирует. Перед концом ужина в зал вошел служащий отеля с маленькой грифельной доской на палке. Подходит поочередно ко всем столикам. Доходит и до нас. На доске мелом было крупно написано: «D-г Вреев». Оказывается, Константину Александровичу Брееву при-

шла посылка с образцами веществ, отпугивающих кровососущих насекомых.

Калькутта, или, как ее называют сами индийцы, Калкатта, — ныне крупнейший город Индии и всей Юго-Восточной Азии. Уже сейчас в Большой Калькутте более 7 миллионов жителей. Датой основания Калькутты считают 1690 год, когда англичанин Джоб Чарнок построил в окрестностях деревни Калигхатта и древнего храма богини Кали * первую торговую факторию.

С 1773 по 1912 год Калькутта была столицей Британской Индии. Возникнув как торговый центр, Калькутта вскоре стала и большим промышленным городом. Основой промышленности вначале были рисоочистительные, хлопкоочистительные и джутовые заводы, но затем здесь появились металлообрабатывающие предприятия. Вместе с тем Калькутта выросла в важный культурный центр. При правительственных учреждениях были организованы особые департаменты, так называемые службы (Survey). Теперь среди таких служб есть Зоологическая, Ботаническая, Геологическая, Археологическая и Антропологическая.

Зоологическая служба была создана специальным декретом правительства Индии 1 июля 1916 года.

В Индии живет не менее 80—100 тысяч видов различных животных. Жизнь многих из них связана с деятельностью человека и его хозяйством. Естественно, что изучение состава и распространения фауны Индии является важнейшей задачей Зоологической службы. Ею постоянно организуются экспедиции во все уголки страны для изучения животных и сбора научных коллекций.

В хранилищах Зоологической службы имеется около 650 тысяч экземпляров животных, относящихся к 43 тысячам видов. Сохранение и увеличение этой Национальной зоологической коллекции — еще одна задача Службы. Много внимания в деятельности Зоологической службы уделяется публикации научных трудов. Основное издание — это «Фауна Индии». В свет вышло 85 то-

---

* Богиня Кали (букв: «Черная») — в индийской мифологии супруга Шивы, богиня-мать, но она же и богиня смерти и несчастья. Изображается то в виде свирепой многорукой с ожерельем из черепов, то в виде тигрицы, то в виде нежной матери. Другие имена Кали — Дурга («Неприступная»), Парвати («Дочь гор»).

мов, посвященных описанию почти всех групп животных. По широте охвата материала, по общему объему, по числу описанных животных «Фауна Индии» уступает, пожалуй, только одному аналогичному многотомному изданию в мире — «Фауна СССР». Служба имеет шесть филиалов, ведущих работу в различных районах страны. Задача филиалов — сбор коллекций, полевые наблюдения, получение всевозможной информации. Два из этих филиалов мы уже посетили (в Пуне и Мадрасе), филиалы в Шиллонге, Дехра-Дуне и Джодхпуре нам еще предстояло посетить. Один такой филиал более подробно будет описан, когда пойдет речь об Ассаме. В штате Зоологической службы работает много специалистов, поэтому различные учреждения и частные лица посылают в Калькутту свои коллекции для определения. Вследствие этого Служба всегда находится в курсе того, где и как ведутся исследования, и в какой-то мере может их координировать. Директор ее — официальный консультант правительства Индии по вопросам зоологии.

С утра отправляемся на улицу Читтаранджан, где находится штаб-квартира Зоологической службы и размещается часть научных лабораторий. У входа в здание, перед маленьким сквером, наблюдаем, видимо, обычную для всех, но очень интересную для нас сценку. На низеньком заборчике сквера, против морды большой белой коровы, сидит ворона. Обе очень заняты друг другом. Корова подставляет вороне гноящийся левый глаз, а та очень осторожно что-то из него выклевывает.

Чтобы не повторять многочисленных рассказов путешественников об обилии коров в городах Индии, скажем, что только в Калькутте, где коров относительно меньше, чем в других городах страны, их насчитывается около 60 тысяч. Коровы бродят по улицам, заходят в магазины, мешают нормальному движению транспорта. Далеко не все они «священные», у большинства из них есть формальные хозяева, которые, впрочем, не утруждают себя заботой о своей собственности.

Поголовье крупного рогатого скота в Индии огромно и превышает 200 миллионов голов. Это значит, что одна корова или один буйвол приходится в среднем на двух-трех человек. Но большая часть этого скота не играет никакой роли в народном хозяйстве, не давая ни мяса,

ни молока, не используется в качестве тягловой силы. Планирующие органы видят выход в резком сокращении числа коров, что дало бы возможность улучшить их племенной и породный состав, интенсифицировать сельское хозяйство во многих районах. Эти предложения кое-где претворяются в жизнь. Так, из Калькутты до 1960 г. было вывезено более 50 тысяч коров, и планируется удалить остальных на специальные фермы.

Политика правительства в этом вопросе встречает резкое противодействие со стороны религиозно настроенных кругов, протестующих против сокращения числа коров. Этим положением в последнее время пользуются реакционные партии (например, Джан Сангх), которые провоцируют переход от ненасильственного сопротивления политике правительства Индиры Ганди (вроде многодневного стояния на одной ноге или на голове) к вооруженным выступлениям «в защиту коров». Такой серьезной политической и хозяйственной проблемой обочивается экзотическое обилие коров на улицах городов Индии.

Вернемся, однако, к биологической стороне вопроса. В Индии приходится говорить не только о разных породах, но и о разных зоологических видах и даже родах! Благоприятные природные условия — сочетание богатой фауны горных и равнинных лесов с очагами первобытного земледелия — пять-шесть тысяч лет назад определили роль Индостана как центра формирования многих современных пород крупного рогатого скота*.

Еще до прихода ариев дравидийские племена уже приручили буйволов, зебу и гауров. С приходом кочевых скотоводческих арийских племен число пород скота многократно увеличилось. Оставим пока в стороне гауров и гаялов («га» или «го» — по-древнеиндийски — корова, «ур» — близко к нашему «тур»), происхождение и взаимные отношения между которыми не особенно ясны и специалистам и которые в одомашненном виде встречаются лишь на крайнем северо-востоке Индии. В Индии существует не менее 40 пород обыкновенного крупного рогатого скота. Прежде всего это зебувидные породы, находящиеся в отдаленном родстве с

---

* См. С. Н. Боголюбский, *Происхождение и преобразование домашних животных*, М., 1959.

нашим домашним скотом. Главное отличие зебувидного скота или просто «зебу» — в хорошо выраженном горбе, узкой и длинной голове с обычно поднятыми вверх рогами. Горб зебу — не что иное, как своеобразный жировой резервуар, подобный курдюку овец. Судя по тому что уже у 30-сантиметровых зародышей можно обнаружить закладку этого горба, возник он в эволюции вида очень давно. Возможно, именно отложения жировой ткани в горбе определяют великолепную приспособленность этих животных к жизни в жарком климате.

Зебу дает с обыкновенным безгорбым скотом размножающееся потомство, на основании чего считают зебувидный скот лишь подвидом древнего тура. Мы видели на дорогах и полях Индии зебу и с лировидными рогами, и с рогами, широко расставленными, совсем короткорогих, и с длинными рогами, кончики которых загнуты внутрь. Среди зебу нам встречались и серые, и красные, и белые. Почему-то именно белые или светло-серые коровы чаще других оказывались в роли бездомных «святых» животных. Именно они с ввалившимися боками и такой тонкой кожей, что ребра сосчитаешь за десятки метров, бродят по улочкам Дели, Агры, Калькутты и других крупных городов, подбирая все мало-мальски пригодное для пережевывания.

Среди зебу на юге страны есть совсем карлики — высотой меньше метра, а есть и могучие потомки кавалерийских зебу, выведенных по приказу Хайдар Али для его быстроходной армии. И сейчас в Индии ведется интенсивная селекционная работа с зебувидным скотом, центром которой с 1904 г. является знаменитый Пусан-институт, ныне расположенный в пригороде Нью-Дели.

Вообще тропический климат отнюдь не способствует получению большого количества молока от коров, и молочная продуктивность скота в Индии очень низкая — всего около 300 литров в год дают в среднем коровы, содержащиеся в хозяйстве. Поэтому руководители животноводческой фермы института с гордостью говорили нам о том, что средний удой коров на ферме превышает 600 литров при постоянной высокой жирности молока.

Большинство наших горожан спутают буйвола с обыкновенной коровой. Разве что отметят разницу в форме и величине рогов. У буйвола они огромные, направлены всегда назад, а кончики их смотрят друг на друга. И на поперечном разрезе рога у них не круглые, а скорее тре-

угольные, и у основания покрыты кольцами. В Индии дикие буйволы были одомашнены по крайней мере пять тысяч лет назад. И сейчас, особенно в южных частях страны, буйволы широко используются в хозяйстве. Спокойные, неприхотливые, не боящиеся жары и влаги, буйволы оказались незаменимыми помощниками при возделывании залитых водой рисовых полей, для перевозки тяжелых грузов. Не боящиеся любой жары буйволы встречаются только в тех местах, где есть водоемы. Ежедневно по нескольку часов лежат буйволы в воде в мелком пруду на окраине деревни или у берегов широкой реки и медленно пережевывают жвачку. Больше всего буйволов видели мы в штатах Керала и Мадрас. Рисовые поля, кокосовые пальмы и буйволы — вот характерные черты пейзажа этих мест Южной Индии. Одомашненные буйволы дают до 3 тысяч литров молока в год, и такого жирного, какого не бывает у коров, — до 8 процентов.

Итак, мы в штаб-квартире Зоологической службы Индии, на Читтаранджан-авеню.

Вначале все собрались в кабинете директора, где нас уже ждали профессор Рунвалл, два его заместителя, все заведующие секторами. Большинство присутствующих было нам уже знакомо, и потому сразу завязался оживленный разговор. На столе были разложены полторы сотни книг, изданных Зоологической службой, включая все тома «Фауны Индии», которые предназначались для нас в качестве подарка Зоологическому институту. Это был поистине драгоценный подарок, стоимость которого с трудом поддается определению.

Два дня безвылазно провели мы в хранилищах Зоологической службы, получив возможность посмотреть хотя бы здесь многих животных, которых нам не удалось повидать в природе. Несколько позже в Индийском национальном музее, где выставлена для всеобщего обозрения часть коллекций, включающая наиболее известные виды, запомнился один из щитов экспозиции. На нем укреплены медные кольца и браслеты — обычное украшение, которое носят местные жители, главным образом женщины. Все эти кольца и браслеты были извлечены из желудка большого крокодила (*Crocodylus porosus*). Судя по числу украшений, крокодил съел не менее 6—7 человек. Общий вес всех этих медных изделий — почти 7 кг.

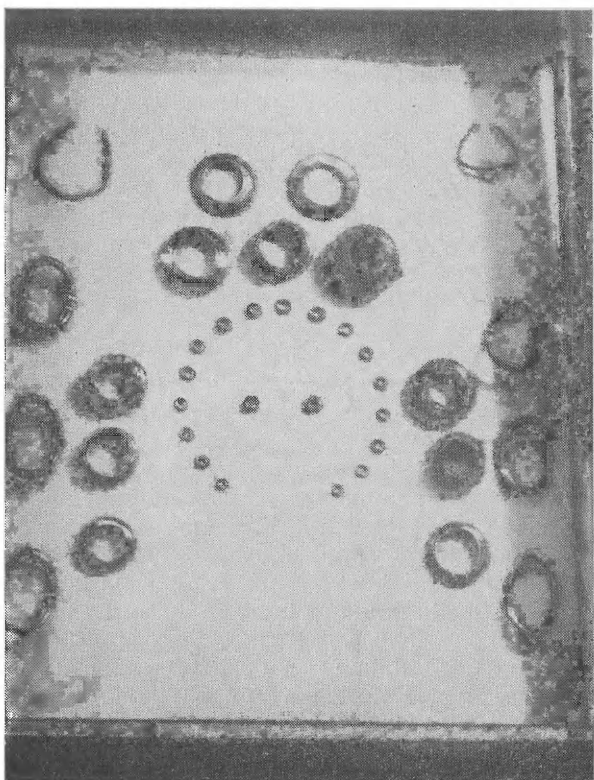

Зебу в упряжке

Не упустили мы возможности познакомиться с коллекцией животных Калькуттского зоопарка, крупнейшего и интереснейшего в стране. Огромная территория, богатейшая коллекция животных, образцовое их содержание — все радует в этом замечательном парке. Большие открытые загоны, многочисленные пруды с мостками, ведущими на остров. Пруды буквально покрыты тучами птиц, которые время от времени поднимаются в воздух и начинают кружиться над парком. Мы потом видели такие же тысячные стаи уток на плесах Ганга, но и в парке эти птицы летают совершенно свободно и, видимо, долетают до Ганга. По аллеям и лужайкам парка разгуливает довольно много павлинов, причем в отличие от диких павлинов в Раджастане у здешних — все хвосты целые. Свободно разгуливают по зоопарку и журавли. Цапли и кваквы, сидящие на деревьях около пруда, очень живописно выглядят среди сотен летучих лисиц-крыланов, мешками висящих на тех же деревьях. Коллекция животных включает трех бегемотов, которые родились в зоопарке. Младшему — 10 лет, старшему — 25. Вероятно, все мы впервые увидели здесь очень редкого в природе и тем более в неволе карликового, или либерийского, бегемота (*Choeropsis*) — странное создание длиной около полутора метров, на высоких и тонких ногах, с симпатичной мордой. На родине — в лесах Центральной Африки — этот зверь живет в непроходимых влажных зарослях девственного леса и при опасности не бросается в воду, как его ближайший родственник — нормальный бегемот, а спасается бегством.

Кроме двух больших носорогов, которые как-то очень мирно уживаются с павлинами, в парке есть маленький — всего трехмесячный — носорожонок, которого поят молоком из огромной соски величиной с футбольный мяч. Производят впечатление и живущие на открытых островках, отделенных каналами, шимпанзе и ассамские гиббоны. Гиббоны бросаются к служителю, по дощечке перебирающемуся на остров, прыгают к нему на руки и всячески выражают искреннюю радость не только потому, что он приносит им что-нибудь вкусное.

В зоопарке увидели мы наконец и одно из самых замечательных млекопитающих индийской фауны — ящера, или панголина (*Manis pentadactyla*). Вероятно, трудно придумать более странное существо: небольшая головка с длинной беззубой мордой, косолапые конечности, окан-

В желудке одного крокодила — семь килограммов
ножных и ручных украшений.
Калькуттский музей

чивающиеся огромными когтями, хвост длиной с туловище. И все это покрыто крупными коричневыми треугольными чешуйками, находящими друг на друга, как чешуйки на еловой шишке. Этот очень редкий зверь относится к малочисленному ныне отряду ящеров и живет в саваннах Индостана, нигде не встречаясь в большом числе. Питается панголин муравьями и термитами, твердые панцири которых легко перетираются специальными роговыми пилами-терками, развивающимися на стенках его

желудка. Огромные когти передних и задних конечностей служат ему для разрывания термитников и выкапывания собственных нор.

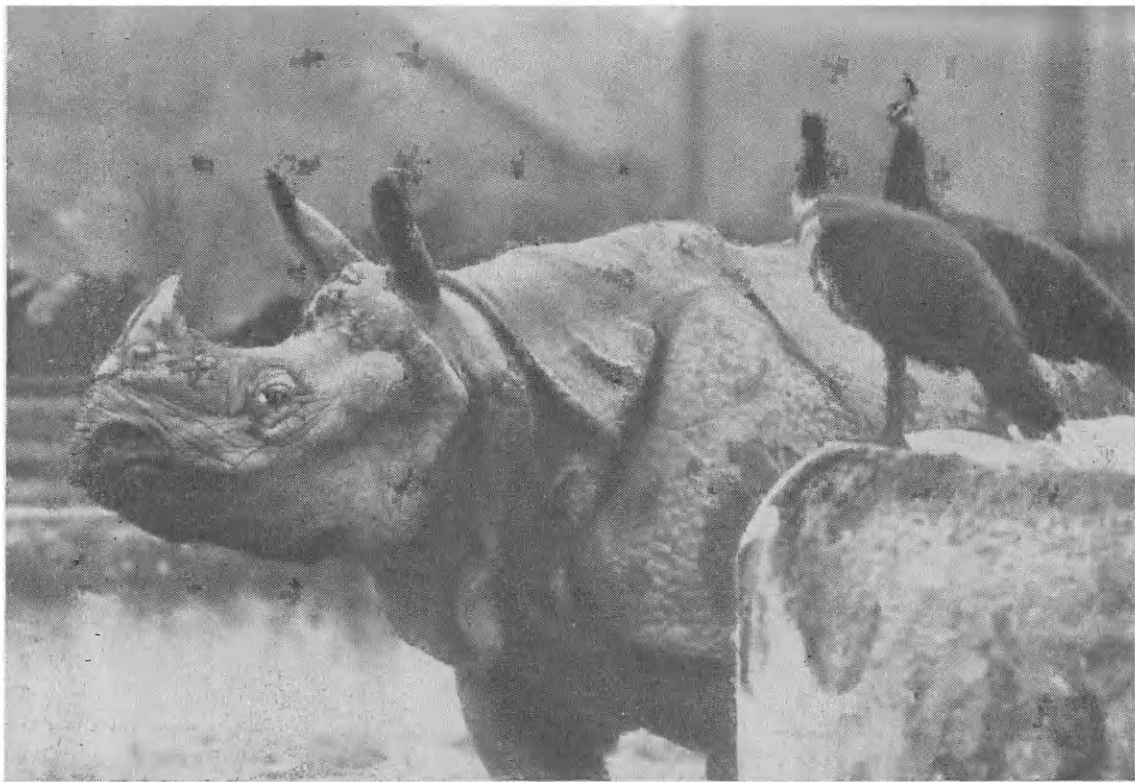
Панголин, которого мы видели в зоопарке, отличался на редкость добродушным и незлобивым нравом. Свернувшись в чешуйчатый круглый мяч размером с лошадиную голову, он полежал минут пять, потом все-таки неохотно раскрылся и прошел несколько метров по лужайке. Испугавшись толпы народа, собравшейся посмотреть на такое чудо, он счел за благо снова свернуться в клубок. И уж после этого никакие силы не смогли его заставить развернуться.

Интересно было нам встретиться и с гигантскими черепахами (*Testudo gigantea*). Они живут в просторном открытом загоне, где кроме них бегают пара венценосных журавлей. Черепахи огромные — около полутора метров длиной — и, вероятно, очень старые. Несмотря на это, они бодро возят на спине служителя и иногда страшно шипят, раскрывая ороговевшую пасть.

2 февраля с утра, получив обед «сухим пайком», отправляемся за город. Нас ждет очень интересный маршрут по южной части Бенгалии. Еще раз убеждаемся, насколько велика Калькутта. Пригороды незаметно переходят в поселки, чередующиеся с маленькими городками. Наконец, после двух часов пути, попадаем в настоящую сельскую местность.

Сделана первая остановка, и мы сразу же уходим по тропинке в сторону от шоссе. На поле молодого риса разгуливают белые цапли. Они очень похожи на наших обыкновенных малых белых цапель. Но присматриваемся и видим, что клюв у них не черный, как у малых цапель, а совершенно желтый. По этому признаку безошибочно определяем снежно-белых птиц величиной с курицу как коровью цаплю (*Bubaleus ibis*). На наших глазах подходит эта цапля к пасущимся невдалеке зебу и спокойно начинает склевывать у них под ногами каких-то насекомых. Не боятся они и человека. Много раз приходилось нам во время экскурсии подходить к цаплям на расстояние 10—15 метров. Они хорошо знают, что люди — не враги им в этой стране.

На одном из участков поля, огражденном земляным валом, две маленькие девочки, лет восьми-десяти, низко пригнувшись, пропалывают посев. Они в пестрых платьях, без головных уборов. Медленно проходят полосу за полосой. Устав, присели тут же и, заметив направленный

В Калькутском зоопарке

на них киноаппарат, улыбаются нам. Но улыбка у них не детская. Так улыбаются уставшие женщины. Посидели несколько минут и снова принялись за тяжелую работу. Поле примыкает к небольшому каменному дому с несколькими дворовыми постройками — жилищу зажиточного крестьянина. Кто эти девочки? Дочки хозяина или наемные работницы?

Вокруг небольшого искусственного водоема растет несколько десятков пальм тодди. К некоторым из них, под глубокими насечками на стволе, привязаны глиняные горшки. Из насечек в горшки стекает сок. Из этого сока можно получить и сладкую патоку, и сахар, и даже, пользуясь тем, что в Бенгалии сухой закон не особенно строг, пальмовое вино.

Мы уже недалеко от одного из крупных рукавов объединенной дельты Ганга и Брахмапутры.

Еще несколько километров — и попадаем в маленький рыбацкий порт Каннинг. Здесь нас ждет катер. На борту его красуется имя одного из местных божеств — «Банарани» — бога леса. Это не случайно, так как катер принадлежит лесному ведомству. Через несколько минут уже стучит дизель, и катер медленно отваливает от высокого причала. Сейчас вода в реке стоит низко, а в дождливый период, когда начинается паводок, пристань почти целиком уйдет под воду.

Мы — в одном из рукавов дельты Ганга: широкое водное пространство с низкими берегами, поросшими сухим в это время года тростником. Общая картина напоминает хорошо известную нам дельту Волги. Вода в реке мутная, желтоватая, берега илистые. Поселки и отдельные домики жмутся к самому берегу, вдоль которого идут земляные валы. Едва выехали на середину, заметили огромную стаю в несколько тысяч диких уток. Катер подошел к ним почти вплотную, и только тогда утки поднялись в воздух и, описав круг, сели в полукилометре за нашей кормой.

Вдруг совсем близко от борта из воды показалось большое серое животное, за ним другое, третье. Это — речные гангские дельфины (*Platanista gangetica*). Платанисты, обитая в мутной воде, подобно кротам, живущим в вечной тьме, утратили зрение. В такой мутной воде глаза ни к чему — не видно даже пальцев опущенной в воду ладони. Зато у платанисты очень хорошо развит локационный аппарат: весь череп представляет собой нечто

бродя ультразвукового прожектора с выступающими гребнями-рефлекторами. Интересны и зубы у гангского дельфина. У всех зубатых китов, к которым относятся и дельфины, они все одинаковые, монодонтные. А у этого дельфина задние зубы короткие и толстые, передние же зубы загнуты вершинками внутрь рта — крупных рыб удобнее хватать пинцетобразными челюстями.

К сожалению, дельфины двигались навстречу катеру и потому были видны лишь несколько минут. Мы попросили капитана развернуться и попробовать настигнуть животных, но, пока катер разворачивался, дельфины ушли очень далеко и вскоре пропали из виду.

По мере продвижения вниз по течению можно было наблюдать за сменой растительности по берегам. Тростники стали редеть и потом вовсе пропали, берег стал голым. Затем кое-где начали появляться отдельные кусты мангров — верный признак того, что в прилив сюда подходит солоноватая вода. Далее мангры уже стоят вдоль берега плотным рядом, но зарослей они еще не образуют. Катер подвалил к прогалине между кустами, и мы ступили на скользкий берег. Запрыгали, спасаясь в воде, илестые прыгуны периофтальмусы.

За прибрежной полосой мангров шел высокий, метра два высотой земляной вал, а за ним расстилалось сухое поле, по стерне которого вяло бродили невероятно тощие коровы. Километрах в двух от берега виднелся поселок из нескольких домиков. Спрашиваем капитана, не знает ли он, где есть в дельте настоящие мангровые заросли.

— Я знаю места, которые вам понравятся, но к ним очень далеко добираться, — отвечает он. — Едва ли успеем до темноты.

В самом деле, уже шесть часов и пора возвращаться. Пока катер выгребал против течения к пристани, пока возвращались по шоссе в Калькутту, прошло часа четыре.

Калькуттский ботанический сад — вероятно, старейший и один из самых больших в Азии. Он был основан в конце XVIII столетия и теперь занимает площадь более 100 гектаров. Сад расположен на левом берегу Хугли. Конечно, все растения посажены в открытом грунте, и лишь коллекция иноземных пальм и орхидей, требующих себе высокой влажности и рассеянного света, упрята-

на под гигантский колпак из металлической сетки, густо заплетенной вьющимися растениями. Деревья и кустарники собраны в красивые группы, между которыми оставлены обширные зеленые лужайки. В центре парка находится озеро с водными тропическими растениями. Прежде всего спешим к всемирно известному своей величиной баньяну (*Ficus bengalensis*). И издалека и вблизи он похож на рощу. Этот вид баньяна образует массу воздушных корней, спускающихся с горизонтально расположенных веток. Дойдя до земли, корни вживаются в почву и постепенно становятся новыми, дополнительными стволами. У калькуттского баньяна таких стволов более тысячи, все они соединены между собой горизонтальными ветвями. Основной ствол, от которого начало развиваться дерево, уже давно погиб, ведь дереву теперь более 200 лет. На месте основного ствола находится небольшая круглая лужайка, так что баньян имеет форму кольца. Все дерево занимает территорию около двух гектаров. Хотя баньян уже достиг рекордной величины, он продолжает расти вширь. Сотрудники сада, чтобы ограничить рост дерева, окружили его асфальтированной дорожкой, которая не дает воздушным корням проникнуть в землю.

От баньяна направились к зарослям бамбуков, затем осмотрели огромные панданусы, побывали в тенистой пальмовой роще. Конечно, осмотреть весь сад, хотя бы бегло, не было никакой возможности — в нем собрано свыше 15 тысяч видов растений из всех частей света.

При ботаническом саду имеется библиотека и гербарий. Особенно интересен последний, насчитывающий более двух миллионов гербарных листов. Он создавался на протяжении 100 лет. К сожалению, научный штат ботанического сада очень невелик, и его сотрудники не в состоянии даже описать как следует все то богатство, которым обладают. Но в деле акклиматизации в Индии ценных пород растений, привозимых из Южной Америки, Австралии и других частей света, коллектив ботанического сада сделал очень много. В праздничные и выходные дни ботанический сад становится очень оживленным — сюда приезжают многие жители Калькутты.

В один из последних дней нашего пребывания в Калькутте доктор Тивари пригласил всех нас провести вечер в его доме. Он заехал за нами на своей старенькой машине. У дверей нас встретила жена доктора Тивари и

две его дочери — девочки-гимназистки. Третья дочка, совсем еще малышка, была представлена нам уже в доме. Мы были хорошо знакомы с хозяином по совместным поездкам в Бангалуре и Мадрасе и полюбили этого веселого, беспечного и очень доброжелательного человека. В одной из комнат уже был накрыт стол, точнее, ковер, так как нас ждал настоящий индийский ужин. Правда, мы упросили миссис Тивари отужинать с нами, но девочки наотрез отказались, сказав, что они наелись, «пока пробовали на кухне». Зато они чудесно пели дуэтом национальные бенгальские песни. После ужина концерт продолжался, и сам доктор Тивари был одним из исполнителей. Он подыгрывал дочерям на бубне, а потом с большим мастерством исполнил несколько мелодий на барабане. Маленький барабан в его ловких руках превратился в очень звучный и богатый тонами музыкальный инструмент: он то глухо гудел, то рассыпался мелкой дробью. Младшая дочка, крошечная девочка лет четырех, все время порывалась танцевать и под аккомпанемент барабана исполнила несколько национальных танцев, но вскоре устала, притихла и вдруг заснула на руках у матери. Это послужило сигналом к прощанию, и мы, поблагодарив хозяев за чудесный вечер, вернулись в гостиницу.

Утром отправляемся в Гималаи.

ГЛАВА XI

ГИМАЛАИ — АССАМ

Железная дорога в Гималаях — Дарджилинг — В гостях у мистера Авари — Тигровый холм — Рационализация в буддийском храме — Тибетская колония — Третья вершина мира — Канченджанга — Альпинистский институт — По Ассаму — Марабу — Гаухати — «Свет Востока» — На Шиллонгском плато — Ананасы с солью — В горах Кхаси — Самое дождливое место в мире — Бурра-Базар

6 февраля поднялись в пять утра. Пожилой коридорный принес в номер завтрак — чай, молоко, сандвичи, яичницу с ветчиной, фрукты. В предутренней мгле едем

по пустым улицам Калькутты в аэропорт Дум-Дум. Рассеялся туман, который несколько задержал отлет, и мы поднялись в воздух. Под крылом самолета видна вся огромная Калькутта, многочисленные протоки Ганга. Справа в дымке угадывается Бенгальский залив. Где-то там должно быть рыболовное судно, на котором уже два дня плавает Е. В. Жуков, собирая коллекцию паразитов промысловых рыб.

Внизу плоская долина Ганга. Доктор Менон, утомленный приготовлениями к отлету, спит в своем кресле, зато второй наш спутник из Зоологической службы — доктор Бисвас, орнитолог, всю дорогу рассказывает о Дарджилинге и Ассаме, куда мы теперь держим путь. Через полтора часа посадка в аэропорту Багдогра, недалеко от города Силигури. Здесь нас встречают представители военных властей. Мы прибыли в район недавнего вооруженного пограничного конфликта между Индией и Китаем, и потому здесь еще полувоенное положение.

Впервые в Индии нас просят убрать фотоаппараты и не пользоваться ими, пока не окажемся в горах. Конечно, мы не собирались снимать военные объекты, но были очень огорчены запретом. В окрестностях Силигури крестьяне держат таких интересных лохматых свиней, что при встрече с ними в лесу ни у кого не возникло бы сомнений, что перед ним типичная дикая лесная свинья. К сожалению, в других местах таких свиней мы больше не видели, и сфотографировать их так и не удалось.

На двух автомобилях двинулись в сторону Дарджилинга. Вначале путь идет по низкой болотистой местности, поросшей пожелтевшей травой. На севере вздымаются Гималаи. Только через час въезжаем в предгорья. Шоссе стало очень узким, извилистым. Рядом с ним, то справа, то слева, тянутся рельсы узкоколейной железной дороги. Шоссейный и железнодорожные пути постоянно перекрещиваются. Вскоре мы увидели поезд. Паровоз, не выше человеческого роста, но с огромной конической трубой, тащил в гору три вагончика. На площадке впереди паровоза стоял тепло одетый человек, который вручную сыпал рельсы песком, чтобы увеличить трение. Сбоку паровозика имеются шестерни, на особенно крутых участках пути они катятся по зубчатым металлическим полосам, которые укладывают вдоль рельсов. В ущельях или на краю отвесной скалы автомобили идут прямо по

железнодорожным путям. Шлагбаумов нигде нет, и шоферы должны быть особенно внимательны.

С подъемом в горы меняется характер растительности. Внизу — бамбуковые рощи, баньяны, пальмы, бананы и манго. Выше начинаются панданусы и листопадные деревья, преимущественно саловые. Это типичная зона влажных лесов с эпифитами, лианами. Встречаются древовидные папоротники. С середины пути дикая растительность сменилась чайными плантациями.

Недалеко от Дарджилинга останавливаемся на несколько минут на станции Гуум, чтобы пропустить встречный поезд. Далее к Дарджилингу дорога идет под уклон. Таким образом, Гуум, стоящий на высоте около 2500 метров, — самая высокогорная железнодорожная станция мира.

Дарджилинг расположен в несколько ярусов на склоне горы. Петляя по узким улицам, наши машины добираются до отеля «Эверест», название которого сохранилось от старого английского имени высочайшей вершины мира — Джомолунгмы. Из отеля вышли носильщики, чтобы поднять наши вещи в холл. К нашему удивлению, все они оказались женщинами. После жаркой Калькутты нам показалось здесь очень холодно. Впрочем, холодно было и на самом деле. Особенно мерзнет наш доктор Менон. В его родной Керале таких холодов — меньше 10 градусов тепла — не бывает. Приходится срочно снабжать его теплыми вещами.

По официальным справочникам, высота Дарджилинга над уровнем моря — более двух километров. Но одни справочники дают цифру — 2134, другие — 2213 м. Это и не мудрено: город стоит на откосе, и разница между верхними и нижними кварталами составляет не один десяток метров.

Из окон отеля открывается удивительно красивая панорама: амфитеатром спускаются группы строений, улицы расположены вдоль откоса, и потому их почти не видно. Нижняя граница города проходит по краю глубокой долины, а далеко-далеко впереди поднимаются подернутые дымкой противоположные склоны гор.

Усидеть в отеле было невозможно, и мы, ввиду плохой погоды надев пальто, отправились по крутым улочкам вниз. Знакомство с животным миром гор началось с посещения маленького краеведческого музея. По музею нас

водил его директор мистер Е. Д. Авари, не молодой, но очень подвижный и энергичный человек. Экспозиция расположена в нескольких комнатах. Хотя чучела животных изготовлены не очень хорошо, но коллекция богатая, дающая полное представление о животном мире Гималаев. Недаром этот маленький музей пользуется всемирной известностью. Особенно хорошо представлены бабочки. Ровный влажный климат окрестностей Дарджилинга и обилие разнообразных тропических и альпийских растений создают весьма благоприятные условия для дневных бабочек. Их здесь известно несколько сотен видов. Многие бабочки необыкновенно красивы. Так как осмотр музея занял не более часа, а мы начали мерзнуть в его нетопленных комнатах, мистер Авари пригласил всех к себе. Оказалось, что роль директора музея он осуществляет, как говорят у нас, «на общественных началах». Основное его занятие — бизнес. Ему принадлежат два кинотеатра, в одном из которых мистер Авари устроил свой рабочий кабинет. В этом кабинете мы и собрались. Хозяин предложил посмотреть его фильмы.

— Нет, не те, которые демонстрируются для публики, я никогда не смотрю этих глупых боевиков, — улыбается он. — Мы будем смотреть фильмы, которые я снимал сам.

Быстро установили узкоплечный кинопроектор, повесили маленький экран. Мистер Авари много путешествовал по Индии, Непалу, Бутану и Тибету, охотился на крупных зверей. Весь вечер мы смотрели его цветные фильмы, где показывались тибетские танцы, горы, эпизоды охоты. Особенно большое впечатление на всех произвела охота на тигра. Затем шли сцены охоты на оленей, фазанов. Несколько раз на экране появлялись носороги. Но эти звери теперь настолько редки, что охота на них запрещена по всей Индии, да и сохранились они лишь на небольших заповедных территориях в Ассаме.

Сцена гибели тигра вызвала у всех сочувствие прекрасному зверю, у кого-то вырвался вопрос:

— Как можно совмещать любовь к природе с охотой на редких зверей ради самой охоты?

Мистер Авари в ответ на это сказал, что теперь он действительно предпочитает держать в руках не ружье, а кинокамеру.

— Впрочем, — замечает он, — иногда ружье все же

лучше. Послушайте, что со мной случилось в 1956 году. Мы охотились на тигра на трех слонах. На двух слонах кроме погонщика находилось по два охотника. Слон, на котором был я, шел последним. На нем сидели погонщик, два проводника и я. У меня не было ружья, так как я собирался лишь заснять охоту. Тигра обнаружили довольно быстро и стреляли по нему, но, вероятно, лишь слегка задела пулей, и он ушел в заросли. При повторном прочесывании участка тигр, против ожидания, оказался около нашего слона. Я направил на зверя кинокамеру, как вдруг услышал отчаянный крик — оказывается, один из проводников упал. Одним прыжком тигр настиг несчастного и ударом лапы переломил ему позвоночник. Если бы у меня было ружье, проводник остался бы жив.

Охотники на ближайшем слоне заметили тигра, когда проводник был уже мертв. Они стреляли с большого расстояния и все-таки убили зверя. Можете представить мое волнение, когда, получив пленку после проявления, я снова увидел всю сцену гибели проводника. Оказывается, я, сам того не заметив, снял эту трагедию. Пленку много раз показывали охотникам, и она стала хорошо известна. Во время одной из моих поездок по Ассаму я взял этот фильм с собой, чтобы показать моим друзьям. К моему огорчению, пленка погибла, сгорев вместе с палаткой по недосмотру слуги, слишком сильно накалившего железную печку.

После рассказа мистера Авари на экране опять появились слоны, носороги, горы, тибетцы в национальных костюмах и даже английская королева, которая попала в объектив Авари во время ее путешествия по Индии.

Было уже довольно поздно, когда мы собрались наконец в гостиницу. Все вышли из теплого кабинета и, кутаясь в пальто, стали спускаться по лестнице.

— Не хотите ли вы посмотреть мои ружья и охотничьи книги? — спросил наш любезный хозяин. — Я живу как раз по пути в «Эверест».

Дома у мистера Авари действительно оказались очень интересные книги, целая маленькая библиотека. Но она касалась не только охоты. Здесь были книги о самых разных животных, в том числе и серьезные зоологические и географические исследования. На прощание мистер Авари сказал по-русски:

— Я был очень рад познакомиться с вами.

Оказывается, он выучил несколько фраз из англо-русского разговорника.

Вечером в комнатах отеля были заботливо затоплены камин. Было много дыма, но все-таки холодно. Помещения рассчитаны только на лето, когда в Дарджилинг, спасаясь от жары, съезжается масса туристов. Теперь же температура воздуха по ночам падала ниже нуля. Несмотря на теплые одеяла и топящийся камин, в эту ночь мы впервые в Индии продрогли. Как мы скоро выяснили, единственным теплым местом в отеле был небольшой зал ресторана. Здесь была голландская печь с изразцами, и сюда собиралось греться все население отеля.

7 февраля рано утром — до восхода солнца — отправляемся в традиционную экскурсию на Тигровый холм, что в 10 км от города. Если очень повезет, то оттуда можно увидеть третий полюс мира — Джомолунгму. Нам не повезло. В этот день облачно было с утра. Вот уже два дня, как не видно даже дальних окрестностей Дарджилинга. Но эта экскурсия не прошла для нас бесследно. Тигровый холм весь зарос живописным лесом из дубов, которые похожи на наши дубы только характером ствола, корой и ветками и совсем не похожи листьями. Много рододендронов и магнолий. Встречаются здесь клены, лавровые и фиговые деревья, каштаны. Всюду много лишайников и папоротников. И — на что как-то не сразу обратили внимание — здесь исчезли все колючки с деревьев, кустарников, травы. Приятно ходить по лесу и не бояться бесчисленных шипов и колючек.

В поселке Гуум останавливаемся, чтобы посетить буддийский монастырь. Его легко отличить от других зданий по многочисленным бамбуковым шестам. Рядом на шестах развеваются белые стяги с текстами молитв. Перед входом в монастырь длинный перечень правил для туристов: внутри монастыря не курить, фотографировать разрешается только за определенную плату и т. д.

Вокруг здания на высоте полутора метров прикреплены 30—35 больших медных цилиндров с выбитыми на них словами молитв. Проходя рядом с ними и проводя рукой по ним, верующие их сильно раскручивают. При этом считается, что от каждого поворота молитва повторяется снова и снова. Прошел вокруг здания, покрутил все молитвенные цилиндры по нескольку раз одним движением, глядишь, зачтутся тебе сразу 200—300 молитв. Сколько

Молитва в буддийском храме

бы времени заняло повторение вслух «Ом мани падми Ом» («Приветствие тому, кто происходит от лотоса»)! А есть и большие колеса, внутрь которых заложены свитки с написанными молитвами. Заложено сто молитв — поворот колеса, и возносятся сразу сто молитв. А есть и совсем маленькие молитвенные барабанчики, их мы видели в руках, и похожи они на наши детские игрушечные трещотки.

Внутри храма, у самой дальней стены, стоит большая, метров пять высотой, статуя сидящего Будды, по бокам от него за стеклянными витринами многочисленные портреты и статуи поменьше. Среди них и статуя какого-то

очень похожего на Шиву многорукого божества *. Прямо перед главной статуей, на небольшом отдельном столике стоит фотография далай-ламы. Правую и левую стену занимают книжные полки, на них книги со священными текстами. Все в твердых переплетах, каждая завернута в кусок материи и состоит из очень длинных полосок бумаги с оттиснутым на них текстом. Посередине храма на подставке два больших молитвенных барабана, а рядом столик с книгой учета посетителей. Против каждого посетителя оставлено место для указания суммы, пожертвованной в храм.

Буддизм играл в жизни Индии выдающуюся роль. Основатель буддизма — Гаутама Шакья Мунья, — по-видимому, реальное историческое лицо, жил в 567—487 годах до нашей эры. Его проповедь «срединного пути» основана на познании четырех «истин»: истина страдания (рождение, старость, болезнь и т. д.), истина причины страдания (страдание заключается в желаниях), истина избавления от страдания (искоренение желаний ведет к прекращению страданий) и истина о правильном пути избавления от страдания. Поразительная простота этого учения, призыв к разуму, логике, осуждение чудотворчества и жреческого ритуала привлекали множество последователей. «Весь его метод после затхлой атмосферы метафизических рассуждений был подобен струе свежего воздуха, дующего с гор», — писал Дж. Неру. Но в середине первого тысячелетия нашей эры стал заметен упадок буддизма в Индии, произошло его постепенное растворение в индуизме. Сам Будда стал считаться одним из аватар (воплощений) индусского бога Вишну. Религиозные центры буддизма перемещаются в Бирму, Камбоджу, Тибет, Японию. Сейчас в Индии осталось сравнительно немного буддистов, и они сконцентрированы в основном в северной и северо-восточной частях страны. Правда, в последние годы большое число буддистов во главе с далай-ламой переселилось и переселяется в Индию. Правительство Индии устраивает специальные тибетские колонии, в одной из которых мы побывали во время нашего пребывания в Дарджилинге. Кстати, название Дарджилинга происходит от слов

---

* В местах соприкосновения буддизма и индуизма возникают сложные смешанные религиозные культы и традиции.

«Дор-джи-глинг» — «место Дорджи» — мистического героя ламаистов, тибетских последователей буддизма.

Эмигрировавшие из Тибета буддисты организовали в индийских Гималаях несколько так называемых центров «самопомощи». На вершине одного из холмов в нескольких километрах от Дарджилинга построены аккуратные одноэтажные здания, составляющие большой квадрат с обширным внутренним двором. По двум сторонам этого квадрата тянутся многочисленные общественные помещения: мастерские, школьные классы, кухня и небольшое молельное помещение. Трудно определить общую численность общины, но в школе, куда ходят все дети, занимается около 300 человек. Все взрослое население работает здесь же, на территории общины, в ковровых, металлических, пошивочных и деревообрабатывающих мастерских. Мы видели чудесные огромные шерстяные ковры с тибетским орнаментом, выкованные и богато орнаментированные большие и маленькие ножи, в том числе и знаменитые кривые ножи — кукри, множество блюд разного размера, покрытых сложной насечкой, резные деревянные поделки. Здесь же небольшой магазин, в котором продаются все эти вещи по невероятно высоким ценам, очевидно рассчитанным на богатых туристов. Посещение тибетского центра «самопомощи» оставило у нас хорошее впечатление: веселые, аккуратно одетые дети; дружелюбные, занятые все без исключения своими делами взрослые.

В Дарджилинге есть небольшой зоопарк, занимающий живописную лесистую вершину одного из холмов. С этого холма видны глубокие долины, уходящие вниз на сотни метров и теряющиеся вдаль у подножия массивов Канченджанги. Именно с гребня этого холма мы впервые увидели Канченджангу во всей ее красе. Все дни нашего пребывания в Дарджилинге была плохая, пасмурная погода. И вот, как раз тогда, когда мы были в зоопарке, проглянуло солнце. И тут мы как-то совершенно неожиданно обнаружили высоко в небе — именно *высоко* в небе — огромные белые стены, сияющие в лучах солнца. Это было так необычно и невероятно, что мы долго не могли опомниться. Показательная реакция К. А. Бреева, подошедшего к нам несколько позже.

— Где Канченджанга? — спрашивает.

— Да вот, прямо перед вами, — смеется.

Он вертит головой направо и налево, всматривается в туман вдаль и ничего не может понять.

— Ничего похожего не вижу, — с огорчением сознается он. И, только подняв голову и взглянув сквозь слой облаков, видит эти жемчужные громады.

Канченджанга находится более чем в 90 километрах от Дарджилинга, но только отсюда и можно видеть ее «в полный рост». Если приблизиться к ней, то близлежащие горы закрывают ее вершины. Только увидев Канченджангу, мы поняли наконец, что такое настоящие Гималаи. На высоте более 2000 метров над уровнем моря приходилось задирать головы, чтобы смотреть на склоны другой горы. Впечатление от Канченджанги еще более усиливается оттого, что она состоит не из узких высоких пиков, а всей массой своей поднята на такую невероятную высоту, и три ее вершины (8585, 8473 и 8500 м) представляются издали небольшими холмами с пологими склонами, вознесенными в небо на огромном гористом плато.

Отсюда, с вершины Берч Хилл, одновременно можно видеть три страны — Бутан, Сикким и Непал. Всюду цепи гор, местами покрытые снегами, теряющиеся в дымке глубокие долины и снова горы, горы.

Зоопарк в Дарджилинге очень маленький, но некоторые экспонаты в нем заслуживают внимания. Именно здесь живет пара уссурийских тигров, подаренных нашим правительством Джавахарлалу Неру. Зовут этих красавцев Луна и Солнце, а два года назад у них родился сын, который уже теперь выглядит могучим зверем. Но самым интересным животным оказалась гималайская панда (*Ailurus fulgens*) — представитель совершенно отсутствующего у нас семейства кошачьих медведей. Это небольшой, около метра, темно-рыжий сверху и черный снизу, ловкий зверь с длинным, чуть полосатым хвостом. Здешняя панда совсем ручная, для осмотра ее привели к нам на тоненькой веревочке.

Одно из интереснейших учреждений Дарджилинга — Горный институт, расположенный на том же Берч Хилл. Кстати, зоопарк является частью института, здесь питомцы института изучают горную фауну и флору. Комплекс зданий института включает специальный музейный, большой лабораторный и административный корпуса и помещения, где живут слушатели. Рядом расположены

коттеджи сотрудников. Цель института — пропаганда горного спорта, проведение широких исследований во всех областях, связанных с альпинизмом, обучение и тренировка членов экспедиций, организация восхождений на высочайшие вершины Гималаев.

В институте, оснащенном самым современным оборудованием, ведутся интереснейшие работы по изучению физиологии человека в условиях высокогорья. Транзисторные передатчики обеспечивают непрерывную передачу электрокардиограмм альпиниста с расстояния до 10 км; одновременно могут передаваться и данные по частоте пульса, по количеству гемоглобина в крови. Последнее мгновенно определяется с помощью остроумного приспособления — датчика, закрепляемого на мочке уха альпиниста.

Институт существует уже около 30 лет, но лишь семь-восемь лет назад начал проводить ежегодные летние тренировочные сборы, которыми руководит сам Тенцинг, покоритель Джомолунгмы, национальный герой Индии, вместе с которым работают инструкторами первоклассные альпинисты. Нам с гордостью сообщили, что уже около тысячи человек прошли курс занятий повышенной трудности и что количество желающих заниматься в институте все время растет.

Сейчас здесь действуют и круглогодичные курсы. Цикл занятий рассчитан на 35 дней, и одновременно в институте может заниматься 40 человек.

8 февраля, после приема у правительственного комиссара района, вечером мы выехали по уже знакомой дороге из Дарджилинга в Силигури, а через час ожидания на станции сели в поезд, идущий в Ассам. Ночь прошла спокойно в привычной уже для нас обстановке миниатюрного вагона железной дороги. Рано утром прильнули к окошкам: вдали блестела Брахмапутра, одна из крупнейших рек не только Индии, но и всей Азии, одна из удивительнейших рек мира. Начинается она в заоблачных высотах юго-западной части Тибетского нагорья, всего в нескольких десятках километров от истоков Ганга и Инда. На протяжении тысячи километров пересекает она южную часть Тибета, проходя параллельно Гималаям с севера. Затем следует невероятный, не виданный ни у какой другой реки такого размера поворот русла на 180 градусов, и через дикие ущелья Диханга,

глубиной в 5,5 километра, река прорывается через Гималаи и выходит на Ассамскую низменность.

Едем по Ассаму. После Гималаев и Дарджилинга особенно чувствуется изменение природы вокруг: равнина с многочисленными поселками, среди них много новых и строящихся. На полях — рис, некоторые поля сухие, кое-где пашут на буйволах, изредка — кокосовые пальмы, у поселков — банановые рощи, заросли сахарного тростника. В канавах и лужах часто ловят рыбу, или вычерпывая воду и жидкую грязь или с помощью небольших наметок. Чем ближе к Брахмапутре, тем больше бамбуковых рощ, точнее, огромных кустов бамбука высотой 10—15 метров. Здесь бамбук широко применяется в хозяйстве — чувствуется, что мы теперь на границе Юго-Восточной Азии. Кстати, заросли бамбука кайинва, возникающие на расчищенных и заброшенных площадях в джунглях Ассамы, — один из бичей здешнего сельского хозяйства. Этот бамбук растет всюду как луговая трава, только «трава», поднимающаяся на высоту многих метров. Бамбуковые джунгли принадлежат к числу самых непроходимых. Это мы знали по опыту работы на Южных Курильских островах и в Китае, в этом нам пришлось еще раз убедиться в горах Ассамы.

Пейзаж в правобережной части долины Брахмапутры напоминает уже знакомую нам Ориссу и Бенгалию. Только дома сделаны из тростника, да везде в изобилии видим яркие связки сушащегося красного перца. Довольно прохладно.

Когда солнце взошло и стало ощутимо пригревать (а в тропиках стоит солнцу взойти, как немедленно оно начинает немилосердно палить), на полях появились огромные марабу, или птицы-адъютанты (*Leptoptilos dubius*). Широко распространено мнение, что марабу водится только в Африке. Но два вида аистов-адъютантов встречаются в Юго-Восточной Азии. Огромные, ростом более полутора метров, белые с темно-серыми крыльями и красной головой птицы поодиночке и группами стояли на полях или, тяжело пробежав несколько метров, взлетали. А высоко в небе видны были другие марабу, широкими кругами планирующие над полями. Марабу, как и грифы, тоже встречавшиеся на окрестных полях, очевидно, совсем не боятся человека. Они стояли как ни в чем не бывало не далее 100—150 метров от проходяще-

Носильщик-шерпа на улицах Дарджилинга

го поезда, и видно было, что они расхаживали даже около домов. Такое поведение объясняется тем, что марабу выполняет очень важную функцию санитара в густо заселенных районах долины Брахмапутры. Едят они все подряд — падаль, лягушек, рыб, кузнечиков, змей, ящериц. Говорят, нет такой живности, которую они съесть не способны. Мы видели, как смело они оттесняли огромных грифов от какой-то падали. Их огромный четырех-

гранный клюв длиной в четверть метра — вероятно, настолько грозное оружие, что даже грифы предпочитают уступать им.

Мы приблизились к Брахмапутре, как раз напротив города Гаухати, где река течет в довольно узком русле, сжатая справа и слева грядами холмов. Но и здесь ее ширина сейчас, в сухой период года, не меньше 1000—1200 метров, а по следам от потоков видно, что она может разливаться и на 2—2,5 километра. Течение очень быстрое, и река несет, как и Ганг в среднем и нижнем течении, огромное количество взвешенных частиц. От них вода постоянно коричневого цвета.

На другом берегу Брахмапутры сразу начинаются пригороды Гаухати — одного из крупнейших современных промышленных и культурных центров Ассама. История Гаухати, в прошлом Праджойотишпура («Свет Востока»), восходит к первому тысячелетию до нашей эры. До сих пор в окрестностях сохранилось немало выдающихся памятников старины. Всего в 5 километрах от города стоит один из известнейших храмов, посвященных богине Кали, — Камакхайа-темпл, построенный еще во времена «Махабхараты»; на Петушином острове посреди Брахмапутры расположен храм Наваграха («Девяти планет») — здесь был центр астрологии древней Индии; наконец, в окрестностях Гаухати на противоположном берегу Брахмапутры, есть группа храмов Ходжо, где, по преданию, Гаутама Будда достиг состояния пирваны*. Это место — одно из самых почитаемых буддистами и десятки тысяч паломников стекаются сюда в зимние месяцы из Тибета, Бутана, Сиккима, Непала и Индии. Для осмотра этих мест нужно время, которого у нас, к сожалению, нет. На вокзальной площади нас уже ждут автомашины, и наш сегодняшний путь еще далек —

---

* Нирвана — по верованиям буддистов, особое высшее состояние, «прекращение мучительной цепи существования», «слияние с божеством», «конечное освобождение». Путь к нирване складывается из четырех ступеней: 1) «Путь вхождения в поток», избавляющий от рождения в виде животного или в «дурном» состоянии; 2) путь «возвращающегося однажды», т. е. того, кому предстоит лишь один раз родиться человеком; 3) путь «невозвращающегося» — последний раз родившегося человеком и близкого к совершенству и 4) путь архата — достигшего совершенства (А. Я. Сыркин, *Примечания к кн.*: «Повести, сказки, притчи Древней Индии», М., 1964).

до Шиллонга, столицы Ассама, от Гаухати — сто километров.

На улицах Гаухати и в радиусе нескольких километров вокруг масса велорикш. Здесь они особенные: широкие кожаные сиденья, вмещающие двух человек среднего роста, разукрашены яркими цветными кожаными аппликациями, причем особенно часто встречаются фигурки двух слонов, поднявших навстречу друг другу хоботы. Ярко раскрашена и задняя поверхность повозки.

Дорога, которая ведет от Гаухати к Шиллонгу, — одна из лучших, по которым мы ездили в Индии. Наши машины все время шли со скоростью около ста километров в час, несмотря на то, что уже через 15 минут после выезда из города начинается подъем на Шиллонгское плато и дорога невероятно петляет. На крутых поворотах нас вдавливают в сиденья, но машины идут уверенно благодаря великолепному профилированию дороги* и мастерству водителей. Помогает такому быстрому движению и то, что не попадается встречных машин. Этому мы сначала удивлялись, но потом, проехав полпути, обнаружили, что на дороге существуют специальные шлагбаумы, пропускающие машины только в определенном направлении. Несколько часов поток машин может двигаться в сторону Шиллонга, следующие часы — в обратном направлении. Машины, не успевшие вовремя проскочить через контролируемые участки, вынуждены ждать на специальных расширениях дороги. Этот порядок существенно уменьшает опасность аварий при движении по горным участкам дорог. Та бешеная скорость, с которой мы неслись первые тридцать миль, объяснялась стремлением водителей успеть.

По мере подъема в горы, как всегда, начинает меняться пейзаж. Все больше и больше становится арековых пальм, банановых и цитрусовых плантаций. Рисовые поля встречаются лишь на террасированных склонах и по долинам. Появляются дома, построенные из дерева, одной стороной прилепившиеся к крутому склону, а другой — опирающиеся на толстые и высокие бамбуковые подпорки. Но постепенно дорога обступает светлый лес,

---

* При возвращении из Шиллонга мы определили, что на особенно крутых поворотах наружный край шоссе выше внутреннего почти на полтора метра: как на велотреке!

в котором сосны сменяют бамбуковые заросли. Местами склоны покрыты лишь невысоким кустарником. Живущие здесь племена — джайнтия и кхаси — принадлежат к тибето-бирманской группе и своими монголоидными чертами отличаются от типичных индийских лиц.

Шиллонг начинается незаметно, зелеными пригородами и одноэтажными редкими домиками. Город небольшой — большинство зданий одно- и двухэтажные, — раскинулся на пологих холмах на высоте около полутора тысяч метров. Широкие по сравнению с дарджилингскими улицы выглядят грязноватыми. Много такси, грузовиков, лошадей. Проезжаем обширный парк с живописным озером в центре и оказываемся в гостинице «Сосновое дерево» на самой окраине парка. Вечером разрабатываем подробный план поездок по Шиллонгскому плато и прилежащим районам. Здесь особенно хочется наиболее полно использовать каждый день: фауна Ассама отличается от индоостанской. Договариваемся о длительных ежедневных экскурсиях в разнообразные природные зоны.

В Шиллонге находится филиал, или, точнее, региональная станция, Зоологической службы Индии. Благодаря вниманию и заботе ее сотрудников мы получили возможность совершить ряд интереснейших экскурсий.

Целый день с раннего утра до темноты провели мы в тропическом лесу северной части Шиллонгского плато. Вначале проехали несколько десятков километров по дороге к Гаухати, но в одной из деревенок пришлось остановиться, так как дальше начиналась зона одностороннего движения и двигался поток встречных автомобилей. К нашему удовольствию, в деревне оказался очень красочный фруктовый базар. Основной товар — апельсины, бананы и ананасы. Торгуют одни женщины, они очень ярко одеты, причем в одежде преобладают коричневые и красные тона*. Местный женский костюм состоит из длинной шерстяной домотканой юбки, хлопчатобумажной кофты с длинными рукавами, на голове обычно — шерстяной клетчатый платок. Мы купили целую корзину

---

* В разных частях Индии преобладают свои цвета одежды. Например, в Майсуре — фиолетовые оттенки, в Раджастхане — красные и желтые тона.

разных фруктов, в том числе несколько великолепных ананасов, которые здесь очень дешевы.

Это и понятно. Склоны холмов у дороги заняты большими ананасными плантациями. Ананасы растут как капуста — низенькие растения прямо на земле в венчике расходящихся листьев. На каждом растении — только один плод*.

Вот открылось движение в нужном нам направлении. Вскоре сворачиваем влево по узкой дороге, ведущей на лесоразработки. Двигаться пришлось очень медленно, так как дорога разбита тяжелыми лесовозами, временами навстречу попадался один из них, везущий стволы вековых деревьев. Каждый раз казалось, что разъехаться не удастся, так как и одному-то грузовику на дороге тесно, но наши шоферы находили какие-то местечки, где, встав боком или въехав в заросли бамбука, можно было пропустить встречный грузовик. Местами дорога вымощена досками, под которыми хлюпает жидкая грязь, — влажность в лесу очень высока.

Едем по узкому коридору, по сторонам сплошной стеной стоит тропический лес. Много высоченных, до 20 метров, кустов бамбука с тонкими, свисающими вниз отдельными стволами. В одном месте вдоль дороги течет ручей, а на другой его стороне растут кофейные деревья и ипекакуаны — южноамериканское лекарственное растение. Плантация, расположенная на вырубке, снова уступает место джунглям, опять вплотную к дороге подступает бамбук, а за ними виднеются толстые стволы и мощные кроны фикусов, рододендронов и других больших деревьев. Лес густо населен, повсюду слышатся голоса птиц. Наши машины испугнули сову, сидевшую совсем близко от дороги на поросшем мхом суку, по бамбукам скачут какие-то крохотные птички, которых в густой листве и переплетении стволов почти невозможно разглядеть. Наконец выезжаем на опушку леса, от которой отходит сразу несколько дорог, выбираем самую глухую из них и, проехав немного, останавливаемся. Все

---

* Продающиеся у нас ананасы редко бывают совершенно спелыми, так как иначе они не перенесли бы длительной транспортировки. В Индии такие неспелые или кислые ананасы едят, посыпая каждый ломтик... солью. Соль растворяется под действием содержащейся в плодах кислоты и на вкус совершенно не ощущается, зато ананас почему-то становится сладким.

вокруг усеяно опавшими тонкими и длинными бамбуковыми листьями. В лесу влажно, и можно передвигаться бесшумно. Едва отойдя от машин, заметили стайку очень красивых личинкоедов (*Pericocotus speciosus*). Самцы у этих птиц ярко-красные, самки имеют лимонное оперение. Держатся они настороженно, близко не подпускают. Медленно поднимаемся в гору, под ногами толстый слой гниющей листвы, издающей своеобразный пряный запах. Двигаться трудно, так как стволы деревьев стоят тесно, густо переплетены лианами. Впереди виден какой-то просвет — не то поляна в лесу, не то вырубка.

Неожиданно лес оглашается громкими криками: «ху-у! ху-у-у!»». Голоса нам хорошо знакомы—это хулоки, или белобровые гиббоны. Стайка обезьян находится где-то очень близко от нас, но животных не видно — они ловко прячутся в густых зарослях. Пока обезьяны кричат, медленно подкрадываемся к ним; как только в лесу наступает тишина — замираем. Теперь мы совсем близко — обезьяны сидят высоко над нами на двух соседних деревьях, мы приготовили кинокамеры. Легкий шорох от случайно задетой ветки — и гиббоны с громкими воплями перелетают над нашими головами. Едва мы успели заметить раскачивающиеся на руках серые и черные тени, а обезьяны уже далеко. И их крики еще долго раздаются в лесу и замирают в отдалении.

На тропинку осторожно выходит пара джунглевых, или банкивских, курочек (*Gallus gallus*). По-видимому, от этого вида произошли все домашние куры. Джунглевые курочки — небольшие, величиной с голубя, осторожные лесные птицы. Спрятавшись за стволом, некоторое время наблюдаем за ними. По расцветке и повадкам они очень похожи на наших беспородных кур. Рыжеватая окраска кроющих перьев, темный, отливающий синевой хвост петуха. Разгребая лапами листву, обе птицы склеивают что-то, затем пропадают в зарослях.

Издалека слева раздается громкий треск и шум. Предположив, что там идут лесоразработки, которые неизбежно должны распугать всех зверей, уходим в другую сторону. Через полчаса за одним из поворотов наталкиваемся на доктора Бисваса, который стоит за кустом, прильнув к биноклю. Он наблюдает, как большой черный фазан с белыми полосами перебегает вдали через тропинку, выскакивая то справа, то слева.

Услышав от нас о шуме в лесу, доктор Бисвас рассмеялся:

— В этом районе никаких лесоразработок не ведется, а ломали ветки наверняка дикие слоны. Их здесь немало. Встреча с одиноким слоном бывает опасна. Стадо же обычно уходит, услышав человека.

Доктор Бисвас неоднократно бывал в Ассаме и хорошо знает его фауну. Разговаривая о нравах слонов, возвращаемся к нашей стоянке, от которой ушли на несколько километров. По дороге видели двух оранжевых белок (*Dremomys*), типичных обитателей Гималаев и Ассама.

Ближе к вечеру решаем с доктором Бисвасом отправиться вперед пешком, остальные через несколько часов догонят нас на машинах. Николай Сергеевич остался на месте стоянки, так как этот участок джунглей оказался очень «урожайным» на кокцид. К. А. Бреев ухитрился разыскать поодаль в чаще две хижины и занялся сбором паразитов с коз и буйвола.

Надолго запомнились нам поездки из Шиллонга в сторону границы Восточного Пакистана. Дорога вначале идет среди зеленеющих лугов и густых лесов, больше похожих на парки. В лесу растут березы, дубы, сосны, но вид этих деревьев сильно отличается от наших. На березах нет белой коры, листья дубов без характерного волнистого края, на соснах в изобилии растут эпифитные растения, среди них много орхидей. Далее выбираемся на голое, безлесное плоскогорье и останавливаемся на одном из холмов. Вся местность вокруг покрыта черноватой пылью — поблизости много угольных разрезов. Видны пирамиды добытого угля. Во многих местах на пологих склонах каньонов — небольшие черные отверстия — входы в горизонтальные штольни, в которых и добывают лежащий очень близко у поверхности каменный уголь. Техника самая примитивная. Отбитый вручную уголь в бамбуковых конических корзинах с налобным ремнем женщины выносят на поверхность к дороге. Отсюда на грузовиках и подводах он развозится по всему краю.

Много угля используется в окрестных поселках в кузницах. Здесь исстари сложился центр примитивной металлообрабатывающей промышленности. В глухих поселках вдали от дорог до сих пор куют плуги, колеса, ножи,

Эпифиты встречаются всюду в тропическом лесу

топоры и все нужные в хозяйстве вещи, вплоть до накопечников стрел. Обилие кузниц днем не бросается в глаза, но поздно вечером в темноте тут и там по склонам холмов видны зарева в дверных проемах, мелькающие в отсветах пламени тени кузнецов.

Шиллонгское плато в этой части прорезано глубокими, в несколько сот метров каньонами и круто обрывается в сторону Пакистана. На этой естественной границе встречается холодный горный воздух с теплым влажным, идущим со стороны океана. В результате частые обильные ливни. Здесь — самое дождливое место на земном шаре. В поселке Черрапунджа в год в среднем выпадает 12—13 метров осадков (в Ленинграде осадков в 5 раз меньше), а в рекордные годы и более 20 метров. Так, в 1851 году с мая по октябрь в Черрапундже выпало 22 метра осадков. Однако благодаря гор-

На Шиллонгском плато

ному положению поселка вся вода быстро стекает в долину. В самой Черрапундже, или, как ее все здесь называют, Черре, мы не были: решили побродить в ее окрестностях. Но дорога вела через соседний поселок, где, может быть, выпадает воды в год на полметра меньше. Узенькая, шириной метра в три, главная улица. Каменные дома все до одного под железными крышами (другая кровля не выдерживает здешних ливней). За рядом домов, параллельно улице течет ручей в каменном ложе. От потока, многоводного даже в это сухое время года, в каждый дом отходят бамбуковые стволы — так устроен местный водопровод. На небольшой центральной площади поселка стоят высокие каменные плиты, округлые сверху, высотой в 3—4 метра. Потом такие или похожие плиты мы неоднократно видели и вне поселков. Они обросли мхом и лишайниками, и трудно даже при-

близительно сказать, с какого времени стоят здесь эти могильные памятники.

Интересно, что совсем близко от края плато, в каких-нибудь двух десятках километров от Черрапунджи, дожди бывают редко. Здесь жители испытывают острую нужду в воде. Мы видели, как в таких поселках девочки носили воду в конических медных сосудах, повесив их в плетеной корзине за спиной. Доставлять воду нужно из маленького ручья, поднимаясь каждый раз метров на 200 по крутой каменистой дорожке. Чтобы ровнее распределить нагрузку на корпус, применяется налобный ремень. За спиной в плетеных корзинах носят и другие грузы. Особенно странно выглядит упакованная таким образом свинья. Отдыхая, свинью кладут на обочину дороги, и она визжит там в своем плетеном чехле.

Горные дороги здесь проложены вдоль глубоких каньонов рек. Такая дорожка лепится на отвесной скале: с одной стороны крутой склон, с другой — голубоватое дно долины далеко внизу. Полотно дороги узкое, разъехаться нельзя. Несмотря на это, ездят очень быстро, и порой кажется, что сейчас неминуемо сорвемся. Особенно запомнился нам один участок дороги, проложенный по острому как лезвие ножа гребню. Между двумя глубокими каньонами машина едет по насыпной дороге, как по мосту без перил, а справа и слева — круто уходящие на глубину сотни метров зеленые склоны.

Последний вечер в Шиллонге мы провели с сотрудниками ассамского филиала Зоологической службы. В нем работают несколько научных сотрудников, занимающихся сбором коллекций, которые затем направляют в Калькутту. Благодаря сети филиалов коллекции поступают в Зоологическую службу непрерывным потоком из всех частей страны. Вторая задача филиала — наблюдать за биологией животных в природе, следить за изменением их естественной численности, массовыми вспышками вредителей, способствовать охране ценных и редких животных. При филиале имеется маленький музей, экспозиция которого состоит из местных животных (это, так сказать, краеведческий раздел) и представителей всех основных групп животного царства, в том числе и отсутствующих в Ассаме, например морских организмов. По стенам развешаны картины маслом, поясняющие некоторые явления природы. В первую оче-

редь бросается в глаза картина, на которой изображен смерч и дождь из рыб. Такие картинки используют для разоблачения суеверий: сотрудникам Зоологической службы приходится вести также общеобразовательную просветительную и пропагандистскую работу.

С утра 14 февраля собираемся в обратную дорогу в Калькутту. Наш последний визит — на знаменитый Бурра-Базар в самом центре города. С интересом ходим по торговым рядам — базар очень «деловой»: продаются разные овощи — редиска, огурцы длиной в полметра, картофель, репчатый и зеленый лук, какие-то неведомые нам растения, горки мандаринов, — висят гирляндами ананасы. Ананасов особенно много. А вот наконец ряды, где торгуют кустарными изделиями. Искусно сплетенные из расщепленного бамбука конусовидные корзины для груза любого размера — от огромных, метра полтора высотой, до небольших, всего в полметра, предназначенных для детей. Вот грубые корзинки с ляжками для переноски свиней, вот корзинки для овощей, а вот и плоские корзины-зонтики, годящиеся одинаково для сбора фруктов или для защиты от проливного дождя. А в следующем торговом ряду разложены прямо на земле луки разных размеров, стрелы для охоты на птиц и зверей, самодельные ножи. Во время своих экскурсий мы ни разу не встречали охотничьих племен, но здесь видим, что эта продукция пользуется большим спросом. Луки сделаны с удивительным мастерством. Из ствола бамбука изготавливается сам лук, а из тонких и очень крепких волокон наружного слоя бамбука делается тетива. Стрелы — из тонких шлифованных побегов бамбука, с острыми коваными наконечниками из железа, с ярким оперением. К сожалению, мы попали не в самый, что называется, базарный день. Оказывается, у племени кхаси, населяющего окрестности Шиллонга, неделя состоит из восьми дней и в каждый из дней недели в одном из поселков проходит базар. В Шиллонге базар собирается каждый день, но особенно большим бывает раз в 8 дней, в «свою» очередь.

Сборы коротки: за время путешествия каждая вещь в чемодане и рюкзаке хорошо «выучила» свое место. Сердечное прощание, крутые повороты по дороге в Гаухати, перелет уже в темноте через Пакистан в Калькутту.

Утром покидаем Калькутту опять в сплошном тумане

не. Машины еле ползли по улицам, фары встречных автомобилей казались тусклыми желтыми монетами. В воздухе висела липкая сырость, которую никак нельзя было стереть с одежды, с лица и рук. Знакомый нам аэропорт Дум-Дум был битком набит отлетающими и транзитными пассажирами. Летного поля вообще не было видно. Рассвет ничего не изменил, только мгла из черной стала мутно-белой. Выйдя из холла в сторону летного поля, можно было увидеть смутное очертание хвоста какого-то самолета, но дальше все было окутано молочной пеленой. Только к 9 утра туман рассеялся настолько, что самолет стал виден весь целиком. Это оказалась «каравелла», на которой нам предстояло лететь в Дели. Вскоре мы сидели в удобных креслах, и «каравелла», пробежав лишь до середины поля, круто ушла вверх, пробила облачность и понеслась на запад. Справа, в ясной дали белеют громады Гималаев, хорошо видные отсюда с расстояния в несколько сотен километров. Через два часа под нами снова мелькнул ярко-синий купол пакистанского посольства, а спустя несколько минут приземляемся в делийском аэропорту Палам.

ГЛАВА XII

ДЕХРА-ДУН — ДЖОДХПУР — ДЕЛИ

Дели — Дехра-Дун — Деревянная библиотека — На слоне по заповедникам — У священного Ганга — Перелет в Джодхпур — Пантеон богов и героев — Битва с лангурами — Индия — страна пустынь — «Святой» — Жизнь в пустыне — До свидания, страна друзей!

21 февраля утром выезжаем из Дели на поезде, идущем в Дехра-Дун, на север страны, в предгорья Гималаев. Чем дальше от Дели на север, тем больше посадок сахарного тростника. Сейчас кончается сезон уборки — десятки тяжело груженных подвод медленно ползут к приемным пунктам, которые расположены у же-

лезнодорожных станций. Здесь они выстраиваются в длинные очереди. У ребятишек во рту кусочки очищенных стеблей тростника. Впрочем, на станциях видим не только ребятишек. Откуда-то здесь же появляются огромные стаи макак. С восторгом наблюдаем, как несколько макак прыгают с железнодорожного моста прямо на крыши вагонов нашего поезда, деловито их обследуют и как ни в чем не бывало спокойно возвращаются на фермы моста.

Уже к вечеру местность начинает меняться. Кругом насколько хватает глаз потянулись пологие предгорья, покрытые лесами. Подъезжаем к Сиваликским горам, невысокой грядой тянущимся параллельно Гималайским хребтам. Мы в Кумаоне, хорошо известном нашему читателю по великолепным книгам Джима Корбета*. Оказывается, один из крупнейших в Индии национальных парков (заповедников), расположенный как раз в этой части страны, носит имя Корбета, прославившего природу и людей этого края.

В Дехра-Дун («дун» — межгорная впадина) мы прибыли затемно и через несколько минут оказались в небольшой уютной гостинице под названием «Белый дом». В большом полукруглом холле сидел отставной английский полковник и с лупой в руках изучал дневные газеты. Оказалось, что он единственный и постоянный житель гостиницы. Через сотню метров от гостиницы — небольшое здание региональной станции Индийской зоологической службы, напротив — ограда какого-то большого колледжа. В Дехра-Дуне бросается в глаза огромное число школьников. Здесь их встречается столько же, сколько в Керале. Красные, зеленые, синие формы — в каждой школе своя, — с холщовыми сумками на плече, маленькие граждане заполняют улицы города с половины девятого до 9 часов утра.

Север штата Уттар Прадеш, одного из самых северных штатов страны, славится своими лесами, и лес играет важную роль в хозяйстве. В целом по Индии количество лесов за последнее столетие сильно сократилось из-за потребности в древесине и вследствие недостатка пахотных земель. Однако сокращение площадей под лесом привело не к увеличению посевных площадей, а к

---

* «Кумаонские людоеды», «Храмовый тигр», «Моя Индия».

их сокращению, так как резко возросла эрозия. Сейчас правительство Индии проявляет постоянную заботу о сохранении и расширении лесов. Очень важную работу в этом направлении ведет Лесной научно-исследовательский институт в Дехра-Дуне.

Институт расположен на окраине города в прекрасном парке, окруженном опытным лесом. Здесь ведутся научные исследования в самых разных областях лесного хозяйства, находятся учебные аудитории и несколько специализированных музеев. Колледж при институте готовит лесных офицеров и лесников. Знакомство с этим интереснейшим учреждением начинаем с музеев. Среди них главное место занимает Музей леса. В огромном зале, куда мы попадаем, все стены обшиты деревянными панелями. Приглядевшись, обнаруживаем, что панели сделаны из гладких полированных досок, изготовленных из деревьев различных пород. Над каждой доской висит фотография живого дерева. Невозможно пройти мимо поперечного распила ствола гималайского кедра диаметром почти в два с половиной метра. На полированной поверхности свыше 700 годовых колец — это дерево росло еще до монгольского нашествия на Русь. Вся мебель зала, витрины, даже паркет изготовлены из ценных пород индийских деревьев. Кроме того, имеется еще и уникальная деревянная «библиотека». В особом помещении на высоченных стеллажах стоят ровными плотными рядами, как книги на полках, гладкие деревянные дощечки. Здесь хранится одна из крупнейших в мире коллекций образцов древесины. Все дощечки расположены в строгом порядке, каждая имеет номер по каталогу, этикетку с названием вида деревьев, места и времени их сбора.

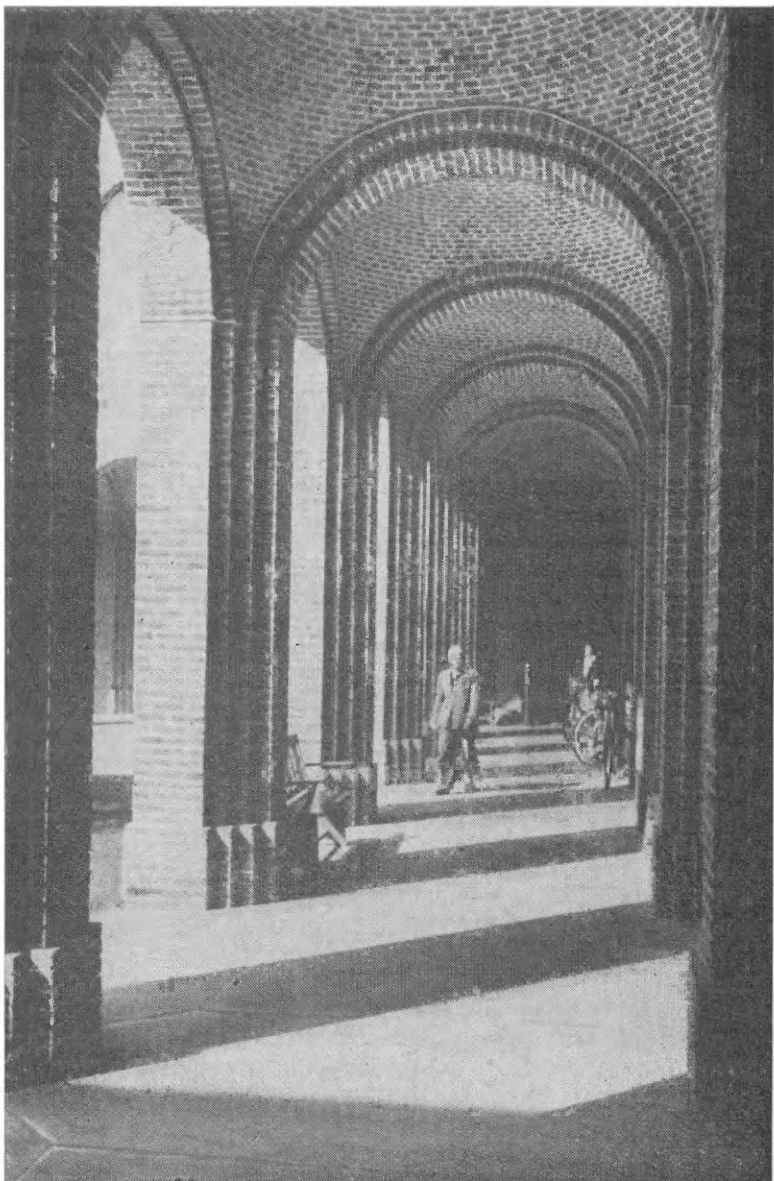
В Музее лесной продукции собраны различные деревянные изделия, представлены все области применения древесины. Здесь и мебель, и игрушки, и посуда, и деревянные челноки для ткацких машин, перерабатывающих джут, и народные музыкальные инструменты. В Энтомологическом музее собраны различные лесные насекомые Индии и показаны вызываемые ими повреждения. Есть и научная систематическая коллекция насекомых, вероятно самая большая в Азии — 22 тысячи видов собраны сериями и содержатся в образцовом порядке. Кроме того, имеется еще и Музей лесной патологии, где представ-

лены повреждения, вызываемые грибами, бактериями, вирусами. В Ботаническом музее экспонируются различные лесные растения — кустарники, травы. Институт располагает также и гербарием, собранным более чем за сто лет. Осмотр всего этого богатства занял у нас почти весь день, поэтому музеи Анатомии растений, Химический и Лесного инженерного дела было решено осмотреть при следующем посещении института.

Из научных лабораторий, конечно, особое внимание уделяем энтомологической. В ней под руководством доктора П. К. Сен-Сарма ведется изучение биологии вредителей и борьбы с ними. Видим наколотых на булавки маленьких бабочек — опаснейших вредителей тика, ценного дерева индийских лесов. Сотрудникам лаборатории удалось найти 52 вида паразитов, истребляющих этих бабочек. Сохранять число паразитов можно путем их искусственного разведения. Но паразит может питаться лишь за счет живых насекомых. Было найдено 32 вида безвредных насекомых, которые могут служить для выведения паразитов. В свою очередь тогда неизбежно встал вопрос о корме для этих — безвредных — насекомых. Тщательные исследования показали, что в составе подлеска имеется более 40 таких кормовых растений. Из всего этого сложного переплетения взаимоотношений между растениями, бабочками-вредителями и их паразитами нужно было выбрать пути наиболее эффективной борьбы с вредителем тика. Методом многочисленных экспериментов были выявлены наиболее подходящие растения, которые следует оставлять в подлеске тиковых лесов. Работа была проделана очень кропотливая, дорогостоящая, длительная. Но в институте подсчитано, что этот метод борьбы с вредителем не только эффективнее химического, но значительно дешевле его.

Другое интересное исследование касается изучения способностей жуков различать запахи. Эти насекомые, как показали исследования, чувствуют запах древесного сока на расстоянии до двух километров. Было предложено приманивать их на разбросанную свежую щепу и так уничтожать.

Мы не рассказали и о малой доле тех интересных работ, которые ведутся в этом институте. Да это и невозможно здесь сделать. Отметим лишь, что этот лесной институт — вероятно, крупнейший в мире и исследования

Лесной институт в Дехра-Дуне

Пересадка. Заповедник Раджаджа, Сивалики

его хорошо знают и ценят ученые всех стран. Недаром последний международный конгресс лесоводов происходил в 1960 году именно здесь. В этом — еще одно доказательство успехов и авторитета индийских ученых.

Две интересные экскурсии состоялись в местные заповедники, расположенные на северных и южных склонах Сиваликских гор. Первый из них — заповедник Раджаджи — расположен в 30 км к югу от города, по сторонам первоклассного шоссе, соединяющего Дехра-Дун с Дели. Вся дорога в броских плакатах: «Боритесь с малярией!», «Помогайте уничтожать малярию!». Пониже — что надо делать практически. На первом месте стоит призыв: «Делайте анализ крови!».

Заповедник длинной и широкой лентой протянулся по южному склону Сиваликских гор и весь расположен в девственном лесу. Сейчас сухой сезон, и, как с сожалением объясняет сопровождающий лесной офицер — один из трех, руководящих заповедником, — животных в лесах мало. Встречаем множество сухих русел, долин, просто неглубоких впадин, наполненных камнями, крупной галькой, песком. Здесь в дождливый период бегут потоки. Эти русла пересекают нашу дорогу, которая ведет от основного шоссе через весь заповедник. Мостов нигде нет. В таких долинах дорога идет по широкому бетонному основанию, чуть возвышающемуся над сухим руслом реки. Нам объясняют, что тяжелые машины в любое время года могут проходить по такой дороге, даже когда поверх нее катятся воды потока.

— Ну, а для слонов, — добавляет офицер, — такие потоки вообще не помеха.

Мы оказались у небольшого каменного гест-хауса из пяти-шести хорошо оборудованных комнат. В 100 метрах от дома — уже знакомое нам помещение слоновника. Как в средней полосе России всегда издалека можно узнать конюшню или скотный двор, так и по всей Индии издалека можно узнать слоновник. Высокое, «неладно скроенное, но крепко сшитое» помещение, обычно полуоткрытое, сооружается из громадных бревен.

Предупрежденный заранее служитель подводит к нам спокойную 93-летнюю слониху. Верхняя половина головы покрашена черной краской, на спине укреплен махан — площадка из досок с четырьмя высокими столбиками на углах.

Путешествие на спине слона по лесу оставляет незабываемое впечатление. Сначала кажется, что вот-вот свалишься с покачивающейся площадки, и все время хватаешься за боковые столбики. Потом быстро убеждаешься, что, даже когда слон идет в очень крутую гору или спускается в русло сухой речки, — бояться нечего, так как площадка укреплена прочно. Тогда начинаешь внимательно осматриваться кругом.

Мы привыкли ходить в лесу по земле, и обычно для нас лесная картина смотрится вперед, в стороны и вверх. Здесь ракурс меняется, приходится смотреть не только вверх и в стороны, но и вниз. Поражает ловкость и мастерство, с каким слон с шестью седоками на спине

проходит через самые густые джунгли, при этом никого не поранив. По едва слышным указаниям погонщика, сидящего не на общей площадке, а прямо на шее у слона, он либо отодвигает хоботом крупные ветки, либо ломает их, либо прижимает ногой к земле. Все это делается так аккуратно и не «напролом», что обнаружить след слона в такой чаще по сломанным ветвям практически невозможно — за ним остается такая же стена джунглей и не видно никакого прохода.

Другое преимущество экскурсии на слоне в том, что лесные животные, как мы уже говорили, боятся слона гораздо меньше, чем человека, и поэтому подпускают нас очень близко. Вот потревоженная нашим появлением группа пятнистых оленей отошла на 20—30 метров и спокойно ждет, когда мы минуем их, вот семья обыкновенных лангуров (*Semnopithecus entellus*) — осторожных и редких здесь обезьян — сопровождает нас по вершинам деревьев. Действительно, в заповеднике в этот сухой период года очень мало животных: тигров осталось всего 3—5, пантер «всего» 200 голов, совсем нет диких слонов, несколько сотен которых регулярно бывают здесь в другое время года. Да и лес — в основном листопадный — выглядит как наш лиственный лес в средней полосе поздней осенью — голые деревья, шуршащие листья под ногами.

Подъезжаем на слоне к высокой, метров 10, деревянной башенке на бетонных сваях. Наверху — обзорная площадка с хорошим видом на редколесье, широкую долину сухой реки, противоположный чистый склон холма. Видно, как несколько загонщиков, заранее ушедших в лес, выгоняют на нашу смотровую площадку разных зверей и птиц. Видим оленей, множество павлинов, которые смешно перелетают на большие расстояния, вытянув свой огромный хвост горизонтально, и лангуров. Мы сидим тихо, и лангуры, хотя и слышат идущих вдали загонщиков, еще не особенно встревожены: идут по земле, время от времени оглядываясь назад. «Идут» — сказано не точно, они скорее прыгают, причем до удивления похожи на кенгуру или огромных зайцев.

Проехав километров 20 от заповедника по хорошей проселочной дороге, попадаем в город Хардвар, расположенный в том месте, где Ганг, или, как здесь называют эту реку, «Ганга», прорезает невысокие Сиваликские

горы. Хардвар — город, знаменитый на всю страну Кумб Мелом, религиозным праздником, происходящим раз в 12 лет и привлекающим в этот сонный городок и его окрестности до полумиллиона паломников. Главная святыня города — Ганг, вокруг которого построено огромное количество приютов для паломников — дхармшал, гостиниц, маленьких храмов. Вся набережная Ганга оборудована для массового приема людей — огромные, вымощенные камнем, широкие ступени идут к самой воде и уходят на некоторую глубину, широкий мостик соединяет берег с небольшим островком, сплошь застроенным легкими сооружениями вроде наших пляжных тентов. Кое-где стоят ряды закрытых кабинок, позволяющих богатым паломникам погружаться в священные воды в одиночестве. Сейчас холодно, на воздухе около 15°C, а в воде и еще холоднее — прозрачные здесь воды Ганга еще не успели нагреться, родившись в фирновых полях Кайласы* высоко в Гималаях, — ведь мы в 150—170 км от истоков реки, — но тем не менее сотни паломников расположились вдоль берегов, и тут и там видны входящие и выходящие из воды фигуры.

Вокруг нас снуют мальчишки — продавцы рыбьего корма. Покупаем несколько пакетиков с зернами вроде кукурузы. Река очень быстрая, на поверхности ее видны буруны и водовороты, возникающие то там, то здесь. Моментально к берегу из глубины потока бросаются несколько больших рыбин величиной 50—70 см и ловко хватают наши приношения.

Вечереет, а нам надо к заходу солнца снова быть в заповеднике — на вечерней заре из засидки, может быть, нам удастся увидеть пантеру, а может быть, даже тигра. После короткой встречи в окрестностях Хардвара с группой советских специалистов, помогающих в строительстве завода тяжелого энергомашиностроения, отправляемся снова в заповедник, теперь в его самую восточную часть. Здесь возвышается над лесом тридца-

---

* Кайласа — «обитель богов», индусский Олимп, гора «безмятежнейшей красоты» около 7000 м высотой в Северных Гималаях, «самое святое из всех священных мест». Примечательно, что район этой горы, отличающейся безупречной симметричной формой, действительно занимает выдающееся положение в Азии: в ее окрестностях начинаются сразу три крупнейшие азиатские реки: Инд, Ганг и Брахмапутра.

тиметровая наблюдательная вышка, сделанная из сварных труб, с маленькой обзорной площадкой наверху.

Успели как раз вовремя: солнце садится, и земля быстро погружается в сумерки. До боли в глазах вглядываемся в лесную чащу, надеясь увидеть крупных хищников, которые именно сейчас и должны выходить на охоту. Где-то вдалеке раздался отрывистый лающий крик, далеко разнесшийся по джунглям: кричит встревоженный каркер — лающий олень. (Только теперь понимаем, насколько метко названо это животное). Значит, кто-то потревожил оленя. Вот крик повторился несколько в стороне, потом еще и еще раз. Но кто ходил по джунглям и пугал оленей — мы так и не узнали. Совсем стемнело, и мы покинули нашу вышку.

Теперь нам предстояла еще одна — последняя — экскурсия по заповеднику. Впереди наших машин медленно ехал открытый «джип» с сильной фарой. Время от времени офицер охраны включал фару, и мы видели в темноте неправдоподобно ярко светящиеся глаза животных. Самих оленей, кабанов, зайцев различить сначала совершенно невозможно, хотя они, замороженные ярким светом фар, неподвижно стоят недалеко от дороги. Стоит отвести или погасить фару, как слышен удаляющийся шорох и треск листьев — животные спешат уйти подальше от дороги.

На другой день новая поездка в Сиваликские горы, теперь в заповедник Мотичур, расположенный на их северном склоне. Небольшие по площади заповедники штата окружены огромными территориями так называемых «резервных лесов», эксплуатация которых происходит под строгим контролем лесной службы. Такие леса занимают около 25 процентов территории штата Уттар Прадеш. Лесной офицер, сопровождавший нас в сегодняшней поездке, наблюдает за 707 квадратными километрами леса, которые обслуживают 300 человек. В помощь им нанимается еще много сезонных рабочих.

Повторяется уже знакомая процедура восхождения на спину слона. Нас теперь меньше — Николай Сергеевич остался на усадьбе заповедника собирать кокцид, а Константин Александрович Бреев на весь день снова уехал в Лесной институт. Зато сегодня со спины молодой — 75-летней «Прекрасной Кали» (так зовут нашу се-

годняшнюю слонику) удалось увидеть гораздо больше: несколько десятков пятнистых оленей, которых согнали с их дневной лежки в густом кустарнике и долго проводжали по руслу ручейка, павлинов, огромную стаю макак и лангуров. Макак мы принялись было преследовать. Ловко прыгая по вершинам, они старались убежать от нас. Видя, что так просто от нас не отделаться — слон в светлом лесу быстро догонял двигавшуюся по деревьям стаю, — они словно по команде спустились на землю и бросились бежать, причем это получилось гораздо быстрее, чем по деревьям.

Как ни странно, но северный склон Сиваликских гор оказался ближе к весне, чем южный. Может быть, это связано с обилием влаги, по каким-то гидрогеологическим условиям сохраняющейся здесь в большем количестве. Лес тоже стоит без листьев, но все почки на деревьях набухли, как у нас в конце апреля, и, когда ломаешь ветку, на тебя брызжет древесный сок. На опушках и у воды есть и цветущие деревья. Издали эти небольшие деревья очень похожи на наши ивы: и цветут такими же желтыми цветами, и пыльца разносится ветром, но, подойдя поближе, обнаруживаем, что это не ива, а акация — желтые лохматые цветы, мягкие, мелко расчеченные листья и огромные колючки на ветках.

Выезжаем из заповедных лесов и вскоре попадаем в район строительства завода по производству антибиотиков — пенициллина, стрептомицина и других. Завод строится по советским проектам и при участии наших специалистов. Уже поднимались главные корпуса, и в 1965 г., как предполагалось по плану, он дал первую продукцию. Об этом мы узнали уже дома, вернувшись в СССР.

Здесь, в окрестностях городка Ришикеш, — другое священное место по течению Ганга. Такое же множество храмов по берегам реки, и такие же ведущие в воду ступени. Отсюда начинается долгий путь паломников к истокам Ганга. Начало этого трудного пути — современный подвесной мост, на восьми стальных тросах перекинутый через Ганг. Сейчас паломников мало, и у моста, перед входом на который повешена табличка, извещающая, что «велосипедистам, слонам и верблюдам вход на мост запрещен», соревнуются в выпрашивании подаяния большие седобородые лангуры и несколько профессио-

Служки во дворе храма Лакшми готовят лекарства

нальных нищих. Здесь же вездесущие ребята продают корм для святых рыб. Бросаем с середины моста несколько пакетиков корма. Сотни огромных — метр-полтора длиной — рыб немедленно появляются у поверхности, и река закипает.

Посетив комплекс храмов Лакшми, что расположены около моста на противоположном берегу Ганга, переходим обратно и спускаемся немного ниже по течению. Тут другая группа храмов — для их посещения переезжаем на моторном катере вместе с толпой паломников (три катера, вмещающих по 15—20 человек, курсируют непрерывно) на другую сторону Ганга. Здания в два-три этажа образуют замкнутый двор. Всюду помещения для паломников, множество цветных картин, изображающих сцены из «Рамаяны» и «Махабхараты» (тут и борьба короля обезьян Ханумана с властителем Цейлона демоном Раваном и другие), большие залы,

очевидно, для каких-то коллективных молений. Двухметровая статуя Шивы под священной свастикой стоит в сквозном проеме. Ее хорошо видно и изнутри помещения и снаружи. Стены зала заняты пустыми вертикальными открытыми полками с номерами. Для чего они?

Наблюдаем, как во внутреннем дворике здания идут приготовления различных лекарств и бальзамов для паломников, число которых через месяц-полтора должно увеличиться. На огромных «аптекарских» весах, на чаше которых могут поместиться два-три человека, взвешивают с помощью гирь, похожих на большие гайки, мешки с какими-то травами и белым порошком вроде мела. Рядом двое ребят метровыми деревянными пестиками толкут в ступе уже взвешенные ингредиенты. И наконец, последний этап: у входа в здание небольшой киоск, наполненный банками, баночками и коробочками с мазями, притираниями, порошками и эмульсиями. Константин Александрович по привычке рвется к прилавку в надежде наконец-то найти универсальное долгодействующее средство от кровососов. Из длительного разговора с монахом, торгующим в лавке, выясняется, что важны не столько те компоненты, которые входят в мази, сколько всеильная вода святого Ганга. Пришлось Константину Александровичу уйти отсюда без покупки.

Другой храм расположен здесь же, но чуть ниже по течению. Это даже не храм, а нечто вроде английского сада, с аккуратно подстриженными газонами и небольшими деревьями, между которыми в стеклянных кабинках стоят глиняные, раскрашенные яркими красками фигуры богов и героев, сделанные в человеческий рост. Рядом открытая галерея, где фигуры богов стоят в ряд. Еще более многочисленные скульптурные группы, изображающие сцены из легендарных народных эпосов о подвигах Шивы, стоят вдоль берега Ганга. Все они или за стеклом, или за крупной решеткой, что не часто встречалось нам в других храмах Индии. Содержится этот современный пантеон богов в сбразцовом порядке — нет масляных светильников, курильниц, пол вокруг не заплыван бетелем, даже курить запрещено.

Возвращаемся, как всегда, поздно вечером. Полковник, подняв голову от газеты, приветливо нам кивает.

Из Дехра-Дуна мы совершаем экскурсию в Массури — небольшой высокогорный курорт, расположенный

в Гималаях на высоте 2000 м. Во время нашего посещения это был полумертвый город — с закрытыми гостиницами, ресторанами, кинотеатрами, рынками, с редкими, закутанными в платки, прохожими. Как и все индийские курорты, Массури расположен высоко в горах — там, где попрохладнее. И курортный сезон здесь наступает тогда, когда на равнинах Индии устанавливается жаркая и влажная погода: в апреле — июле и в сентябре — октябре. А сейчас, когда индийцы здесь ежатся от холода и доктора Менона мы закутали в свои теплые вещи, вероятно, блаженствует далай-лама, ощущая суровое дыхание родного Тибета. Далай-лама вместе со свитой, как пишут в местных газетах, живет именно в Массури. Мы не видели его, но встретили на улицах Массури немало тибетцев в оранжевых одеждах буддийских монахов.

Итак, мы побывали в тропических лесах Ассама и Нилгири, на Коромандельском и Малабарском побережье, познакомились с природой гималайских предгорий. Теперь нам предстоит совершить последнюю большую поездку — в пустынные районы Индии. Наш путь лежит через Дели в пустыню Тар, в город Джодхпур. Ранним утром 28 февраля в Дели пересаживаемся с поезда на самолет, чтобы лететь в Джодхпур. Наша группа на этот раз была не в полном составе, Константин Александрович намеревался посетить ветеринарный институт в Изатнагаре и лететь с нами не мог.

В аэропорту Палам доктор Менон отпустил обе доставившие нас машины и, как всегда неторопливо, отправился отмечать билеты. Мы зашуршали купленными тут же утренними газетами. Не прошло и пяти минут, как появился взволнованный Менон. Оказалось, что он по ошибке попросил доставить нас не в тот аэропорт — самолет на Джодхпур должен был улететь через 40 минут с маленького аэродрома Софдарджанг, находящегося на отдаленной окраине Дели. Быстро нашли такси и все впятером втиснулись вместе с багажом в маленький «Амбассадор», рассчитанный на четырех человек, включая водителя. Времени оставалось очень мало, и доктор Менон торопил шофера, который и без того вел машину на предельной скорости. Начало светать, когда мы наконец выбрались из тесного такси и побежали к окошечку администратора.

Вскоре мы уже летели на юг и через 40 минут полета сели в Агре. В эти дни было полнолуние и много туристов спешило в Агру, чтобы посмотреть на Тадж Махал при лунном свете. Наш самолет опустел, и дальше вместе с нами летели только двое служащих городской магистратуры Джодхпура. После Агры самолет взял курс на запад и через час приземлился в Джайпуре. Здесь уже ощущалась близость пустыни. В аэропорту наше внимание привлек киоск с сувенирами. Среди массы красивых и очень дорогих вещей стояли изящные темные кобры с белыми чешуйчатыми разводами. Как оказалось, они изготовлялись из шеллака* с примесью естественных красителей. Вскоре после того как самолет оторвался от взлетной площадки, на его левом крыле позади мотора появилось большое масляное пятно. Масло тонкой струйкой течет по плоскости. Встречный поток воздуха рябит поверхность масляной лужи. Один из пассажиров, глядя на поврежденный мотор, сказал нам, что в прошлом году в этих местах разбился самолет, на котором летел прежний махараджа Джодхпура. Из кабины вышел один из пилотов, внимательно осмотрел крыло, сказал нам «О'кей!» и вернулся к своим приборам. Вскоре стюардесса принесла кофе с сэндвичами, и, присев на ручку кресла, разговорилась с нами. Она недавно окончила институт иностранных языков и поступила в индийскую авиакомпанию — работа стюардессы, знающей английский язык, хорошо оплачивается. Работает всего около месяца и еще не успела освоиться, хотя и облетела всю свою великую страну. Мельком взглянув в окно, она посмотрела на струю масла, которая значительно увеличилась, и, поднявшись, спокойно ушла в кабину пилотов. Вероятно, она получила от них задание проследить за состоянием мотора, не волнуя пассажиров. Под нами расстилалась полупустынная местность серовато-желтого цвета. Примерно через час полета стал виден Джодхпур.

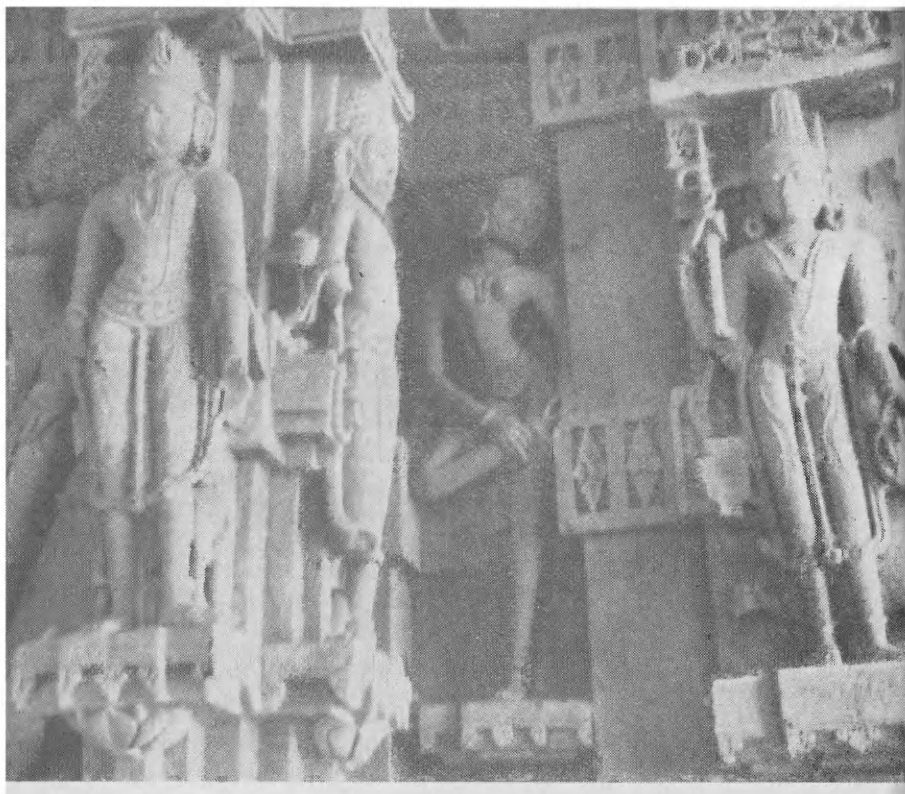
* Шеллак, или просто лак,— продукт деятельности червецов, разводимых на некоторых видах тропических деревьев. Натуральный лак обладает очень ценными качествами и используется в современной промышленности, судостроении и т. д. Кобру из шеллака теперь можно видеть на витрине Зоологического музея АН СССР, посвященной лаковому червецу.

Город лежит в низине между высоченным скалистым холмом с громадным средневековым фортом и пологим холмом, на котором высится розовое причудливое здание нового дворца местного махараджи. Здание это построено лет 30 назад по проектам европейских архитекторов и сейчас служит последним прибежищем махараджи, живущего на миллионную правительственную пенсию. Как-то через несколько дней мы захотели осмотреть это здание, в котором, говорят, много диковин, и заодно познакомиться с махараджей. Но мы были свободны лишь в воскресенье, а у парадных ворот выяснилось, что по воскресеньям махараджа не принимает.

Жарко и сухо. Столбы, дома, заборы — все из камня. Нет лесов, нет и деревянных построек. Видно, что здесь бывает очень мало дождей, которые обычно смывают известку со стен. Город выглядит так, как будто его только что побелили.

Джодхпур заложен Рао Джодхаджем в 1459 г. Сюда была перенесена столица древнего государства меваров, ранее располагавшаяся в 10 километрах к северо-западу, в Мандоре. В одну из экскурсий мы заехали в эту древнюю столицу. Сейчас здесь поддерживается в большом порядке целая система парков, существовавшая еще в XIV веке. Среди парков, дворцов и беседок есть интересная галерея богов и героев: большие фигуры, частично вылепленные из глины, частично вырубленные из скал, располагаются длинным строем под тенистым каменным навесом. Это «Пантеон 330 миллионов богов». Тут и Хануман со своим обезьяньим войском и Кришна, играющий на флейте в окружении маленьких фигурок придворных. Все они хорошо вооружены и готовы к бою.

Над каждым аккуратные надписи на хинди и английском. Вот Чамунда — божество правящего махараджи, местный божок Канкали верхом на черном демоне Бханисасуре, раджпутские герои Рамадео и Малинатх и другие, все или почти все с оружием. Дело дошло до того, что милому Ганешу в каждую из четырех рук вложили боевые топоры и кривые ножи. Рядом с этой галереей находится зоологический музей, собранный махараджамы в течение сотен лет. Среди экспонатов крокодил с двумя головами, ягненок с третьей парой ног, выросшей на спине, и тому подобные монстры.

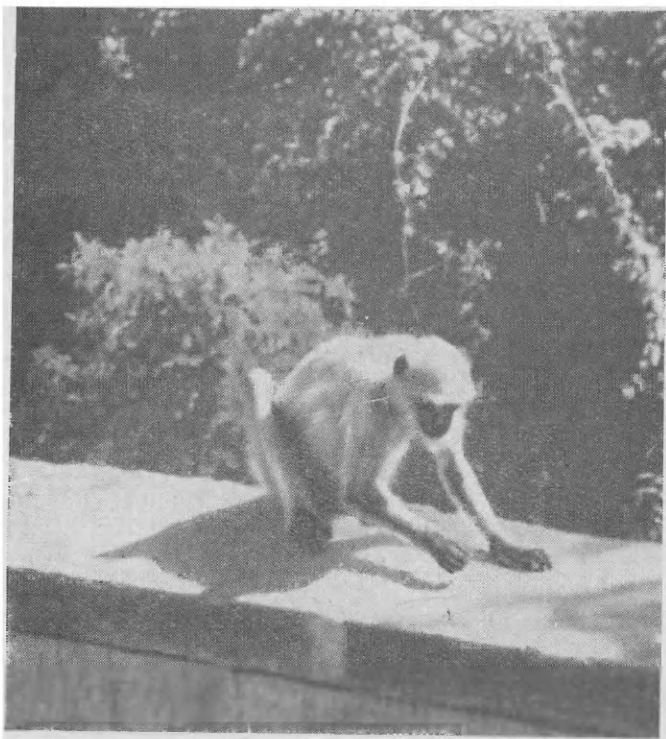

Деталь дворца махарадж в парке Бальзар Саманд.
Окрестности Джодхпура, XVI в.

В садах Мандоры сохранились и раннесредневековые постройки, которые особенно привлекают потому, что задуманы не как культовые, храмовые сооружения, а как дворцы отдыха и развлечений. Среди каменных веранд, беседок, павильонов выделяются здания оригинальной архитектуры, с филигранной резьбой по такому неблагоприятному материалу, как песчаник, и очаровательными фигурками танцовщиц, музыкантов и мифических чудовищ.

Поднявшись на каменистый холм, возвышающийся над Мандорой, мы оказались свидетелями единоборства местного крестьянина со стаей лангуров, нападавших

Лангур

на его участок. Лангурам очень хотелось полакомиться какими-то вкусными плодами, зреющими за забором из колючей проволоки, и проволока для них, конечно, не представляла серьезного препятствия. Но на вершине горы сидел веселый индеец с грудой камней. Как только он видел, что лангуры подходят близко к посевам, он закладывал камень в пращу и, крутанув ее над головой, посылал свой снаряд в зверя. Делал он это довольно ловко, и победа, до сих пор во всяком случае, была на его стороне.

Широко распространено мнение, что Индия — страна джунглей. Это, конечно, не так, и не только потому, что в основном Индию покрывает саванна, но и потому, что больше пятой части страны занимают настоящие каменистые и песчаные пустыни. Пустыня Тар — крупнейшая

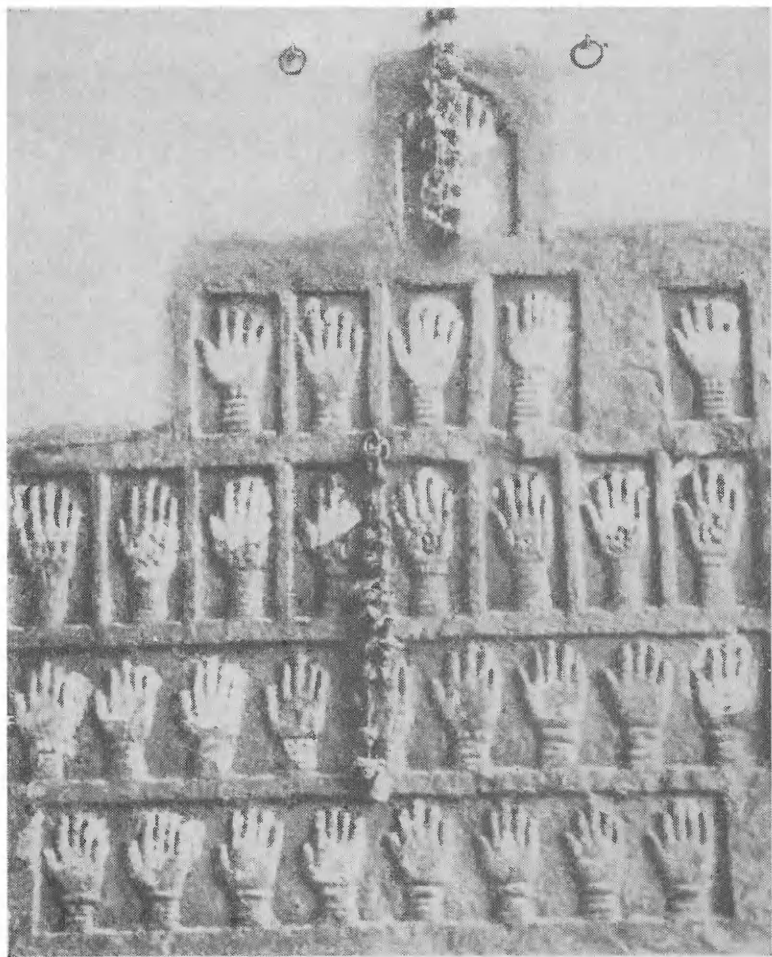
среди них — простирается по всей Западной Индии. Не удивительно поэтому, что Международный институт по изучению и освоению пустынь расположен именно в Джодхпуре, на границе между пустыней и полупустыней. Здесь в лабораториях и опытных хозяйствах, разбросанных по всей Западной Индии, изучаются различные вопросы жизни в пустыне, начиная от влияния гибберелина на вегетацию пустынных растений и кончая социологическими аспектами жизни в пустыне.

Перед организацией института (которому в 1964 году было всего четыре года) правительства Индии и Австралии при поддержке ЮНЕСКО посылали своих специалистов в разные страны для изучения опыта освоения пустынь (в том числе и к нам в Среднюю Азию). В результате была составлена многоступенчатая программа работ: в течение каждого года решаются определенные вопросы, проверяются полученные на опытных станциях рекомендации, и через систему ежегодных курсов и печать эти достижения немедленно внедряются в жизнь.

В результате исследований, проводимых в зоологической лаборатории, выяснены интересные особенности обмена веществ у некоторых животных пустыни. Оказывается, песчанка (*Meriones persicus*) выживает в среднем 16 месяцев без каких-либо влажных кормов и воды в пище. Некоторые зверьки живут без воды более двух лет, то есть всю свою жизнь. У таких зверьков, живущих на безводной диете, резко увеличивается основной обмен, концентрация мочевины повышается до 22 процентов, в организме значительно увеличивается количество жировой ткани. Несмотря на столь совершенное приспособление к жизни в пустыне, песчанка, извлеченная из норы, через несколько часов пребывания на поверхности погибает от перегрева при температуре воздуха +45° С.

В институте ведутся широкие работы по внедрению наиболее выносливых растений, имеющих хозяйственное значение для освоения пустынь, из всех частей света: из пустынь Южной Америки и Африки, Средней и Центральной Азии, Австралии и Северной Америки. Через несколько лет в институте специалисты разных стран смогут познакомиться с самыми передовыми методами освоения пустынь.

Незабываемое впечатление оставляет посещение форта Джодхпура, этого «драгоценного камня Раджастха-

На стене форта Джодхпура — слепки рук жен махарадж, взошедших на костер после смерти мужей

на», как гордо именуют его сами раджпуты. Для этого есть особые причины. В Раджастане — «Стране раджей» — каждый город — прежде всего крепость. И чем крепость неприступнее, тем более почетным было обладание ею. Это и естественно в Раджастане, о котором говорили, что здесь «больше оружия, чем хлеба».

Форт Джодхпура расположен на огромной скале с вертикальными стенами. На этой-то каменной основе и укрепил стены своей крепости Рао Джодхадж в 1459 г. Сейчас крепость, много раз надстраиваемая и перестраиваемая, сохраняется в почти неповрежденном виде. Стены форта высотой от 7 до 40 (!) метров достигают местами толщины более 20 метров. За наружной скрыты шесть внутренних стен и ворот. Ворота расположены на зигзагообразной линии, чтобы защищающиеся могли с большим уроном для врага отбивать атаки.

На стене у последних внутренних ворот слепки рук 36 махарани — жен махарадж, которые были подвергнуты по обычаю сати — сожжению после смерти мужа. Среди безмолвных, нагретых солнцем стен, где гулко раздается каждый шаг, отпечатки этих рук с гирляндами увядших цветов производят неизгладимое впечатление.

Если подняться на крепостную стену, город внизу лежит как на ладони россыпью игрушечных домов и домишек. Среди них выделяется большой квадратный водоем. Около этого водоема мы очутились в одну из не запланированных доктором Меноном экскурсий по городу. Нам нравилось бродить по узким улочкам с глинобитными заборами, наблюдать жизнь города не из машины. Так мы оказались на берегу городского водохранилища. В спокойной воде неподвижно лежали несколько буйволов, и на берегах не было видно никаких признаков жизни. Видимо, в такую жару только наивные европейцы рискуют выходить на улицу под палящие лучи солнца. Но нет, мы, кажется, ошиблись. Вон под тем негустым деревом на каменной площадке собралась группа жителей. Наверное, там происходит что-то интересное. Среди людей — в основном женщин и детей — сидел, скрестив ноги, человек в белом. Он весь мелко трясся: время от времени подергивались веки, щеки, не переставал трястись мелкой конвульсивной дрожью корпус. И вдруг — в этом нет сомнения! — он метнул на нас быстрый осмысленный взгляд! И снова та же монотонная тряска, с еще

Улица старого Дели

более впечатляющим закатыванием глаз. Перед нами был настоящий садху — бродячий «святой». Еще нестарый здоровенный мужчина в ложном трансе не вызвал других чувств, кроме удивления. Но рядом стояли женщины, стояли дети, которые не отрываясь смотрели на «святого» и ловили его бессвязные восклицания. Лежали мешочки, очевидно с пищей, принесенной жителями, и стояли два каменных барельефа, изображающих свернутых кобр с раздутыми капюшонами. На коленях у «святого» лежал длинный пучок каких-то злаков, а рядом стояли три или четыре маленьких медных сосуда и еще какие-то непонятные металлические предметы.

Мы тихо пошли дальше.

В одну из наших поездок по окрестностям Джодхпура мы оказались в лесном питомнике Берлинанга, километрах в 20—25 от города. Здесь большой участок пустыни был несколько лет назад огорожен, и вездесущие козы и коровы не смогли вытаптывать и съесть траву и кустарник, которые выростали в небольшом количестве. Через несколько лет, когда мы и видели этот участок, он оказался густо заросшим пустынной растительностью: невысоким кустарником, редкими прозрачными акациями, почти не дающими тени, жесткой и колючей травой. Конечно, местность как была так и осталась полупустынной и по характеру растительности, и по климату, и по почве, но она резко отличалась от окружающих участков, выжженных солнцем до щебня. И как будто для того чтобы окончательно убедить нас в существовании жизни даже в пустыне Тар, среди невысоких кустов показались три нильги. Заслышав наши шаги, они скрылись в кустах, и потом мы увидели их уходящими в сторону поваленного забора. Оказывается, этот участок заметили и полюбили местные дикие животные.

Перед отъездом из Джодхпура мы стали свидетелями и в некотором роде участниками самого веселого весеннего праздника в Индии — Холи. Как-то после обеда мы пробирались по узким улочкам старого города, совершенно упустив из виду, что Холи все еще продолжается. Лавочки были закрыты, но толпы веселых людей на улицах и не думали о покупках. Веселые крики, какие-то вопли то тут, то там. Очень скоро мы узнали, что это были за вопли. Группа подошедших к нам молодых людей озорно о чем-то пошептала, и один из них со всего маху плес-

нул на нас ярко-красной краской. И правильно сделал! В праздник Холи нельзя обижаться на тех, кто тебя как следует покрасит. Дома оказалось, что нас спасла химия — краска легко отмылась от нейлоновой белой рубашки. Мы дружно радовались, что нас не облили чернилами, которые не отмываются даже от нейлона.

Последние дни, проведенные в Дели, были наполнены лихорадочной деятельностью: мы писали отчеты, упаковывали багаж, выступали с лекциями. Между делом буквально урывали время, чтобы посетить Красный Форт, знаменитую башню Кутб-Минар, мавзолей Хумаюна, еще раз пройти по улицам старого города, купить сувениры на Тибетском базаре.

Мы понимали, что вскоре новые дела, заботы, впечатления отодвинут назад, заслонят собой Индию. Но уже тогда мы знали, что она останется в нас навсегда. За месяцы пребывания в Индии мы проделали на самолетах, поездах, автомобилях, катерах (и на слонах!) путь в 20 тысяч километров. Мы с удовлетворением увидели высокий уровень научных исследований в Индии, собрали очень интересные и ценные зоологические коллекции.

Наступило последнее утро нашего путешествия. Из Бомбея получаем посылку — трех живых хамелеонов, благодаря чему наш и без того чудовищный багаж увеличился на одно место. «Боинг-707», обслуживающий авиалинию Дели — Москва, уже стоит на летном поле, и на нем отчетливо вырисовываются буквы, складывающиеся в очень знакомое слово, — «Канченджанга». Мы уже простились с нашими друзьями и идем по бетонным плитам аэродрома. Последний привет Индии — тяжелая гирлянда чудесных роз, которую по индийской традиции надели на каждого из нас, пахнет нежно и сильно.

* * *

Мы ехали в Индию, полные симпатии к ее народу, интереса к ее природе; мы улетали из Индии, покоренные ее гостеприимством, очарованные ее великой древней культурой, оставляя на этой земле частицы своих сердец и много новых друзей.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава	I. Москва — Дели	7
	На самолете через Памир — Нью-Дели — Обсуждение программы путешествия — Тибетский базар — Столичный университет — «Ликер пермит» — Зоопарк	
Глава	II. Агра — Джайпур	22
	Древняя дорога в Агру — Опасайтесь велосипедов — Школа под баньяном и колледж во дворце — Великие Моголы — Мертвый город — Тадж Махал — Жизнь Агры — Знакомство с обезьянами — Картошка и бананы — Где зимуют наши птицы? — Розовый город — «Из машин не выходить — на дороге тигры!» — Алвар — Снова в Дели	
Глава	III. Дели — Бомбей — Пуна	44
	Под нами Аравийское море — Бомбей — «Ворота Индии» — Институт Наук — Науки в древней Индии — Школьницы бастуют — Огнепоклонники — Тарополевала-аквариум — Владимир Аронович Хавкин — Ядовитые змеи — Зоопарк, музей, зоологический магазин — На железной дороге — Пуна — столица маратхов — Вирусный центр — Индийская зима — Экскурсия с Салим Али — На берегу Аравийского моря — Морские змеи и медузы — Как истреблять бродячих собак? — Бомбейское общество естествоиспытателей	
Глава	IV. Бангалур	75
	«Город зеленых бобов» — Чем плох химический метод борьбы с вредителями? — Гоматти и джайнизм — Храм Ченни Кесвара в Белуре — В гостях у С. Н. Рериха — Институт Наук Та-ты — Обезьяний дом — Язык танца — Какие бывают бананы? — Термиты — В джунглях	

Глава	V. Мадрас	110
	Уточнение программы — Вечерний Мадрас — Черный хануман и мышинные олени — Мурмаркет — Новый год в тропиках — Что такое «теософия» — Купаться нельзя! — Паук и современная техника — Пальма тодди, или пальмира — Махабалипурам — Моллюски на пляже — Песчаные крабы — Подарок Шивы — Чудеса древних зодчих — Сельскохозяйственный год — В заповеднике Ведантангал — Олений парк — Чем интересуются журналисты — Прием в мэрии — Улицы города	
Глава	VI. Коимбатур	142
	Снова в самолете — Лори недоволен — Сколько стоит обучение в колледже? — Сбор коллекций в лесу Марутомала — Голубые горы — Утакамунд — Плодовая станция — Муравьи-портные — Индуистский храм в горах — Лестница или молитвенник?	
Глава	VII. Мадур — Мандапам — Крусадай	157
	Гекконы на потолке — В древней столице Пандиев — Храм Минакши — Дорога к океану — Живые дюгоны — Прием в панчяте — Обживаем остров Крусадай — Коралловый риф — С фонарем за крабами — Спящие бабочки — «Разговоры» лори — В зарослях мангров — Ящерица под водой.	
Глава	VIII. Керала	187
	Тривандрум — Летучие лисицы — Перелет в Кочин — Над чем работают ученые Эрнаулама — Жук на вертеле — Иисус маскируется Шивой — На берегах Перияра — Слоненок Захир — Как работают слоны — Национальный парк Тхеккади — В Индии есть дикие слоны — Птица-носорог — Парад слонов в храме Шивы	
Глава	IX. Хайдарабад — Валтаир	205
	В сердце Индостана — Человек со слоновими ногами — Древняя Голконда — Летучие лисицы пойманы! — А не заразились ли мы бешенством? — Весна в лесу — Куда Брахма спрятал строительный мусор при сотворении мира? — Валтаир — На берегу Бенгальского залива — Путь в Калькутту	
Глава	X. Калькутта	215
	Что грозит иностранцу в Калькутте — Зачем нужна Зоологическая служба Индии? — Священные коровы — Драгоценный подарок русским зоологам — Живые чудеса Калькуттского	

зоопарка — В дельте Ганга — Слепые дельфины — Самое большое дерево в мире

Глава XI. Гималаи — Ассам 231

Железная дорога в Гималаях — Дарджилинг — В гостях у мистера Авари — Тигровый холм — Рационализация в буддийском храме — Тибетская колония — Третья вершина мира — Канченджанга — Альпинистский институт — По Ассаму — Марабу — Гаухати — «Свет Востока» — На Шиллонгском плато — Ананасы с солью — В горах Кхаси — Самое дождливое место в мире — Бурра-Базар

Глава XII. Дехра-Дун — Джодхпур — Дели 254

Дели — Дехра-Дун — Деревянная библиотека — На слоне по заповедникам — У священного Ганга — Перелет в Джодхпур — Пантеон богов и героев — Битва с лангурами — Индия — страна пустынь — «Святой» — Жизнь в пустыне — До свидания, страна друзей!

*Донат Владимирович Наумов
Алексей Владимирович Яблоков*

20 000 КИЛОМЕТРОВ ПО ИНДИИ

*Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *В. Л. Резников*   Художник *Г. Нагорянский*
Художественный редактор *Э. Эрман*   Технический редактор *М. А. Полуян*
Корректоры *В. М. Кочеткова* и *Л. И. Романова*

Сдано в набор 12/XII 1967 г. Подписано к печати 24/V 1968 г. А-01785 Бум. № 1.
Формат 84×108^{1/2}. Печ. л. 8,75—вкл. 0,125 Усл. п. л. 14,91. Уч.-изд. л. 15,34
Тираж 30000 экз.   Изд. № 1930.   Зак. № 3798.   Цена 89 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

2-ая типография издательства «Наука». Москва Г-99, Шубинский пер., 10

Советские зоологи Д. В. Наумов и А. В. Яблоков много ездят по свету. В блокнотах и путевых дневниках рядом с наблюдениями по специальности — записи о встречах с природой, культурой, интересными людьми. Читатель этой книги вместе с авторами совершит интересное путешествие по Индии длиной в 20 000 километров, побывает в крупнейших заповедниках страны и в Гималаях, на побережье Индийского океана и в старинных храмах. Читатель встретится с известным художником С. Н. Рерихом и индийскими рыбаками.

